

Вступление

... В пределах России нет другой страны, которая бы жила такой долгой и такой интенсивной жизнью, причастная эллинской средиземноморской культуре во все века своего существования...

М. А. Волошин

Юго-Западный, горный Крым и в античной, и в средневековой литературе описывался как особый в культурном и историческом отношении регион: для древних греков это был край тавров, чье отличие от остальной Скифии они всячески подчеркивали, а в средневековье, в эпоху нашествий кочевников, крымское нагорье стало основным районом обитания оседлого земледельческого населения. Это и послужило основой возникновения и расцвета "пещерных городов", крепостей, монастырей, расположенных на труднодоступных возвышенностях Внутренней горной гряды — на плато столовых гор и скалистых мысах. В XIII–XV вв. история региона — это, прежде всего, история княжества Феодоро, в культурном отношении успешно осуществившего сплав местных и византийских традиций и, вплоть до своего падения под натиском турок в 1475 г., противостоявшего иноземным, пришлым хозяевам Крыма — генуэзцам и Золотой Орде. Особую страницу составляют отношения Феодоро с Русью.

В отличие от античных городов, Юго-Западный Крым, это средоточие прежде всего местных культур, стал изучаться сравнительно недавно. Трудрами российских археологов и историков по крупицам собраны сведения, воссоздающие малоизвестную, но весьма важную страницу отечественной истории. Загадки и проблемы крымской истории давно вышли за пределы специальных научных изданий и представляют интерес для многих. Поистине, археологические богатства крымской земли неисчерпаемы, и новые находки и открытия, расширяя и углубляя наши представления, вместе с тем порождают новые вопросы. Поэтому и приходится, говоря о важнейших вехах истории Крыма, нередко употреблять слова «вероятно», "предположительно": сама незавершенность наших сегодняшних представлений увлекает, зовет к новым поискам, сопоставлениям, дальнейшему изучению.

Исключительные по своей живописности места, где расположены «пещерные» города и монастыри, находятся в стороне от популярных туристских маршрутов и мало посещаются. Сама пустынность здешних мест и то обстоятельство, что они были покинуты жителями, переселившимися в долины, более удобные для жизни, способствовали тому, что сохранившиеся руины, не искаженные позднейшей застройкой, донесли до нас средневековый облик этих городов. Это в меньшей степени относится к южному берегу, где необходима определенная мысленная реконструкция, поскольку роскошные парки, дворцы и здравницы отодвинули в тень (но не уничтожили) скромные остатки крепостных сооружений, издревле защищавших местное население от незваных гостей.

Особенности ландшафта горного Крыма во многом определили специфику его исторического развития. Будущие Крымские горы формировались на дне древних морей, где в течение миллионов лет накапливались толщи осадочных пород — известняков, мергелей, песчаников, глинистых сланцев и глин. Постепенно поднимавшийся из воды, первоначально единый массив подвергся впоследствии действию атмосферных сил — ветра и воды. Водная эрозия образовала речные долины и горные гряды, параллельные одна другой. Так от Главной гряды отделились Внутренняя (высотой до 738 м) и Внешняя (высотой до 344 м) горные гряды. Для них характерны полого понижающиеся северные и круто обрывающиеся южные склоны. Такой тип рельефа называют куэстой — косогором. Плотные известняки верхнего слоя куэсты образуют уступы-карнизы: наверху — известняково-нуммулитовый, который разрушается быстрее, под ним — известняково-мшанковый, более твердый. В процессе выветривания на склонах Внутренней гряды образовались причудливые фигуры — грибообразные «сфинксы», пластинчатые «ребра», округленные вершины и гроты, участки

сотового и точечного выветривания. Отдельными островами высятся плосковерхие горы-останцы — водной эрозией они в далеком прошлом были отрезаны от основной гряды. На ней вдоль южных обрывов Внутренней гряды расположились цепочкой "пещерные города" — средневековые укрепленные городища с вырубленными в верхнем известняковом слое пещерами. Ограниченные обрывами, почти горизонтальные плато создавали идеальные условия для создания оборонительных сооружений.

Немаловажна и другая особенность этих гор, разрешавшая вопрос об обеспечении расположенных на их вершинах укреплений водой — толщу известняков подстилают мягкие мергели, образующие под отвесным обрывом пологие склоны, поросшие лесом и создающие условия для образования водных источников.

Предгорье своеобразное природное звено, связывающее горы и равнины Крыма: лесная растительность чередуется со степной, горы невысоки, много долин, садов, виноградников. Ряд урочищ объявлены заповедниками и памятниками природы. Среди них каньоны рек Качи и Бельбека; Бельбекская тисовая роща; Сюреньский грот-навес; горы-останцы Мангуп и Тепе-кермен и другие. В сочетании с живописным своеобразием горной местности особенно выразительны руины средневековых городищ, уцелевшие памятники архитектуры.

Чтобы знакомство с древностями горного Крыма не осталось для путешественника разрозненной цепью диковинок, необходима определенная сумма исторических сведений, которая поможет ему дорисовать в своем воображении картину богатого прошлого этих земель, уходящего в глубокую древность.

I. ПРЕДАНИЯ И БЫЛЬ ГОРНОЙ ТАВРИКИ (Историко-культурный очерк)

Таврика — большой и весьма замечательный остров, имеющий много народов... Говорят, что там Озирис, запрягши быков, вспахал землю, и от этой-то пары быков получил имя народ.

Стефан Византийский

Прекрасная и суровая земля древней Таврики наделена неповторимым сочетанием редких и счастливых свойств: она для нас и "волшебный край, очей отрада"; и земля, где явлены многообразные следы различных культур, начиная с глубочайшей древности; и центральное звено в нерасторжимой связи этих глубоко уходящих корней с историей нашего Отечества. Место встречи почти всех основных культур древности (скифской, эллинской, иудейской) и средневековья (византийской, мусульманской, гуньской, армянской) и соприкасавшихся с ними народов, обитавших на краю ойкумены — в Скифии и Сарматии, перечисление племенных названий которых заняло бы не одну страницу.

Край, с которым связано одно из самых ранних упоминаний народа «русь» и знаменитый поход князя Владимира на Корсунь в 988 г., закрепивший культурную преемственность между самой мощной и просвещенной империей раннего средневековья, наследницей античных Греции и Рима — Византией и выступающим на историческую арену молодым русским государством. Его противоборство с наследником Золотой Орды — Крымским ханством и его покровителем — Османской империей завершилось присоединением Крыма к России в 1783 г. И здесь же, менее века спустя, Крымская война 1853–1856 гг., показавшая беспримерное мужество русского солдата, продемонстрировала со всей очевидностью неотвратимый кризис самодержавия.

Эти и многие другие вехи наглядно выявляют роль Крыма, который по праву считался перекрестком народов и культур: в течение веков через него шли морские пути, связывающие Русь с Европой и Азией, за них велась упорная борьба, увенчавшаяся победой только в XVIII в.

Попытаемся же увидеть и понять седую древность Таврики вначале через покровы окутывающих ее мифов и легенд, в которых своеобразно преломились элементы

действительности; а затем постепенно опустимся на твердую почву добытых археологами фактов, научно обоснованных историками выводов.

В древнегреческих мифах и в землеописаниях немало места уделено Тавриде и омывающему ее берега Понту Эвксинскому. Примечательно, что с ними связан один из древнейших пластов мифов, сообщаемых античными авторами. В «родословной» древнегреческих богов и героев Понт, наряду с Океаном, выступает древнейшим прародителем титанов, мифических царей и народов. От брака Понта и Геи произошли, в частности, гарпии, горгоны, граи, форкиды — архаические доолимпийские женские божества. Таврида, наряду с Колхидой, выступает местом действия одного из самых известных мифов Эллады — сказании о походе аргонавтов, который традиция приурочивает к XIII–XII вв. до н. э. У Гелиоса, древнейшего доолимпийского бога солнца, было два сына, один из которых — Персей — стал царем Тавриды, а другой — Ээт — царем Колхиды, обладателем золотого руна, за которым отправились в поход аргонавты.¹ Охраняли же это руно, по словам Диодора Сицилийского, тавры и их священные огнедышащие быки.

По берегам противоположных стран — Колхиды и Тавриды — бродили мудрые волшебницы, сведущие в целительных и губительных свойствах трав и камней: главной была Геката, дочь царя Тавриды Персея, которая, согласно Диодору, очень любила охоту, приобрела опытность в составлении смертоносных ядов, а также построила храм Артемиде и установила обычай приносить в жертву чужестранцев. От ее брака с Ээтом, царем колхов и меотов, произошли волшебницы Цирцея, знакомая нам по «Одиссее», и Медея, помогавшая Ясону похитить золотое руно. О сложных и тесных взаимосвязях населения Тавриды и Колхиды свидетельствуют и следующие детали рассказа Диодора: охрана золотого руна, от которого зависело благополучие и жизнь царя Ээта, была доверена именно таврам; дочь Ээта Медея, проведя аргонавтов к священному участку, где оно хранилось, на таврском наречии попросила стражу отпереть ей ворота.²

Интерес к Тавриде и другим припонтийским областям объясняется не только тем, что это — отдаленные неведомые земли, почти "потусторонний мир", подходящий для заселения мифическими героями. Греки стремились приобрести как можно больше реальных сведений о странах Северного Причерноморья, с которыми их издавна связывали торговые отношения. Страбон, будучи весьма высокого мнения об известных Гомеру географических сведениях, не сомневался в том, что события «Одиссеи» имели место на Понте, а попытки перенесения их в Океан, на запад, — просто поэтический вымысел. "Вообще люди тех времен, — пишет он, — представляли себе Понтийское море как бы другим Океаном, и отплывших туда воображали уехавшими столь же далеко, как и выплывших на большое расстояние за Геракловы столпы... Может быть, вследствие этого поэт перенес события из Понта в Океан... Может быть, и одноглазых циклопов поэт перенес из рассказов о Скифии: говорят, именно таковы аримаспы, которых вывел Аристей Проконнеский в "Аримаспее".³

Возникновение греческих колоний на северном побережье Черного моря, включая Крым, было подготовлено развивавшимися издавна, в течение не менее полутора тысячелетий, меновыми сношениями населения наших степей с южными странами, в том числе со странами Эгейского бассейна. О существовании исконных земледельческих культур в Северном Причерноморье свидетельствуют данные археологии. Рассказывают о них и мифы о легендарных обитателях севера гиперборейях, ежегодно посылавших дары Аполлону

¹ *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. — Л., 1972. — С. 6.

² *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. — 1947. - № 4. — С. 315.

³ *Страбон*. География в 17 книгах // Пер. и коммент. Г. А. Стратановского. — Л.: Наука, 1964. — Кн. 1, 2, 9.

Гиперборейскому на остров Делос; дары эти состояли из начатков урожая пшеницы, обернутых в пшеничную солому, которые передавались от одного народа к другому, покуда не достигали святилища Аполлона на острове Делос; обычай этот, начало которого теряется где-то во II тысячелетии до н. э., засвидетельствован и исторически в IV–III вв. до н. э. По мнению ученых, путь даров гипербореев отражает архаический торговый путь, по которому возили товары из Скифии.⁴

О древнейшем земледелии повествует миф, слова из которого взяты в качестве эпиграфа к главе. В греческой литературной традиции существовал рассказ о деяниях древнего царя или бога, наделенного всеми чертами "культурного героя", которого египтяне называли Озирисом, а греки — Дионисом. Решив приобщить людей к полезным открытиям и прежде всего научить их возделыванию хлеба и винограда, он отправился в длительное путешествие вплоть до Индии, неся всюду изобилие и радость, основывая города, которым давал одно и то же имя — Ниса.⁵ Кстати Дионис и значит "бог Нисы": Стефан Византийский насчитывал в древности полсотни городов с этим именем. Побывал Озирис-Дионис и в Таврике, где также научил людей земледелию и виноградарству: именно с этим, согласно легенде, и связано название страны, поскольку священным животным как Озириса, так и Диониса был бык — по-гречески таврос. Именно таким его изображают рисунки на вазах — увенчанным виноградной лозой, в окружении сатиров и вакханок. Переправа священного быка с востока на запад, из Колхиды в Тавриду, увековечена в названии Босфор — бычья переправа.

Таврика в мифах

Античная письменная традиция донесла до нас то скудные, то многословные сведения, где была перемешана с легендой, о древнейших обитателях Крыма — киммерийцах, таврах, скифах. Сегодня, когда накоплен немалый археологический материал, сгруппированный под теми или иными условными названиями — по месту первых находок — в качестве памятников кемиобинской, кизилкобинской и других культур, встает сложная задача отождествления их с теми или иными племенами, фигурирующими у древних авторов. И хотя основными обитателями горного Крыма античная традиция называет тавров, четко отличая их от скифов, сегодня мы знаем, что этническая картина была гораздо сложнее и динамичнее: ее складывание определялось тем, что племена, с незапамятных времен двигавшиеся с востока и пытавшиеся закрепиться в Северном Причерноморье и в Крыму, по прошествии нескольких веков вытеснялись новыми волнами переселенцев. Нам известно, что примерно с VII в. до н. э. древнейших обитателей края — киммерийцев — вытесняют скифы; в III в. до н. э. скифов вытесняют сарматы и т. д. При этом осколки племен и народностей, некогда входивших в главенствовавший на полуострове союз племен, оттесняются в горы, где еще долго хранят свою этнокультурную самобытность. Предгорьям и горам Юго-Западного Крыма, стоявшим преградой на пути кочевников, суждено было играть особую — охранительную — роль в истории культур: к ним в полной мере можно отнести слова Г. В. Ковалевского о значении горных районов, которые "в противоположность низинам, уберегли в своих изолированных гнездах древнейшие и своеобразные реликты прошлого — осколки человеческих рас, наречий, старинные хозяйственные формы... обычаи, нравы, остатки растений и животных".⁶

⁴ Иссен А. А. Античная колонизация Северного Причерноморья. — Л., 1947.

⁵ Диодор Сицилийский. Библиотека. Кн. 1,1.

⁶ Ковалевский Г. В. Культурно-историческая и биологическая роль горных районов // Природа — 1931. - № 1. — С. 170.

Ее древнейшие обитатели

Самый древний народ, населявший причерноморские степи и Крым и чье имя дошло до нас — киммерийцы: они обитали здесь на рубеже II и I тыс. до н. э. Геродот, посетивший Северное Причерноморье в V в. до н. э., киммерийцев, разумеется, не застал, и передавал сведения, оставшиеся в памяти местного населения, ссылаясь на уцелевшие географические названия — Боспор Киммерийский, на берегах которого находились поселения Киммерик и Киммерий, Киммерийские стены и т. д.⁷ Согласно рассказу "отца истории", киммерийцы, вытесненные скифами, удалились в Малую Азию. Однако оставшаяся часть смешалась с победителями: в свете данных археологии, антропологии, лингвистики, киммерийцы и скифы — родственные народы, представители североиранского этноса, так что очевидно не случайно греческие авторы подчас путали или отождествляли их.⁸ Вопрос об археологической культуре, соответствующей историческим киммерийцам, считается одним из сложнейших. Прямыми потомками киммерийцев некоторые исследователи считали тавров. Тем временем накапливавшийся археологический материал привел к выделению особой культуры, названной кизилкобинской по месту первых находок в районе Красных пещер — Кизил-коба. Ее носители жили там же, где и тавры, — в предгорьях, в то же время — с начала I тыс. до н. э. по III–II в. до н. э., занимались земледелием и отгонным скотоводством. Однако в культуре оказались существенные различия — так, у кизилкобинцев керамика украшена геометрическим орнаментом, у тавров он обычно отсутствует; разным был и погребальный обряд — первые хоронили покойников в небольших курганах, в могилах катакомбного типа, в вытянутом положении на спине, головой обычно на запад; вторые — в каменных ящиках, присыпанных землей, в скорченном положении на боку, головой обычно на восток. Сегодня кизилкобинцы и тавры рассматриваются как два разных народа, обитавших в течение I тыс. до н. э. в горной части Крыма.

Чьими же потомками они являются? Очевидно, корни обеих культур уходят в бронзовый век. Сравнение керамики и погребального обряда говорит о том, что вероятнее всего кизилкобинская культура восходит к так называемой позднекатакомбной культуре, носителями которой многие исследователи считают киммерийцев.⁹

Что касается тавров, то их наиболее вероятными предшественниками можно считать носителей кемиобинской культуры (по имени кургана Кеми-Оба близ Белогорска, раскопанного А. А. Щепинским, с которого началось ее изучение), распространенной в предгорном и горном Крыму во второй половине III — первой половине II тыс. до н. э. Именно кемиобинцами были поставлены в крымских степях и предгорьях первые курганы, обнесенные каменными оградами по основанию и увенчанные некогда антропоморфными стелами. Это большие каменные плиты, отесанные в виде человеческой фигуры, где выделены голова, плечи, пояс, представляли собой первую попытку создать образ человека в монументальном искусстве Причерноморья в конце III — начале II тыс. до н. э. Подлинным шедевром среди них является полутораметровая диоритовая стела из Казанков, найденная под Бахчисараем.¹⁰

Проблема происхождения антропоморфных стел, встречающихся не только в

⁷ Геродот. История в 6 книгах / Пер. и коммент. Г. А. Стратановского. — Л.: Наука, 1972. — Кн. IV, 12.

⁸ Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы. — М... 1981. — С. 105.

⁹ Щецинский А. А. Красные пещеры. — Симферополь, 1983. — С. 50.

¹⁰ Лесков А. М. Указ. соч. — С. 25.

Причерноморье, но и на юге Франции, непосредственно связана с распространением мегалитических сооружений — каменными оградами, каменными ящиками, столбообразными менгирами. Отмечая их большое сходство с памятниками северо-западного Кавказа, исследователи предпочитают говорить не о влиянии последних, а о единой культуре, распространенной в бронзовом веке от Абхазии на востоке до Крымских гор на западе. Многие сближает кемиобинскую культуру с более поздней таврской. Тавры — подлинники наследники мегалитической традиции — воспроизводили ее сооружения, хотя и в несколько уменьшенном масштабе.¹¹

Культура и быт тавров

Действительно, многое заставляет видеть в таврах реликт некогда многочисленного народа с самобытной культурой. Из многочисленных свидетельств античных авторов явствует, что особенно поражал воображение греков сохранившийся у тавров обычай человеческих жертвоприношений. О других же сторонах жизни местных племен мы не узнаём почти ничего, и неудивительно — слишком суровой стеной оградили свою страну тавры от чужеземцев. Прекрасно знакомые с берегами Понта древние мореплаватели опасливо миновали гористую Таврику. Подробные описания крымского побережья у античных авторов сменяются беглым перечислением основных пунктов побережья, заселенного таврами; так, у Плиния старшего читаем:

"...город тавров Плакия, порт Символов, мыс Криуметопон... далее много бухт и портов тавров..."¹²

Вспомним, как неприветливо встретили Одиссея и его спутников листригоны — племя, место обитания которого античная традиция и часть современных исследователей локализует в Балаклавской бухте. Страбон так описывает бухту Символов: "с узким входом, возле которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны тавры, скифское племя, нападавшее на тех, которые спасались в эту бухту".¹³ Из сочинений более ранних античных авторов известно, что тавры занимались пиратством. Одной из заслуг Боспорского царя Евмела (IV в. до н. э.) была победа, одержанная им над пиратами — "гениохами, таврами и ахайями".¹⁴ Однако пиратство, возможно бывшее формой самообороны, вовсе не было главным занятием тавров. Раскопки многочисленных таврских поселений показывают, сколь преувеличены сообщения древних авторов о дикости и пиратстве их жителей. Сегодня можно утверждать, что основным занятием тавров было земледелие,¹⁵ а также скотоводство отгонного типа, то есть обычное для горных племен с сезонными кочевками со стадами из

¹¹ Щепинский А. А. Указ. соч. — С. 51.

Эту историческую реконструкцию культур по линиям "позднекатакомбная культура — киммерийцы — кизилкобинцы" и "кемиобинцы — тавры", по словам ее автора, не следует представлять прямолинейно; в ней еще немало неясного и неизученного.

¹² Плиний старший. Естественная история. — Кн. IV, XXVI, 7.

¹³ Страбон. Указ. соч. — Кн. IV, 6, 9.

¹⁴ Диодор Сицилийский. Указ. соч. — Кн. XX, 25.

¹⁵ Согласно авторитетному мнению ученых, среди семян, найденных на Уч-баше, имеются зерна карликовой пшеницы — сорта, который появился на территории Молдавии и правобережной Украины только в средневековье. Древние греки не могли привезти ее с собой, так как на Балканах она была тогда неизвестна. Видимо, с родины земледелия — Ближнего Востока — карликовая пшеница проникла в Крым очень давно; здесь, у тавров, позаимствовали ее греческие колонисты. — См.: Крымские каникулы. Книга вторая. — Симферополь, 1985. — С. 332–333.

долин в горы и обратно.

Бедность металлами и недостаточная связь с металлургическими центрами привели к тому, что каменные орудия, особенно на раннем этапе развития таврской культуры, играли ведущую роль. Большие месторождения кремня, мелкозернистого песчаника и диорита в горных районах Крыма в изобилии предлагали необходимый для этого материал. Из кремня изготавливались вкладыши для серпов и всевозможные ножевидные пластины; встречаются также и каменные полированные топоры с обухами. Из кости изготавливались наконечники стрел, гарпуны, иголки. К металлу, видимо, относились как к редкой диковинке, и чаще использовали для украшений. Судя по многочисленным находкам на поселениях, у тавров существовало бронзолитейное производство: из бронзы изготавливались гривны, браслеты, бляшки, кольца, булавки. Железных изделий очень мало, количество их несколько увеличивается лишь на позднем этапе развития таврской культуры.

Древнейшее (около VIII в. до н. э.) из известных нам в Крыму укрепленных поселений тавров Уч-баш находится в Инкермане над Каменоломным оврагом (между левым берегом реки Черной и шоссейной дорогой на Севастополь). В жилищах и зерновых ямах поселения найдено много зерен пшеницы, ячменя, фасоли и гороха. Зерно хранили также и в крупных, похожих на пифосы толстостенных сосудах местного производства. Таврские укрепления отличаются ярко выраженным своеобразием: стены из необработанных камней, сложенных насухо, часто примыкают к скалам, образуя как бы одно целое с горным ландшафтом. Иногда они имеют башенные выступы без внутренних камер. Культура тавров развивалась в условиях горно-лесной природы, в обстановке родоплеменного строя и устойчивых обычаев: она отличалась большим своеобразием, архаичностью, относительной замкнутостью и консервативностью.¹⁶

Родоплеменная организация у тавров сохранялась до IV–III вв. до н. э., хотя уже со времени Геродота произошли сдвиги в их общественном и хозяйственном развитии — продвинулась строительная деятельность, усилилась в борьбе с врагами военная организация. Во главе племен, каждое из которых занимало особую территорию, стояли вожди, которых греки называли базилиевсами — царями. С конца II в. до н. э. и позже тавры неоднократно выступали совместно со скифами против Херсонеса, а также против Боспора и римлян, стремившихся подчинить их своей власти. Вероятно в эти времена происходило объединение племен во временные военные союзы для отражения более сильного врага. Об этом свидетельствует постоянное образование цепи укреплений на перевалах. Древние авторы свидетельствуют о мужестве тавров в их борьбе с иноземцами и о своеобразии их военных приемов: по словам римского историка Полиена, они перекапывали дороги у себя в тылу, чтобы сделать невозможным отступление.

Имеющиеся данные о бытовых занятиях тавров говорят о них как о народе отсталом, стоящем на сравнительно низкой ступени социально-экономического развития. Однако то немногое, что мы знаем о нем, в то же время позволяет предполагать, что перед нами — немногочисленный остаток некогда многочисленного народа, обладавшего самобытной культурой. Думается, что к таким реликтам относится архаический культ богини Девы, с человеческими жертвами (характерно, что согласно мифу об Ифигении греки «узнали» свою Артемиду в таврской богине, которой, возможно, поклонялись их давние предки); относится к ним и мегалитическая традиция, и, наконец, недавно выявленные остатки таврской топонимики.

Крымские мегалиты

Распространение мегалитических сооружений, к которым относятся менгиры —

¹⁶ Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. — М., 1959. — С. 232–272.

вертикально поставленные каменные глыбы, кромлехи — круги из камней, связанные, вероятно, с культом солнца, дольмены — каменные ящики, служившие, в основном, для погребений, циклопическая кладка стен из огромных камней, приходится на III — начало II тыс. до н. э., а на западе Европы — и раньше: оно охватывает прибрежные районы Средиземноморья и Причерноморья, в том числе Крым и Западный Кавказ.¹⁷ Самые ранние мегалитические сооружения в Крыму восходят к кемиобинской культуре: тогда покойников хоронили в каменных ящиках из огромных плит, обычно покрытых геометрической росписью. Поверх гробниц насыпался курган, обычно обложенный каменными плитами по основанию. Существует предположение, что Золотой курган и шедший вдоль него насыпной вал восходят к III тыс. до н. э., а позднее лишь неоднократно подновлялись. Многие черты кемиобинской культуры были унаследованы таврами.

У тавров проявления древней мегалитической культуры сохранялись на протяжении I тыс. до н. э., к концу которого она приходит в упадок по мере увеличения контактов с более динамичными греческой и позднескифской культурами. Еще в прошлом веке горный и прибрежный Крым представлял собой редкую картину обилия подобных памятников, в особенности каменных ящиков, которые иногда называют крымскими дольменами. В отличие от кавказских дольменов — грандиозных наземных сооружений из цельных каменных плит с круглым отверстием в торцевой вертикальной стенке, крымские дольмены несколько меньше по размерам и обычно скрыты под земляной насыпью.

Добыча и искусство обработки камня играли в культуре тавров большую роль. Огромного труда требовало строительство могильников. Расстояние от них до ближайшего месторождения камня нередко превышало километр. Здесь выламывались и транспортировались плиты для каменных ящиков длиной до 2 м, высотой — более 1 м, толщиной 25–30 см, весившие примерно 2 тонны. Чтобы отколоть такую глыбу от материнской скалы, необходимо было выбрать слоистое строение камня, найти сравнительно легко отделяемые части, которые, по-видимому, откалывались с помощью клиньев, сделанных из твердых пород дерева. Затем плиты водружались на деревянные катки и доставлялись к могильнику. Обработка их на месте, выдалбливание пазов, куда вставлялись поперечные стенки, велась каменными, а позднее металлическими орудиями. В сооружении каменных ящиков принимал участие весь род. В одном ящике подчас встречается до 30–45 захоронений с оружием. Инвентарь погребений довольно беден: бронзовые украшения, каменные орудия, раковины каури, пастовые бусы; с V в. до н. э. появляются железные мечи-акинаки, железные ножи и удила, что свидетельствует о связях со скифами.¹⁸

В поисках храма Девы

Взаимоотношения цивилизованных греков с местными варварами — таврами — оказались не совсем простыми и однозначными. Есть веские основания считать, что греки-колонисты позаимствовали кое-что из местного земледельческого опыта (см. сноску¹⁹); но помимо этого они подверглись влиянию тавров и в своей духовной жизни, восприняв культ их главной богини. В херсонесской присяге, после Зевса, Геи, Гелиоса

¹⁷ Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры. — М., 1981. — С. 127.

¹⁸ Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. — Киев, 1965. — С. 200.

¹⁹ Согласно авторитетному мнению ученых, среди семян, найденных на Уч-баше, имеются зерна карликовой пшеницы — сорта, который появился на территории Молдавии и правобережной Украины только в средневековье. Древние греки не могли привезти ее с собой, так как на Балканах она была тогда неизвестна. Видимо, с родины земледелия — Ближнего Востока — карликовая пшеница проникла в Крым очень давно; здесь, у тавров, позаимствовали ее греческие колонисты. — См.: Крымские каникулы. Книга вторая. — Симферополь, 1985. — С. 332–333.

названа Дева — главное таврское божество, считавшаяся покровительницей города. В Херсонесе находились ее храм и статуя, а в 100 стадиях (около 17,7 км) от города, на мысе Парфенион, по сообщению Страбона, существовало ее святилище. В честь богини устраивались праздники — парфении. Включение местного божества в свой пантеон было для греков делом нередким. Однако Дева заняла ведущее место в этом пантеоне — она считалась покровительницей города, а в III в. до н. э. была провозглашена царицей — базилиссой Херсонеса!²⁰ Конечно, существует политическое объяснение этого факта — новый титул богини освящал коллегиальное правление старейшин. Однако почему для этой цели выбрана именно местная богиня? И здесь впору задуматься над особенностями духовного мира древних, предположив, что авторитет варварского местного божества мог воздействовать на воображение греков потому, что происходил из некогда общего для припонтийских жителей источника, причем наиболее архаический его пласт они обрели именно на местной таврской почве.

Культ богини Девы — покровительницы Тавриды — был некогда общим для многих народов, окружавших Понт: великое женское божество земли, воды, всей жизни появляется почти у всех народов на ранней стадии развития.²¹ Греки ко времени колонизации Таврики и остальных берегов Понта давно миновали эту стадию, но все же продолжали «узнавать» в жестокой таврической богине свою Артемиду. В чудесной замене Ифигении на жертвенном алтаре животным сохраняется воспоминание о первоначальных человеческих жертвоприношениях, которые были обычными в эпоху первобытной дикости, но затем стали восприниматься как отвратительная жестокость, недостойная греков и оттесненная на периферию варварского мира.

Культ Девы-Артемиды, богини, общей для местных варваров и для пришлых греков, давно привлекает внимание исследователей. Геродот сообщает, что Дева имела свое святилище, где, должно быть, стоял алтарь, на котором происходило заклинание жертвы. Оно находилось на утесе, откуда тело несчастного сбрасывали в море.²² Страбон писал, что храм Девы стоял на мысе Партенион, о местоположении которого приходится строить догадки.²³ Изгнанный из Рима в г. Томы в устье Дуная, блестящий римский поэт Овидий — единственный, кто оставил подробное описание храма, вложенное им в уста старого тавра: "Есть в Скифии местность, которую предки называли Тавридою. Я родился в этой стране и не гнушаюсь своей родины; это племя чтит родственную Фебу богиню. Еще и ныне стоит храм, опирающийся на огромные колонны: к нему ведут сорок ступеней. Предание гласит, что там был ниспосланный с неба кумир; не сомневайся, еще и ныне там стоит подножие, лишенное статуи богини; алтарь, который был сделан из белого камня, изменил цвет и ныне красен, будучи окрашен пролитой кровью. Священнодействие совершала жрица".²⁴ Романтическим поискам храма Девы, где Ифигения несла свое печальное служение жестокой богине и откуда была похищена ее статуя, отдали дань многие русские и иностранные исследователи. Большинство искало этот храм на мысе Фиолент близ Херсонеса, а также на Аю-даге и т. д. Дюбуа де Монпере и Муравьев-Апостол обратили внимание на один из мысов побережья между Фиолентом и Херсонесским маяком, где были обнаружены руины большого прямоугольного здания. Поскольку здесь отсутствовали

²⁰ Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Понте Евксинском. — Пг., 1918.

²¹ Ростовцев М. И. Новая книга об острове Белом и Таврике // ИАК, 6, 1918а.

²² Геродот. Указ. соч. — Кн. IV, 103.

²³ Страбон. Указ. соч. — Кн. VII, 4, 2.

²⁴ Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978.

отложения, обычно окружающие жилые и хозяйственные строения, Дюбуа пришел к выводу о культовом характере постройки. Археологические поиски продолжаются и по сей день: исследователи вновь и вновь обращаются к сообщениям античных авторов, стремясь выделить в причудливом сочетании мифов и легенд подлинные исторические и географические сведения. Однако сегодня приходится принимать во внимание следующие соображения. Во-первых, храм, столь красноречиво описанный Овидием и неоднократно изображавшийся на античных вазах и барельефах, был, по-видимому, воздвигнут греками в Херсонесе или поблизости; здесь чтили божество, в котором синтетически слились черты местной Девы и греческой Артемиды. Что касается тавров, то, по-видимому, у них были не храмы, а святилища; скорее всего они представляли собой жертвенники на крутых утесах.

Продолжая наши размышления над кругом представлений древних, обратим также внимание на то, что образ Девы как божества плодородия явно неполон. Херсонесская Дева предстает перед нами на многочисленной серии монет (ее статуи до нашего времени не сохранились) в образе воительницы, с луком и стрелами, в коротком хитоне, с оленем или грифоном у ног. Распространено изображение Девы с так называемой башенной короной на голове. Сложившаяся о ней в Херсонесе легенда также представляет ее как непосредственную защитницу города от вооруженных нападений. Согласно дошедшей до нас надписи III в. до н. э. первый историк Херсонеса Сирик был увенчан золотым венком за то, что "описал явления Девы", точнее, приписал ее покровительству различные победы херсонеситов.²⁵ В 107 г. до н. э. во время парадной процессии на празднике Парфений в честь главной богини и покровительницы Херсонеса Девы был увенчан золотым венком полководец понтийского царя Митридата Диофант, одержавший ряд побед над скифами, угрожавшими греческому народу. В дошедшей до нас подробной надписи об этих походах, вырезанной на постаменте статуи Диофанта, содержатся строки: "...постоянная покровительница херсонесцев Дева и тогда содействуя Диофанту посредством случившихся в храме знамений предзнаменовала имеющее свершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску... и воспоследовала... победа славная и достопамятная во все времена".²⁶

Амазонки

Получается, что великое женское божество в Тавриде совмещало в себе и хтоническое, связанные с культом плодородия, и общественные функции, напоминая о тех временах, когда, по словам Платона, "дело войны и управления у мужей и жен было общее". А не отразились ли в образе Девы собирательные черты легендарного народа амазонок? На это обращал внимание еще М. И. Ростовцев, связывавший этот круг преданий с племенами живших в Приазовье меотов, синдов и савроматов. У савроматов — племен, живших к востоку от Дона, по рассказам греческих путешественников, девушки обучались военному делу наравне с юношами и не имели права выходить замуж, пока не убьют хотя бы одного врага; сохранилось и название племен — «женоуправляемые». Походы амазонок описаны в трудах Диодора Сицилийского, который, в частности, сообщает, что амазонки, жившие в Приазовье, в своем продвижении на юг проникли в Тавриду, где основали святилище Ареса и Артемиды Тавропопы.²⁷

Историкам предстоит еще немало сделать, чтобы за строчками легенды об амазонках различить определенную историческую реальность, и эти попытки предпринимаются. Мы

²⁵ IPE 12, 343.

²⁶ IPE 12, 352.

²⁷ Диодор Сицилийский. Указ. соч. — Кн. I, IV, VII.

сосредоточим внимание на другой стороне вопроса, а именно на том, что в эпоху античности амазонки обрели вторую жизнь в искусстве. Легенды, приуроченные к берегам Тавриды и Северного Причерноморья, дали жизнь многочисленным вариантам устойчивого сюжета греческой вазописи — битвам греков с амазонками, борьбе амазонок с грифонами или своеобразному "групповому портрету" — головы лошади, амазонки и грифона. Наибольшее количество ваз с этими сюжетами найдено в Северном Причерноморье и в Крыму, что говорит о популярности их у местного греко-варварского населения, ибо изготавливались они с расчетом на определенный спрос. Далекий мир обитателей Причерноморья, фантастические представления о нем, легли в основу древних мифов об аримаспах, амазонках и грифонах. О них впервые рассказал Аристей Проконнесский около 540 г. до н. э. в поэме «Аримаспея». Геродот приводит местное сказание, что аримаспы похищают золото у стерегущих его грифонов — зверей наподобие львов с крыльями и головой орла. Мифический народ амазонок имеет в вазописи свою иконографическую традицию, передающую подробности одежды, вооружения, внешнего облика. Амазонки стройны и прекрасны; из-под головного убора — островерхого колпака с длинными наушниками — выбиваются кудри. Кстати, этот головной убор, известный под названием "фригийского колпака" (Фригия — область в Малой Азии) украсит головы якобинцев, Марианны, символизирующей Французскую республику, а затем повторится в красноармейской буденовке, созданной по эскизу Васнецова. Традиция живуча — можно вспомнить и "поляницу удалую" русских былин, и могучую Настасью Микулишну, с которой боролся на поединке Добрыня Никитич! Античный мастер иногда любил подчеркнуть контрасты — вот на килике обнаженный греческий воин в шлеме со щитом и мечом и амазонка, затянутая в своего рода «комбинезон», плотно облегающий тело до запястий рук и ног и усеянный золотыми нашивными бляшками. Последнее, кстати, — непременная деталь костюма, находимая в богатых скифских погребениях. Иногда этот костюм дополняется туникой поверх «комбинезона». Вооружение амазонок составляют лук и стрелы в колчане, иногда в сочетании с секирой и щитом. Некоторые реалистические подробности, воспроизводимые мастерами-вазописцами, несомненно, опирались не только на легенды, но и на конкретные наблюдения некоторых местных племен, где женщины владели оружием наравне с мужчинами.

Сведения о происхождении и этнической принадлежности тавров разноречивы. Геродот пишет о таврах и скифах как о разных народах с разными обычаями и разным образом жизни.²⁸ О происхождении тавров существует несколько предположений. С одной стороны, отмечалось поразительное сходство в обрядах и инвентаре близких по времени погребений в каменных ящиках Крыма и Северного Кавказа, с другой — местные традиции, корнями уходящие в эпоху бронзы, во II тыс. до н. э.; с третьей — наличие элементов фракийской культуры. Подобному смешению культур способствовало промежуточное положение Крыма между восточным и западным побережьем Черного моря.

Таврская топонимика

Сегодня в выявление их облика вносят вклад и лингвистические исследования топонимов — уцелевших названий рек, гор, урочищ и поселений, не объяснимых из татарского, греческого, итальянского и других языков. Необходимость глубокого изучения топонимики горного Крыма с учетом немногих дошедших до нас в греческой транскрипции таврских наименований, подчеркивалась рядом исследователей. Эта работа была проделана видным советским лингвистом О. Н. Трубачевым, который доказал родство корней некоторых слов с индоарийской языковой ветвью. "Античная Таврида, Таврические горы и отгороженный ими берег полуострова, — пишет он, — и на этот раз подтвердили свою

²⁸ Геродот. Указ. соч. — Кн. IV, 99.

репутацию зоны реликтов, которой они пользуются, например, в климатологии и биологии".²⁹

В семье индоевропейских языков наиболее древними являются индоарийские, затем следуют индоиранские. В северном Причерноморье народы индоиранской общности — скифы, сарматы, савроматы — в эпоху, освещаемую греческими историками, играли преобладающую роль, сильно потеснив своих предшественников. Однако, как показали новейшие исследования, здесь сохранились изолированные островки племен — носителей индоарийских языков: это прежде всего, синды ("индийская народность", по выражению древнегреческого писателя), меоты и долее других противостоявшие иранской экспансии тавры, закрепившиеся в горно-лесном Крыму.

Особенно интересны осуществленные О. Н. Трубачевым расшифровки названий Черного моря и Азовского моря. Плиний старший в "Естественной истории" приводит его местное название, которое звучало как «Темарунда» или «Темеринда». Сопоставление его с древнеиндийскими корнями дало замечательный результат: в переводе это означает "Темная пучина" — явный аналог "Черного моря"! Не менее интересно, что иранские народы перевели «Черное» на свой язык и оно стало называться «Ахшайна». В свою очередь, греки, грешившие склонностью местные названия объяснять через собственный язык, осмысливали его как «Аксинский», то есть «Негостеприимный» Понт; позднее же, после основания и расцвета греческих колоний, они стали называть его «Эвксинский» — «Гостеприимный». И, наконец, последний, русский перевод — "Черное море" вновь вернул ему исконный древний смысл индоарийского «Темарунда».

Азовское море называлось у древних «Майотис», "Меотида"; Плиний передает смысл этого названия — оказывается, окрестные племена — меоты — считали его «матерью» Черного моря, питавшей его своими водами. Это вполне соответствует значению соответствующего древнеиндийского корня: меоты, в свою очередь, могут быть переведены как «материнские» (вспомним, что по аналогии образовано слово патриции — "отцовские"), что опять-таки согласуется с греческими сообщениями о «женоуправляемых» племенах Приазовья. Сходной операции по расшифровке может быть подвергнуто и название горы Мангуп, Манкуп, где находилась столица средневекового княжества Феодоро — "Материнская гора". Возможно, ее татарское имя "Баба-даг", — "Дедовская гора", сохраняет прежний смысл названия — в честь предков.

В горной части полуострова, то есть в местах обитания тавров, встречается немало названий с основой «сал», "сала": это название деревень — Ени-сала, Бия-сала, Ходжа-сала, название реки Салгир, города — Солхат (Старый Крым). Основа «Сал» на основе древнеиндийского может быть истолкована как "склон горы" и одновременно "водный поток", которому она служит стоком: в глубокой древности оба эти понятия сливались. Пример, взятый, правда, не с территории обитания тавров, а близких им по языку меотов — река Сал, впадающая в Дон, и соседняя с ней Сальская возвышенность. Если исконным названием крымского нагорья было Сала — склоны, невысокие горы, то греческое название этих мест, употреблявшееся в средневековье, — Климаты — можно счесть переводом, весьма адекватно передающим смысл слова «склоны».

Назовем еще одно слово — тарапан — виноградодавильня, широко распространенное в нагорных селениях. Оно означает высеченное прямо в скале каменное ложе виноградного пресса, из которого по желобу в высеченный ниже резервуар стекал виноградный сок. Слово это также убедительно реконструировано О. Н. Трубачевым на индоарийской языковой основе: его по праву можно считать таврским словом, сохраненным южнорусскими диалектами и продолжающим жить в русском языке.

Мы упомянули лишь малую часть крымских топонимов наиболее древнего,

²⁹ Трубачев О. Н. Таврские и синдо-меотские этимологии // Этимология. 1977. — М., 1984. -С. 127–144; Его же. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. — 1977. - № 6. — С. 13

индоарийского происхождения из нескольких десятков проанализированных О. Н. Трубачевым и связываемых им с таврами.

Поздние скифы и сарматы

Ираноязычные пришельцы — степняки скифы, появившиеся в Северном Причерноморье еще в VII в. до н. э., постепенно становятся новыми хозяевами Крыма, тесня аборигенов в предгорья. Уже во времена Геродота скифы в Крыму постепенно оседают на земле, вступают в тесные отношения с обитателями греческих городов. Резиденция скифских царей из Приднепровья (Каменское городище близ Никополя) переносится в Крым: здесь с III в. до н. э. по III в. н. э. существует государство поздних скифов со столицей в Неаполе ("Новый город" — греч.), располагавшемся на одном из холмов в черте современного Симферополя. Скифские вожди стремились подобраться поближе к греческим городам Боспорского царства и Херсонеса с их богатствами, поставить их в зависимость, вести самостоятельную торговлю хлебом, за который они получали предметы роскоши — вино, оливковое масло, дорогую утварь и золотые украшения. Тесное общение с греками придало позднескифской культуре особый синкретический характер; скифский звериный стиль почти исчезает, наряду с подражанием грекам все более проявляются сарматские влияния, происходит варваризация эллинистической культуры.

Границы позднескифского государства простирались до Главной гряды Крымских гор, на западе — до побережья, на востоке они доходили до Феодосии. Земли речных долин Альмы, Качи, Бельбека особенно активно заселяются в первые века нашей эры, когда скифов, в свою очередь, начинают теснить сарматы. Возникают укрепленные позднескифские городища, нередко на местах, где раньше жили тавры. Систематическому изучению они подверглись сравнительно недавно. С 1954 г. началось исследование городища на левом берегу реки Альмы, у села Заветного — Алма-кермен: здесь сохранились остатки оборонительной стены и укрепления, где укрывались в момент опасности жители открытого селения. В устье Альмы, на самом берегу моря обследовано еще одно городище поздних скифов — Усть-Альминское. Об этническом разнообразии позднескифского государства образно, так сказать, языком погребальных обрядов, поведал хорошо изученный некрополь этого городища. Скифы копали большой и глубокий склеп, куда вел коридор — дромос. Погребальная камера с групповыми захоронениями закрывалась большой каменной плитой, а дромос заполнялся камнями. При каждом новом захоронении каменный завал в дромосе разбирался. Близ могил в специальных ямах встречаются захоронения коней. Среди погребального инвентаря попадаются фибулы, гривны, украшения из бронзы и изредка из золота. О притоке сарматов говорит значительное количество характерных для них подбойных могил: вдоль длинной стороны узкой могильной ямы делался подбой, то есть камера, куда помещали погребенного, посыпая дно могилы мелом или углем (очистительный обряд!), а затем закрывали ее каменными плитами, и входную яму заполняли камнями. У сарматов существовал обычай деформации черепа (новорожденному стягивали тугой повязкой голову, так что со временем она становилась вытянутой): отсюда — обилие в сарматских захоронениях деформированных черепов. Встречаются и плитовые могилы — прямоугольные ямы, обложенные по сторонам и перекрытые сверху плоскими каменными плитами, характерные для греков. Почти каждая могила Усть-Альминского некрополя отмечена сверху кучкой камней или одним камнем без изображений; в то же время на Алма-керменском некрополе найдено шесть надгробных камней с изображением мужских фигур. Распространение надгробных стел с изображением воинов вообще характерно для позднескифской культуры.³⁰

Письменные источники свидетельствуют о проникновении сарматов в Крым, начиная с

³⁰ *Высотская Т. Н.* Скифские городища. — Симферополь, 1975. — С. 77.

III–II вв. до н. э. Это кочевой народ, в основном ираноязычный, пришедший в степи Причерноморья из Поволжья и Приуралья. Нравы сарматов, женщины которых играли активную роль как жрицы и воительницы, а также их отношения со скифами ярко рисует известный рассказ римского историка Полиена о сарматской царице Амаге; в то время как муж ее предавался пьянству, она "сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям". В ответ на просьбу Херсонеса о помощи в борьбе со скифами, Амага во главе отряда конных воинов, преодолев большое расстояние, ворвалась во дворец, убила скифского царя и его свиту, страну вернула херсонесцам, а "царскую власть отдала сыну убитого, приказывая ему править справедливо".³¹ Хотя образ Амаги, скорее всего, легендарен, но нравы, да и общая историческая ситуация описаны верно — в Скифии еще есть свой царь, но главенствующая политическая роль принадлежит новым пришельцам — сарматам.

В сарматское время в Причерноморье и в Крыму распространяется особый стиль ювелирных изделий, названный полихромным: поверхность золотых и вообще металлических изделий украшали разноцветными вставками из цветной пасты, бирюзы, сердолика, альмандина, граната. Ими украшали не только кольца, серьги, диадемы, но и части конской сбруи, золотые обкладки рукояток мечей, сосуды. По-видимому, изделия в полихромном стиле, разработанном боспорскими ювелирами, отвечали вкусам сарматизированного населения начала нашей эры не в меньшей мере, чем изделия IV–III вв. до н. э. вкусам скифов.³²

Позднее через готов и гуннов они распространились по всей Европе. О росте сарматского влияния свидетельствуют тамгообразные знаки на различных бытовых вещах, каменных плитах, надгробиях. Эти «загадочные» знаки постепенно поддаются расшифровке: в большинстве случаев они представляют собой родовое или личное клеймо — тамгу — аналог печати или герба.

О готах, стране Дори и длинных стенах

В III в. н. э. в Крым вторгаются готские дружины, нанешие сокрушительный удар позднескифскому государству. Собственно готы — германоязычные племена, пришедшие с берегов Балтики, видимо, составляли верхушку союза, куда входили сармато-аланские и другие племена.

В IV в. кочевые орды гуннов, явившиеся из степей Центральной Азии, как смерч пронесли по Северному Причерноморью, оставляя за собой пожарища и развалины. Гуннский разгром кладет конец тысячелетнему развитию античности в Крыму. Уцелевшее земледельческое население, укrywшееся в горно-лесном Крыму, сумело пережить это смутное время: многие поселения хранят следы непрерывного существования от поздней античности до позднего средневековья. Этот горный край самой природой был превращен в крепость, в преграду на пути разлива кочевых орд, и в силу этого же обстоятельства отличался крайней пестротой населения, теснимого в горы волнами нашествий: скифы, сарматы, аланы, готы постепенно сливались с издавна обитавшими там греками и потомками таврских племен. Гряда играла роль естественной границы, разделявшей два мира, два хозяйственно-культурных типа — мир кочевников-скотоводов и мир земледельцев горных долин. Множество перебивавших в Крыму кочевых народов обычно захватывали степные просторы: они совершали набеги на жителей горно-лесной области с целью грабежа или уплаты дани, порой вели с ними относительно мирную торговлю. Так или иначе, но в то смутное время Юго-Западная Таврика превращалась в густонаселенный и экономически

³¹ Полиен, VIII, 56.

³² Шелов Д. Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. — М., 1975. — С. 135.

развитой район, сохранявший тесные связи с Херсоном, как стали называть в средние века Херсонес — единственный уцелевший от античной эпохи город, а через него — с Византией. Вероятно, на рубеже V–VI вв. Византия через Херсон начинает освоение округа, основывая опорные крепости в глубинных районах, населенных скифо-сармато-аланами, подчиняя их своему влиянию путем распространения христианства. Крепости строились на обжитых местах — на скалистых мысах или плоских вершинах отдельно стоящих гор-останцев, служивших убежищем местному населению в тревожную пору Великого переселения народов. Интересы местного населения и византийских правителей в этот период совпадали, так как крепости служили защите земледельческого населения от реально нависавшей над ними угрозы воинственной кочевой степи. Вполне вероятно предположить, что артели каменщиков из Херсона руководили работами местного населения, без активного участия которых было бы невозможно проведение в относительно краткие сроки работ такого масштаба, как строительство оборонительных стен крепостей Юго-Западной Таврики. Наконец, насаждение среди местного населения Таврики христианства также способствовало тяготению ее к культурному миру Византии: недаром в каждой крепости строилась большая базилика. Все эти обстоятельства ускорили процесс складывания феодальных отношений: прежние укрепленные убежища, куда спасались жители окрестных деревень со своим скотом и скарбом, постепенно становились центрами феодальных владений, резиденциями местных правителей и их дружины. Известные в исторической науке под условным названием "пещерные города", они располагались вдоль Внутренней гряды — с северо-востока от реки Альмы, на юго-запад до Инкермана.

Самое раннее упоминание о положении дел в горной Таврике относится к VI в., когда после Великого переселения народов остатки готских дружин, оттесненные сюда гуннами и смешавшиеся с разноэтничным населением предгорий, становятся союзниками — федератами империи. По сообщению историографа византийского императора Юстиниана I — Прокопия Кесарийского, готы, которые "в военном деле превосходны и в земледелии... достаточно искусны", по-видимому, составили основную часть населения горного Крыма. По первому требованию императора они обязаны выставлять три тысячи воинов. Населяемая ими "страна Дори", по описанию Прокопия, "лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды."³³ Император, воздвигший укрепления в Херсоне и Боспоре, Алуште и Гурзуфе, в этом краю "не построил нигде ни города, ни крепости", но зато укрепил все места, где можно врагам вступить, "длинными стенами" и таким образом избавил готов от беспокойства о вторжении в их страну врагов. Упомянутые в этом сообщении "страна Дори" и защищающие ее "длинные стены" еще и поныне остаются дискуссионным вопросом в истории средневекового Крыма. Согласно одной точке зрения, под страной Дори подразумевалось Юго-Западное нагорье, а под "длинными стенами", образно — цепь "пещерных городов". Высказывалось также мнение, что остатки сложенных из камней стен на северных склонах и перевалах Главной гряды Крымских гор и есть "длинные стены", а сама страна Дори находилась на Южном берегу. Наконец, в соответствии с третьей точкой зрения, страна Дори, судя по ее описанию, "лежащая на возвышенности" и "приносящая лучшие плоды", как нельзя более подходит к Юго-Западному Крыму, а что касается "длинных стен", то они вообще пока не обнаружены. Отмечалось также, что судя по анализу текста Прокопия, это должны быть именно «стены», причем регулярной квадратной кладки, в соответствии с приемами римско-византийского фортификационного дела.

Сегодня высказывается мнение, основанное на уточненном переводе Прокопия, согласно которому под общим именем «готы» подразумевалось исконное, а не пришлое население, и в этом плане оно заменило столь же общее название «скифы», применяемое к северным варварам греками. "В прежние времена, — пишет Прокопий, они (племена готов),

³³ Прокопий. О постройках / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. - 1939. - № 4. — С. 249.

назывались также скифами, так как все те племена, которые занимали эти местности, назывались общим именем скифов". Действительно, самоназвания аборигенных народов употреблялись крайне редко: вместо них предпочиталось общее наименование — скифы, сарматы, а после образования готского союза племен в IV в. — готы. Так или иначе, но характеристика Прокопия явно относится к аборигенному населению: об этом говорит его похвала умению готов обрабатывать землю, что они делают «собственноручно», то есть без использования рабского труда; далее, его замечание о причинах, побудивших императора предпочесть здесь иную фортификационную систему — "длинные стены" вместо крепостей. Вероятно, у местного населения существовала подобная традиция перегораживания горных проходов, но крепостей и городов, что предполагает далеко зашедшую социальную дифференциацию, еще не было. Однако стены эти следовало укрепить, сделать более надежными. "Поэтому, длинными стенами проходы кругом оградив там, где только эта местность, как ему показалось, была легко проходимой, он (император) избавил готов от беспокойств о нападении. Таковы были его дела здесь".³⁴ Как отмечают исследователи В. А. Сидоренко и Э. И. Соломоник, речь идет о некоем круговом действии, о строительстве по периметру, вокруг определенной территории, причем не по сплошной линии, а только в горных проходах. Решение спорного вопроса о локализации "длинных стен" на местности существенно продвинулось после обнаружения в 1984 г. участка оборонительной стены, перегораживавшей всю долину на подступах к Мангупу. Возведенная в традициях римско-византийского фортификационного дела, она датируется VI в. (то есть примерно временем Юстиниана). О подобных перегораживаниях долин от скалы к скале существуют и упоминания в литературе. Так, о вышеупомянутой стене писал в начале прошлого века французский инженер Вассаль. Турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший в Крыму в середине XVII в., упоминает о стенах, отгораживавших предместье Бахчисарая Салачик, расположенный в узкой горной долине.³⁵

Роль готов в жизни средневековой Таврики, вероятно, была значительной, если в византийских и итальянских источниках ее называют Готией. Видимо, следует принимать во внимание не их малочисленность, а их статус воинской аристократии. Какова бы ни была численность осевших в Крыму готов и степень ассимиляции их местным населением, в Византии оценили их воинскую доблесть и охотно привлекали к военной службе; главное же, благодаря ранней христианизации (Святое писание переведено на готский в IV в.), непрерывному ряду епископов, а с VIII в. — и митрополитов готских, присылаемых из Византии и подчинявшихся Константинопольскому патриарху, это название закрепилось.³⁶

Крымские иконопочитатели: Иоанн Готский и Стефан Сурожский

С VI в. упоминается центр области Дорос, который одни историки отождествляют с Мангупом — Феодоро, другие — с Каламитой — Инкерманом. В VII в. в источниках упоминается Георгий, епископ Херсонесский и Дорантский. В конце VII — начале VIII в. Крым подчиняется Хазарскому каганату. Развернувшаяся в середине VIII в. в Византии борьба между иконоборцами и иконопочитателями и вызванная ею миграция монашества на окраины империи не обошла и Крым. В 1877-78 гг. русский византист В. Г. Васильевский опубликовал с обширными комментариями два «Жития» — Стефана Нового и Иоанна

³⁴ Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и "Длинные стены" в Крыму // Материалы по археологам, истории и этнографии Таврии. — Вып. 2. — Симферополь, 1991. — С. 105–118.

³⁵ Эвлия Челеби. Книга путешествий. — Симферополь, 1996. — С. 95.

³⁶ Архимандрит Арсений. Готская епархия в Крыму // ЖМНП. — Спб, 1878. - № 1. — Ч. 195, янв. — С. 86–154.

Готского. В "Житии Стефана Нового" (VIII в.) говорится, что монахи-иконопочитатели, "жители пещер и обитатели гор", устремились к святому, ища совета и утешения. Стефан советовал им искать спасения на окраинах империи, куда не достигало влияние иконоборчества. Как наиболее благоприятные были названы северные берега Понта Эвксинского, Боспор, Херсон, Готия; затем — Южная Италия, Малая Азия. Совету последовали многие. Массовая эмиграция монахов в Южную Италию — факт известный и оцененный должным образом в истории южноитальянского средневекового эллинизма. Сообщение об аналогичной эмиграции византийских монахов в Таврику — весьма важное свидетельство "усиления эллинистического элемента" в культуре средневекового Крыма.

Согласно "Житию Иоанна Готского" в 754 г. некий епископ Готии из угождения императору Константину Копрониму подписал определения иконоборческого собора. Поэтому православные в Готии, "не принимая участия в новшествах беззаконного собрания", предложили в пастыри Иоанна, уроженца Партенита — города у подножия Аю-дага. Приблизительно в 780 г. Иоанн был в Константинополе, где беседовал с императрицей Ириной и "говорил всем со свободой и дерзновением о принятии святых икон". Вернувшись, Иоанн застал свою страну занятой хазарами, включая крепость Дорос: сговорившись с князем Готии, он вместе со своим народом выгнал вооруженных хазар из города и даже занял горные проходы. Каган подавил восстание, заключил Иоанна под стражу, откуда тот бежал в Амастриду — город на южном берегу Черного моря. В 785 г. он скончался, и останки его были с почетом переправлены на родину, в Партенит и погребены в монастыре св. Апостолов: "Монастырь этот преподобный снабдил всяким благолепием зданий и святых сосудов и различных книг и поместил в нем множество монахов".³⁷ Другой крымский святой иконопочитатель Стефан Сурожский, родом из Каппадокии, учившийся в Константинополе, был поставлен в епископы Суροжа в 724 г., где обратил к православию много язычников и еретиков. Получив указ об истреблении икон, Стефан отправился в Константинополь, где за ревностную защиту икон он был подвергнут мучениям и заточен на много лет в темницу, откуда освобожден уже новым императором. Скончался в 742 г. и погребен в Суроже, в храме св. Софии. Вокруг его мощей происходили посмертно чудеса, с одним из них связано упоминание о русах. Вскоре после кончины святого "русский князь Бравлин из Неаполя" (или Новгорода) осадил и взял Сурож: за святотатственное разграбление церкви, где покоились мощи святого, он был наказан болезнью, но после крещения вместе с дружиной князь исцелился.³⁸

В начале XX в. Ю. А. Кулаковский указал на сходство между пещерными монастырями Крыма и Южной Италии с Сицилией и высказал предположение о распространении крымских пещерных монастырей в VIII–IX вв. в связи с миграцией иконопочитателей. И хотя археологические свидетельства по-прежнему крайне скудны и недостаточны, большинство исследователей именно с этим связывает развитие монастырей, как на Южном берегу, так и во внутренней, горной части края (Партенит, Качи-кальон, Челтер, Шулдан и др.). Действительно, пещерничество, ведущее начало от египетской «Фиваиды», символ бегства от мира, захоронение себя в недрах гор в предвкушении жизни вечной, имеет в христианстве давние традиции. Неудивительно, что монахи-иконопочитатели, "жители пещер и обитатели гор", по выражению Стефана Нового, выбирали места и обустроивали их так, чтобы они напоминали им изначальную «Фиваиду» — отсюда типологическое сходство подобных сооружений на окраинах Византийской империи.

Росту православного влияния с середины VIII в. способствовала не только миграция

³⁷ "Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии / Пер. А. Никитского // ЗООИД — 1883. — Т. 13. — С. 25–34.

³⁸ Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования. Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Летопись занятий Археологической комиссии 1882–1884 гг. — Вып. 9. - 1893 г. — 107–225. — С. 1–98.

монахов, причем многие усматривали в этом миссию, возможность обращения язычников на далеких окраинах, но и то обстоятельство, что Херсон оставался местом ссылки опальных вельмож, в большинстве приверженных православному исповеданию. Новый подъем иконоборчества в первой половине IX в., сопровождавшийся высылением монахов из центральных областей империи на далекие окраины, способствовал росту влияния монастырей в Крыму.

На рубеже 60-х годов славянский просветитель Кирилл, по пути из Хазарии останавливается в городе Фуллы (вероятно, Чуфут-кале), в окрестностях которого проповедует христианство местным язычникам и собственноручно срубает дуб, которому они поклонялись. В Херсоне он предпринимает розыски мощей римского епископа Климента, ученика апостола Петра. Климент был сослан в I в. в Инкерман и за успешную проповедь христианства среди местных жителей по повелению императора Траяна утоплен с якорем на шею. Обретение мощей произошло 30 января 861 г.: они были торжественно перенесены в один из храмов Херсона. Интересна их дальнейшая судьба.

Часть мощей Кирилл увез с собой и подарил их папе римскому в обмен на разрешение продолжать богослужение на славянском языке. Мощи были помещены в церкви св. Климента в Риме, где позднее был похоронен и сам Кирилл. Другая часть мощей, оставшаяся в Херсоне, была увезена в Киев князем Владимиром. Так мощи одного из первых христианских святых были разделены между Востоком и Западом.

В Херсоне же произошло еще одно выдающееся событие: согласно свидетельству его «Жития», Кирилл обнаружил здесь Евангелие и Псалтирь, написанные "русскими письмены", и человека, говорившего по-русски, и скоро сам научился говорить и читать по-русски, а затем сложил свою знаменитую азбуку.³⁹

Мнения ученых разделились: большинство исследователей склонялось к тому, что упомянутые "русские письмены" означали готский язык; другие полагали, что речь идет о языке аланов ("роксоланы", "русколаны"); наконец, третьи видели в нем русский язык азово-тмутараканских или киевских русов.

В первой половине IX в. византийское правительство для укрепления своих позиций в Таврике создает Херсонскую фему — особый военно-административный округ во главе со стратигом. В нее входили и крепости в округе Херсона, обозначавшиеся собирательным названием Климаты: Константин Багрянородный в X в. насчитывал их 9. В XIII в. французский посол к монгольскому хану монах Гильом де Рубрук писал, что между Херсоном и Судаком "существует сорок замков, и почти каждый из них имеет особый язык. Среди них есть и такие, язык которых немецкий."⁴⁰ Видимо, в это число входили крепости всего горного Крыма, включая Южнобережье.

Борьба Византии с Русью за причерноморские земли продолжается весь X век. Русы тревожили Византию набегами в IX в.; в 60-е года часть киевской знати во главе с Аскольдом принимает крещение. Примерно в то же время русы оседают в Приазовье, завладевают Таматархой, позднее называемой Тмутараканью, столицей древнерусского княжества, часть земель которого находилась в Крыму. Походы Святослава в 965 г. окончательно сокрушили Хазарский каганат. Удачный поход Владимира Святославича на Херсон в 988 году расширил русские владения в Крыму. Херсон после долгой осады был взят, но отдан как "вено за жену" — царевну Анну, Русь приняла крещение — таковы были формы, закрепившие его политический союз с Византией, признавшей, согласно договору, права Руси в Таврике и Приазовье.⁴¹

³⁹ Сказание о начале славянской письменности. — М., 1976. — С. 86.

⁴⁰ Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина. — М., 1957. — С. 68.

⁴¹ Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. — Киев, 1988. — С. 67.

В конце XII–XIII вв. нашествие половцев, кочевавших в степях северного Причерноморья, надолго отрезало Русь от крымских земель, уничтожило Тмутараканское княжество. Но немалая часть русского населения удержалась на полуострове. Главным их средоточием стал богатый торговый город Сурож (соврем. Судак). Согласно сообщениям арабского писателя Ибн аль Асира, в конце XII — начале XIII веков в Крыму жило много русских купцов.

Княжество Феодоро

После завоевания Константинополя крестоносцами византийские владения в Таврике признали над собой власть ее преемницы — Трапезундской империи, что выражалось в уплате дани. Политическая зависимость была номинальной. В это время набирают силу отдельные княжества во главе с князьями — топархами. Самым значительным среди них становится княжество Феодоро, возникшее, как предполагают, еще в XII в. на землях, принадлежавших херсонской знати.⁴² Столицей его стал город на горе Мангуп, в VI–VIII вв. называвшийся Дорос, в источниках XIV–XV вв. называемый Феодоро. Княжество сохраняло политическую самостоятельность и вплоть до турецкого завоевания в 1475 году осталось средоточием греческой и христианской культуры. Земли княжества охватывали значительную территорию Юго-Западного Крыма и побережья: на востоке они включали долину Алушты, на севере доходили до реки Качи, на западе — до устья Черной речки, где владельцы Феодоро укрепили древний порт Каламиту (Инкерман). Они мечтали возродить славу древнего Херсонского порта, лежавшего в развалинах. Внимание к морской торговле — источнику богатства и процветания городов — было усилено и тем обстоятельством, что в XII–XIII вв. торговые пути, связавшие Запад с Востоком и проходившие ранее через порты Сирии и Палестины, переместились в порты Крыма и Приазовья.⁴³ Сюда устремляются генуэзские купцы, которые в обмен за помощь в овладении Константинополем и престолом получают от Михаила Палеолога исключительное право торговли на Черном море. В 1267 г. на месте античной Феодосии ими основана крепость Каффа. Она становится центром всей черноморской торговли, оттесняя Судак, который генуэзцы отняли у греческих владельцев в 1365 г. Вскоре, согласно договору генуэзцев с татарами от 1380 г. Южный берег Крыма от Судака до Балаклавы, названный в документе Готией, был уступлен Генуэзской республике. В Солдае и Чембало, как их стали называть на итальянский манер, генуэзцы воздвигли мощные крепости. Так возникло Капитанство Готия — цепь генуэзских торговых факторий под главенством консула Каффы. Лишив греческих купцов господствующий позиции в черноморской торговле, генуэзцы средоточием последней сделали Каффу. В XV в. это был самый многолюдный город, насчитывающий 70 тысяч населения — генуэзцев, греков, армян, татар, через порт которого проходили товары из Китая, Индии, Средней Азии, Поволжья, Московии.⁴⁴

Кыркорское княжество и крымскотатарское население

К северу и востоку от Феодоро располагалось Кыркорское княжество с центром в Чуфут-кале близ современного Бахчисарая. Населяли его преимущественно сармато-аланы, среди которых Византия распространяла свое влияние, будучи заинтересована в них как в

⁴² Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. — Т. 21. - 1927. — С. 14.

⁴³ Якобсон А. Л. Крым в средние века. — М., 1973. — С. 84.

⁴⁴ Указ. соч. — С. 112.

пограничных защитниках. Поэтому здесь, вероятно, уже в VI в. воздвигаются крепость и храм. Согласно более поздним свидетельствам, археологическим и письменным, в городе было много греческих христиан.

Монголо-татары начали оседать в Крыму вследствие набегов Золотой Орды 1223, 1238, 1248-49, 1299 гг. В конце XIII — начала XIV вв. складывалось татарское феодальное землевладение: возникли уделы (бейлики), во главе которых стояли роды Яшлав (Сулешевы), Ширин, Барын, Аргын и др. Татары, в массе своей кочевники, постепенно переходили к оседлому земледелию. Этот процесс более активно происходил в районе Бахчисарая, где сохранялось прежнее земледельческое население. Оно-то и составило впоследствии ядро Крымского ханства. Во время междоусобиц, сопровождавших борьбу крымских ханов за отделение от Золотой Орды, крепость Кырк-ор служила укрепленной ханской резиденцией, за ее стенами укрывали семьи, держали пленников. После распада Золотой Орды Кырк-ор как крепость утратил значение. Столицей стал основанный на рубеже XV–XVI вв. Бахчисарай.

С вторжением турок в 1475 г. начинается последний период средневековой истории Крыма — период трехсотлетнего турецко-татарского владычества. Оно покончило с засильем генуэзцев в черноморской торговле и уничтожило греческое княжество Феодоро. Сохранялись лишь разрозненные островки греческой культуры в виде православных монастырей. Главным среди них стал расположенный на окраине Бахчисарая Успенский монастырь. Сам же Бахчисарай становится административным, торгово-ремесленным и культурным центром всего Крыма, украшается множеством зданий культового и светского характера.

Присоединение Крыма к России

Набеги крымских феодалов при поддержке Османской империи на территорию Восточной Европы (Россия, Литва, Польша, Молдавия и др.) приводили к значительному материальному разорению и уводу пленных. Только за первую половину XVII в. из России было уведено более 200 тыс. человек, с Украины за 1654–1657 гг. — более 50 тыс. человек.⁴⁵ Защищаясь от вторжений, русское правительство сооружало в XVI–XVII вв. засечные черты, направляло войска против ханов (поход 1559 г. воеводы Д. Ф. Адашева, неудачные крымские походы 1687 и 1688 гг. князя Голицына), Азовские походы 1695 и 1696 гг. Петра I ослабили, но не устранили источник агрессии.

Русско-турецкие войны XVIII в. стали заключительным этапом многовековой борьбы России за выход к Черному и Азовскому морям. Война 1735–1739 гг., когда русские войска дважды проникали в Крым и даже захватили Бахчисарай, не привела к желаемому результату; зато война 1768–1771 гг. принесла России крупную победу. Согласно Кучук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Крым был объявлен независимым, а Россия получила во владение Керчь и выход к Черному морю.

В конце февраля 1783 г. последний хан из рода Гиреев — Шагин-Гирей подписывает отречение от престола и покидает Бахчисарай. Спустя четыре года, в мае, сюда торжественно въезжает императрица Екатерина II в сопровождении австрийского императора Иосифа II, французского и английского послов — графа де Сегюра и лорда Фитцгерберта, представителей других держав. Приезд в Бахчисарай и недельное пребывание в ханском дворце императрицы и ее свиты стали кульминацией путешествия, обставленного с неслыханной пышностью и предпринятого с целью показать иностранным державам, прежде всего Пруссии и Австрии, новоприобретенную Тавриду, военную мощь Российской империи, ее военный флот на Черном море.⁴⁶

⁴⁵ Указ. соч. — С. 141.

⁴⁶ *Segur Louis-Philippe de. Memoires ou souvenirs et anecdotes. — Т. 2. — Paris, 1859. — P. 62.*

Специфические обстоятельства борьбы за Крым привели к временному запустению края. В 1778 г., стремясь ослабить Крымское ханство, ставшее независимым от Турции, русское правительство выселило в Приазовье более 30 тысяч греческих христиан⁴⁷ — землевладельцев и ремесленников, основных производителей материальных благ. Пять лет спустя значительная часть мусульманского населения эмигрировала в Турцию. В засушливом Крыму, где традиционные формы земледелия и садоводства требовали особых навыков и составляли сложную и хрупкую культурную среду, это было катастрофой. Вот как оценивает ее последствия государственный деятель, автор книг о Крыме П. Сумароков: "Россия... поспешила с выводом из Крыма греков и армян; но через пять лет потом сей край, присоединенный к ее пространству, предстал перед ней в пораженном от того виде. Она содрогнулась, найдя, что деревни превратились в развалины, сады — в запущенные леса, ремесла, промышленности — в тунеядство, и уверилась, что осудила на сиротство новых своих чад еще прежде их усыновления... Более 300 тысяч татар удалились из Крыма. Таковые два случая уготовали совершенное изнеможение Тавриде, и отсюда-то начинаются правильные упреки князю Потемкину, который учинил погрешность неосмотрительною раздачею земель".⁴⁸

Речь идет о переселении на Южный берег Крыма так называемых "архипелажских греков" по инициативе князя Потемкина. Из этих жителей островов Эгейского моря, неизменно поддерживавших Россию в ее борьбе против Османского владычества, был сформирован Балаклавский батальон. За верную службу они были щедро одарены землями на Южном берегу.

Трагедия земли, из цветущего сада превращавшейся в высохшую пустыню, состояла в том, что выселяя татар, выселяли местное население, владевшее навыками местного земледелия. Глубокий и тонкий знаток Крыма Максимилиан Волошин дает блестящую характеристику того, чем, по сути дела, являлась "собственная подлинная культура Крыма — средиземноморская и эллинистическая", прорабатывавшая "огромные расовые напластования всех племен, когда-либо проходивших через дикое Поле".⁴⁹ Основа всякого южного хозяйства — вода: "турки и татары были великими мастерами орошения, — продолжает он. — Они умели уловить самую мелкую струйку почвенной воды, направить ее по глиняным трубам в обширные водоемы, умели использовать разницу температур, дающую выпоты и росы, умели как кровеносной системой оросить сады и виноградники по склонам гор. Ударьте киркой по любому шиферному, совершенно бесплодному склону холма, — вы наткнетесь на обломки гончарных труб: на вершине плоскогорья вы найдете воронки с овальными обточенными камнями, в которые собиралась роса; в любой разросшейся под скалой купе деревьев вы различите одичавшую грушу и выродившуюся виноградную лозу. Это значит, что вся эта пустыня еще сто лет назад была цветущим садом". Добавим, что именно такой она предстает со страниц недавно ставшего доступным источника по истории Крыма — "Путешествия по Крыму" Эвлии Челеби, посетившего край в середине XVIII века: города украшены мечетями с минаретами, караван-сараями и банями, дворцы знати утопают в садах, всюду журчат фонтаны. Через портовые города полуострова

⁴⁷ Маркевич А. И. Краткий очерк деятельности генералиссимуса Суворова в Крыму // ИТУАК. — Вып. 31. — С. 1–43.

⁴⁸ Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. — СПб, 1801. — С. 160–161.

⁴⁹ Волошин М. А. Культура, искусство, памятники Крыма // Путеводитель по Крыму / Под ред. М. Саркизова-Серазини. — 1924. — С. 136, 139.

проходят древние пути, связывавшие Азию и Средиземноморье.⁵⁰

Разрушения, разумеется, сопутствуют любым войнам, и многолетняя борьба России за Крым — не исключение. Однако вернуть край к его прежнему цветущему состоянию оказалось непросто, и в не малой степени — по причине непонимания неявных, ускользавших от первого взгляда особенностей местной культуры.

Процветание Крыма связывали, как правило, с греками — как античными, так и средневековыми. До сих пор в названиях рек и урочищ звучат греческие имена. "Кучка мирных хижин, — пишет Е. Марков, — носит вдруг воинственное название Кермен, Кале, Исар, Кагель, Кастрон — все эти слова и по-турецки, и по-гречески значат крепость. В горах — Темир-Хапу, то есть железные ворота; Эндек-вал, Вигла — стража; многочисленные Ай-Даниль, Ай-Василь и т. д. указывают на монастыри и церкви". Степи, составляющие 9/10 полуострова, сухие и безводные, в прежние времена были житницей Греции. Царь Левкон в IV в. до н. э. доставил из Феодосии в Афины 385 тысяч четвертей пшеницы, за что был награжден почетным званием афинского гражданина. Митридат получал отсюда же огромное количество хлеба. Стада лошадей, овец и даже верблюдов наполняют крымские степи; города, поселения, замки сплошь покрывают берега — такая картина может быть составлена на основании свидетельств античных географов".⁵¹

Ту же картину сельскохозяйственного процветания являл Крым, по свидетельству путешественников, и во время правления Гиреев. Мартин Броневский в своем описании Крыма (XVI в.) отозвался о нем как о цветущем крае. Проезжая по степи, он часто встречал колодцы, выкопанные с изумительным искусством прежними обитателями. Здесь было мало городов, но очень много селений. Поля, сады и виноградники покрывали и каменистый Трахейский полуостров. На Южном берегу росли без обработки смоковницы (инжир), гранатовое дерево, маслина, плодовые деревья всех видов.

В конце XVIII в., когда Южнобережье посетили академик Петр Симон Паллас, затем Павел Сумароков, виноделие было в упадке, хотя одичавшая виноградная лоза еще имелась. Общее запустение края эти исследователи, как и многие другие, склонны были приписать татарским нашествиям, как и вообще свойствам ленивого татарского характера, противопоставляя им греков. Возражая против этой точки зрения, Е. Марков обращает внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, жители горного Крыма — не монголы, "а потомки тех именно трудолюбивейших южных колонистов, итальянцев, греков и даже немцев... сумевшие обратить каменные берега Крыма в один цветущий и богатый сад". Во-вторых, изменился сам характер завоеваний: "вместо обычных набегов кочевых орд, которым было несподручно в горах и па море, которые удовлетворялись легкой данью, которые были бессильны против каменных бойниц, — на сцену крымской истории является истребительная борьба морских итальянских республик, и потом Оттоманская Порты со своим непобедимым флотом, перед которыми были беззащитны сады Южного берега. Когда турки овладели крымским побережьем и сосредоточились в немногих крепостях его, — турецкий янычар стал хозяином всего хозяйства трудолюбивых береговых поселников. Виноделие осталось только в наиболее защищенных и наиболее удобных долинах вблизи главных центров Крыма: Бахчисарая, Эски-Крыма, Кафы и Судакской крепости. Как только кончились опустошительные походы Ласси, Миниха, Долгорукого, Суворова и Крым присоединился к России, успокоился от хронической войны и повальных выселений на чужбину, — тот же южнобережский житель стал опять виноградарем и табачным плантатором, и до сих пор считается на Южном берегу искуснейшим возделывателем этих растений".⁵²

⁵⁰ Эвлия Челеби. Указ. соч.

⁵¹ Марков Е. Очерки Крыма. — Симферополь, 1995. — С. 312.

⁵² Марков Е. Указ. соч. — С. 314–315.

Культура винограда и виноделия известна в Крыму с глубокой древности. Об этом свидетельствуют памятники Херсонеса — размежеванные под виноградники земли Трахейского полуострова (клеры), а также каменные ящики для виноградного пресса — тарапаны, зачастую целиком высеченные в скале. Первым на них обратил внимание автор известного сочинения о Крыме Дюбуа де Монпере. Можно указать также на большое количество амфор, служивших для хранения напитка, и на наличие местного гончарного производства. Наиболее благоприятными временами для развития и сбыта вина были византийская, хазарская эпохи, времена владычества генуэзцев. С установлением господства турок и татар большинство богатейших виноградников пришло в запустение. Отчасти они были восстановлены христианами и горными татарами. После присоединения Крыма правительство стало принимать энергичные меры к восстановлению виноградарства. Вина Южного берега считались лучшими в России. Это объяснялось не только исключительно благоприятными условиями местности, но и принадлежностью виноградников по большей части крупным владельцам, образцово поставившим технику виноделия на основе лучших выписных сортов винограда. Развивалось также табаководство, особенно в Ялтинском и Симферопольском уездах. В горном Крыму высокого уровня развития достигло садоводство — старинное занятие местного населения. Здесь, как и в виноградарстве, существовало деление сортов на местные и выписные, урожай отдавался на откуп.

Были известны различные способы посадки лоз и облагораживания винограда искусной прививкой. Паллас называет 35 сортов винограда, разводимых местными жителями. "Горные татары, — пишет он, — обрабатывают свои сады, поливают их, чистят, унаваживают; они очень искусны в деле прививки и ничто не может превзойти способ, употребляемый около Бахчисарая, где прививают прямо к корню на одну треть глубже поверхности земли, что не только дает совершенно здоровый ствол, но впоследствии еще и корни самому прививку и обеспечивают этим долголетие деревьев".

Татары — как некогда скифы, тавроскифы и т. д. — стали общим названием различных групп населения. В прошлом веке большинство исследователей различали среди татар три группы населения: 1) степных, или ногайских татар; 2) татар, населяющих города Бахчисарай, Карасубазар, Симферополь, Евпаторию; 3) горных татар. Первые две группы, пишет Старовский, были потомками монголо-татарских завоевателей с примесью ногайской крови и практически ничем не отличались от поволжских татар. В отличие от них горные и южнобережные татары, потомки отуреченных древнейших крымских народностей — греков и тавроскифов, смешавшихся позднее с готами, генуэзцами, венецианцами и т. д., слились с татарами степной части полуострова.

Южнобережные татары и по физическому типу заметно отличались от тюркского: отмечались более высокий рост, отсутствие скул, "в общем, правильные черты лица; тип этот сложен весьма стройно, почему и может быть назван красивым. Женщины отличаются мягкими и правильными чертами лица, темными, с длинными ресницами, большими глазами, тонко очерченными бровями". Описанный тип, однако, даже в пределах небольшого пространства Южного берега подвергается значительным колебаниям, в зависимости от преобладания тех или других живших здесь народностей. Так, например, в Симеизе, Лименах, Алушке нередко можно встретить длинноголовых, с продолговатым лицом, длинным горбатым носом и русыми, иногда рыжими волосами. Южнобережные татары говорят на османском наречии турецкого языка. И все же "обычай южнобережных татар, свобода их женщин, почитание некоторых христианских праздников и памятников, их любовь к оседлым занятиям, сопоставленные с их наружным видом, не могут не убедить, что эти, так называемые татары так же близки к кавказскому (то есть индоевропейскому — Т. Ф.) племени, как и мы сами".⁵³

⁵³ Цит. по: Семенов Тян-Шанский П. П. Полное географическое описание нашего Отечества. — Т. 14. — СПб, 1910 — С. 194.

Преемственность обычаев, идущих из глубокой древности, проявилась в сохранении института сельской общины. Земледельческие поселения Таврики представляли собой, как считают исследователи, соседские, территориальные общины с независимым, не закрепощенным населением. На это косвенно указывает, как пишет А. Л. Якобсон, "глубокая традиционность в Крыму общинного строя, к которому уже в позднее средневековье, в XVI–XVII вв., постепенно оседавая, приобщились и татары. Их община (джемаат) с совместным владением пастбищами и сенокосами, нередко с коллективной обработкой земли, с распределением пахотной общинной земли по паям-долям между семьями — членами общины, с правом общины на предпочтительную покупку земли, которую ее владельцы не имели права продавать на сторону, с ее круговой порукой, удивительно напоминает старую византийскую общину, известную по византийскому "Земледельческому закону", действовавшему еще в VIII в. Как видим, общинные порядки дожили в Таврике до XVI–XVII вв. Татарская община была создана, конечно, не татарами, — недавними кочевниками, а являлась потомком местной земледельческой общины глубокого средневековья.⁵⁴

Возможно, именно эти общинные порядки, отсутствие закрепощения способствовали высокому уровню нравственного состояния общества, о котором с похвалой писали путешественники.

II. БАХЧИСАРАЙ — ГОРОД САДОВ

*Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звездный рай,
Город чистых водометов
Золотой Бахчисарай.
А. Ахматова*

Старый Город

Старый Бахчисарай приютился у подножия крутых, местами отвесных скал, там, где ущелье расширяется, переходя в более просторную долину речки Чурук-су. Его окруженные садами домики расположились по берегам речки и по склонам поднимающихся по обеим сторонам гор, которые создают великолепный фон для этого, еще сохраняющего свое восточное своеобразие города.

Место для города было выбрано не сразу. Татары-кочевники вначале, примерно со 2-й половины XIV в., расселились гораздо ниже по течению Чурук-су, в урочище Эски-юрт (старое становище): это недалеко от вокзала. До наших дней от Эски-юрта сохранился основной комплекс надгробных мавзолеев — дюрбе. Основатель династии крымских ханов Хаджи Гирей в ходе борьбы за власть выбрал своим постоянным местопребыванием крепость Кырк-ор (Чуфут-кале). У подножия скалы, где расположена крепость, под склонами мыса Бурунчак строится загородный ханский дворец Ашлама-Сарай, постепенно обраставший другими зданиями и превращавшийся в ядро будущего города. Однако по мере того, как междоусобная борьба затихала и крымское ханство, выделившись из Золотой орды, стало самостоятельным, пребывание в непосредственной близости от крепостных стен теряло смысл, и резиденция правителя переносится из тесного ущелья Ашлама-дере в более просторную долину на открытый берег речки Чурук-су. Впрочем, самостоятельным Крымское ханство оставалось недолго: после захвата Крыма турками в 1475 г. оно стало

⁵⁴ Якобсон А. Л. Указ. соч. — С. 32–33; Секиринский С. А., Секиринский Д. С. Аграрный строй крымских татар в XVI–XVIII вв. // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. — Вып. 2. — Симферополь, 1991. — С. 140–149.

вассально зависимым от Османской империи. Влияние последней сказалось на многих областях жизни татар, в том числе в области архитектуры и искусства.

Напомним, что татары, еще недавно кочевники, вместе с исламом перенимали многие элементы арабского искусства; в первой столице крымских татар — Солхате (Старый Крым) при возведении монументальных построек следовали образцам сельджукской архитектуры Малой Азии, причем обычно строили и украшали мечети и медресе искусные армянские мастера-камнерезы. Сельджукские традиции сохраняются и в ранних постройках Бахчисарая, но преобладающим становится влияние османского искусства. "После того, как в 1476 г. Менгли-Гирей был увезен в Порту в плен и возвращен оттуда данником, — пишет известный исследователь ханского дворца В. Гернгросс, — татарское искусство вообще и татарская архитектура в частности стали развиваться под сильным и почти исключительным влиянием стамбульского искусства. Между тем последнее, в свою очередь, не было вполне самостоятельным: в нем сплетались мотивы арабского искусства с мотивами итальянского Возрождения".⁵⁵

Бахчисарай рос быстро, став в XVII–XVIII вв. торгово-ремесленным центром всего Юго-Западного Крыма. По тем масштабам это был большой город с ремесленными кварталами и оживленными базарами — хлебным, овощным, соляным, кварталами мануфактурных лавок с заморскими товарами, с несколькими караван-сараями, банями. В конце XVIII в. в нем насчитывалось около шести тысяч жителей. В городе было 32 мечети, вокруг которых формировались кварталы-приходы; к ним вели очень узкие улочки двухэтажных домов с нависающим верхним этажом. Они были обращены глухой стеной к улице и сообщались с ней через небольшие внутренние дворики — это характерная черта городской застройки Крыма в течение всего средневековья. Особый колорит придавали городу окружавшие его скалы, которым выветривание придавало вид причудливых сфинксов: на их фоне зрелище сгрудившихся в кажущемся беспорядке домов, пересеченных стройными вертикалями минаретов и пирамидальных тополей, казалось особенно экзотическим. "Здесь — минарета тень, там — тень от кипариса, поодаль глыбы скал уселись под горой, как будто дьяволы сошлись на суд Иблиса",⁵⁶ - таким увидел польский поэт А. Мицкевич Бахчисарай в сумерках.

На русских и иностранных путешественников, с конца XVIII в. охотно посещавших бывшую столицу Крымского ханства, она производила неизгладимое впечатление своим неподдельно восточным колоритом, тем более привлекательным, что путешествие на турецкий Восток было в те времена и труднодоступным, и небезопасным. Именно так его воспринял сопровождавший Екатерину II во время ее путешествия в Крым в 1787 г. французский посол де Сегюр: "Нам казалось, что мы перенеслись в турецкий или персидский город, с той лишь разницей, что мы имели возможность спокойно все рассмотреть, не опасаясь оскорблений, которым подвергают христиан на всем Востоке".⁵⁷ Подробное описание города дал побывавший здесь в 1793 г. академик Паллас: "Улицы, расположенные уступами друг над другом, узкие, кривые и каменистые, чрезвычайно неопрятные, перемежаются садами, где ломбардские тополя, а также башенки каминных труб и многочисленных минаретов придают городу, состоящему из довольно убогих домов, приятный вид... Главная улица, что ведет в ханский дворец, с обеих сторон застроена деревянными лавками, примыкающими к домам; но она так узка, что две повозки едва могут разминуться, притом к этому неудобству следует добавить ужасную мостовую. По другим

⁵⁵ Гернгросс В. Ханский дворец в Бахчисарае. — СПб., 1912 — С. 4.

⁵⁶ Мицкевич А. Стихотворения / Пер. с польского В. В. Левики. — М., 1974. — С. 134.

⁵⁷ Segur Louis-Philippe de. Memoires ou souvenirs et anecdotes. T.2. - Paris, 1859. — P. 62.

улицам могут продвигаться лишь пешеходы и всадники".⁵⁸ С большой похвалой отзывался он о водном хозяйстве города, несомненно продолжавшем давнюю местную культурную традицию рачительного распоряжения водой. Вода подводилась издалека, по глиняным трубам, проходившим под землей, и затем распределялась для устройства общественных фонтанов или во дворы богатых горожан. Далее она отводилась по одним каналам для орошения городских садов, а по другим — уносила нечистоты в речку Чурук-су. "Татарская полиция, — продолжает он, — тщательно следит за содержанием этих каналов, которые поддерживаются на общественные средства".⁵⁹ В этих условиях Чурук-су выполняла роль «сточной» канавы и вполне оправдывала свое название «гнилая», «вонючая» вода, однако, добавляет Паллас, именно эта вода немало способствовала плодородию огородов, расположенных ниже по течению, ибо значительная часть ее отводилась специальными каналами для орошения.

Бахчисарай славился своим ремесленным производством: здесь изготовлялись кожаные изделия, в том числе седла, сафьяновая обувь, превосходные ножи, ружья, медная посуда и т. д. Ремесленники были объединены в 32 цеховые корпорации, каждая во главе со старшим мастером и двумя помощниками: они регулировали производство и цены, руководили приемом учеников и посвящением в мастера, обставлявшимся весьма торжественно. Цеховая организация Бахчисарая, по-видимому, сложилась на основе древней местной ремесленной традиции городов Крыма. Сказалось, видимо, и влияние цехового строя в Стамбуле, где в XVII–XVIII вв. он был очень развит.

Вот какой увидел повседневную жизнь города немецкий путешественник А. Гакстхаузен в 40-е годы XIX в.: "Ремесленники распределены по различным кварталам согласно ремеслу. Каждый сидит в своей лавке, открытой со стороны улицы, и занимается своим делом... Вместо окон по всему фасаду идут ставни, которые запираются на ночь и открываются утром, так что верхняя часть образует навес, а нижняя — прилавок. Взгляд при этом проникает во внутренность дома, который напоминает небольшой театр: тут, например, видишь булочную, где несколько подмастерьев размешивают тесто, а сам булочник стоит перед плитой, где разведен огонь. Чуть далее видны десятка два домиков подряд, таких же театров в миниатюре, где роли распределены между мастером-портным, его помощниками и учениками... С другой стороны — ряд домов, где живут ножевщики. Хозяин дома, стоя перед горном, кует железо быстрыми ударами; рядом с ним — складной стол, где разложены на продажу его изделия. Вы найдете здесь прекрасный выбор ножей и других инструментов из железа и стали".⁶⁰ Непременной принадлежностью города были кофейни, которых Паллас насчитывал семнадцать: кофе здесь подавался без сахара и приготавливался из смолотых в тончайший порошок зерен. "Эти заведения имеют со стороны улицы крутую галерею, где сидят посетители, курят трубку и пьют кофе, — описывает свое посещение кофейни Гакстхаузен. — Глубокая тишина царила вокруг нас... Татарин, большой говорун на улице и в лавке, не открывает рта в кафе, куда он приходит только чтобы отдохнуть, а не поболтать, как в Европе. Нередко в кафе заходят цыгане, чтобы поиграть на своих инструментах, а вечером всегда найдется человек, который будет развлекать общество, рассказывая сказки".⁶¹ Запомнились они и Грибоедову: в его кратких путевых заметках есть

⁵⁸ *Pallas P.S. Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements meridianaux de l'empire de Russie dans les ans 1793 et 1794. Trad. de l'allemande. - T.2. Leipzig, 1801. — P. 25.*

⁵⁹ Указ. соч. — P. 30.

⁶⁰ *Haxthausen A. de. Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie. - V.2. - Hanovre, 1848. - P.356*

⁶¹ Указ. соч. — P. 357.

запись от 5 июля 1825 г.: "Ночью в Бахчисарай. Музыка, кофейня, журчание фонтанов, мечети, тополи".⁶²

Конечно, с тех пор Бахчисарай сильно переменялся: в старой части города местную застройку в основном сменили дома провинциально-европейского характера, исчезли высокие каменные ограды, старые постройки, и тем не менее сама планировка города, его улицы, подчиняющиеся рельефу местности, сохраняют средневековый характер. Внимательный глаз различит в ряде мест города, особенно в предместьях Салачик, дома усадебного типа, с постройками вокруг небольшого внутреннего двора, видимо, воспроизводящие традиционную местную застройку — буквально по старым фундаментам. Особое очарование таким домам придает разросшиеся кусты вьющихся роз, жасмина и неизменное украшение города — пирамидальные тополя.

Рядом со старым Бахчисараем вырос сегодня новый современный город, поглотивший и бывшие предместья с остатками древних построек, предшествовавшие возникновению столицы Крымского ханства, — Салачик (Староселье) и Эски-юрт (Азис).

Замечания о дворце

Сердце старого города и его наиболее древняя часть — ханский дворец. Адиль-Сахиб Гирей закончил его постройку примерно в середине XVI в. Дворец, занимающий сегодня площадь в 4 гектара (а в прошлом — еще большую), включал в себя и сады, окружавшие основные постройки дворца. Отсюда и название Бахчисарай — «дворец-сад».

С главной улицы во дворец вел каменный мост, переброшенный через облицованную тесаным камнем речку. За мостом — широкие ворота, заново построенные при ремонте дворца в XIX в. Над ними — пестро расписанная, с цветными стеклами башня, также появившаяся после ремонта дворца на месте надвратного помещения. Левее ворот вдоль главного фасада на улицу выходили лавки. За воротами открывался обширный двор, где собиралось ханское войско, происходили встречи посланцев и т. д. Двор окружают дворцовые постройки: собственно в этом огромном комплексе разнообразных и разновременных сооружений затрудняешься выделить центральное здание дворца. Как тут не вспомнить, что само слово «дворец» образовано от «двор»: он-то и является организующим центром, а вокруг — всё необходимое для жизни восточного владыки: слева — мечеть, справа — парадные залы разного назначения, жилые покои, дворы с фонтанами и, наконец, остатки гарема. Мусульманская архитектура, давшая образцы монументальной строгости и красоты, продуманности и правильности форм в культовых постройках — мечетях, медресе, мавзолеях — при сооружении частных жилищ, казалось, предоставила полную свободу проявлениям причудливой восточной фантазии, народным вкусам и местным традициям. Дворец на востоке с древнейших времен имел дворцовый тип композиции: парадные помещения и жилые покои группировались вокруг нескольких дворов — парадного и более камерных. И во дворцах, и в жилых домах, в соответствии с восточной традицией, основным компонентом, организующим постройки, был двор и сад с фонтаном. Мотив сада — одна из характернейших особенностей мусульманской архитектуры: растительные орнаменты, высеченные в камне, в росписи стен, в оформлении фонтанов — все стремится представить сад как самое прекрасное место на земле. Народное представление о рае рисовало его садом с многочисленными источниками. Некое условное подобие райского сада и должен был являть дворец повелителя. Легкая, «киосковая» архитектура дворцовых построек, отсутствие монументальности в ханской резиденции не случайны: даже стены, разгораживающие сад и интерьер, в какой-то мере условны: их задача — создать прохладу в знойный летний день, но при этом они «впускают» сад через двойной ряд окон, окружающих помещение с трех сторон, а внутри его журчит мраморный фонтан, поддерживая свежесть воздуха и иллюзию

⁶² Грибоедов А. С. «Крым» // Сочинения. — Л., 1956. — С.466.

пребывания в саду. Ближайшим источником вдохновения, образцом для подражания служил крымским ханам и их строителям дворец султанов в Стамбуле — Топкапи, начатый постройкой вскоре после завоевания города Мехметом II в 1453 г. Строительство дворцовых зданий продолжалось и в последующие века. Этот дворец, ныне превращенный в музей, состоит из множества зданий и киосков, соединенных арками и группирующихся вокруг четырех основных дворов. К этому времени турки-османы к своим прежним малоазийским, сельджукским традициям прибавили ряд византийских строительных приемов, кроме того, вполне в духе времени освоили ряд элементов европейского ренессанса и барокко: мотивы этого нового османского искусства и легли в основу компоновки и декорировки построек бахчисарайского дворца. Ханы часто бывали в Стамбуле, их вассальное положение не было для них обременительным, и гордясь своим происхождением от Чингиза, которое они ценили никак не ниже султанского, стремились окружить себя такой же роскошью. Неудивительно, что из турецкой столицы вывозились также моды, вкусы и мастера. В старейших частях бахчисарайского дворца, который начали строить ненамного позднее стамбульского, заметны следы арабо-персидского и турецкого стилей; когда дворец пришлось восстанавливать после пожара 1736 г. во время похода Миниха, то, по свидетельству Ф. Вруна, "Портою были присланы из Константинополя строевой материал, архитекторы и красильщики".⁶³ Сходство дворцов, видимо, служило предметом гордости: Екатерине II и ее спутникам сообщили, как пишет де Сегюр, "что ханский дворец был построен по образцу Константинопольского, хотя и в меньших масштабах".⁶⁴

Его восприятие европейцами

Справедливости ради следует сказать, что если идея дворца-сада и находила отклик в чувствах, как все восточное и экзотическое, то вместе с тем оставалась чужда разуму северного жителя-европейца, который ждал от дворца монументальности, парадности и, не в последнюю очередь, — защиты от капризов климата. Возможно поэтому де Сегюр (как и другие спутники Екатерины II) воздержался от подробного описания ханских покоев, но и в кратком рассказе он сумел передать любопытное своей непосредственностью впечатление от «дворца-сада»: "В комнатах единственной мебелью был широкий удобный диван, шедший вокруг стен. Середина комнаты была полностью занята большим квадратным бассейном, из белого мрамора, в центре которого из трубок били струи свежей чистой воды. Слабый свет освещал комнату, так как стекла окон были покрыты живописью: но и когда их открывали, солнце едва пробивалось сквозь ветви бесчисленных лавровых, жасминовых, гранатных и апельсиновых деревьев, которые, заменяя жалюзи, обволакивали окна своей листвой".⁶⁵

Зрелище дворца немного разочаровывало европейского просвещенного путешественника XVIII и XIX вв., ибо не вполне отвечало сложившемуся у него традиционному представлению о дворце: не находя в нем монументальности, «регулярности», он подчас отказывал ему и в "художественном вкусе", высокомерно третируя тем самым глубоко народные, идущие из глубины местной традиции особенности подобных сооружений — нависающие крыши, деревянные аркады и балконы, ажурные деревянные решетки, цветные стекла, орнаменты и т. д. Может быть поэтому дворец так пострадал при ремонтах — не всякая «мелочь» считалась достойной сохранения. Сказанное больше относится к исполнителям, ибо и тогда не было недостатка в просвещенных людях, понимавших необходимость сохранения памятника во всем своеобразии его «вкуса».

⁶³ Брун Ф. Крым в половине XVIII столетия. — Одесса, 1867. — С. 7.

⁶⁴ Segur. Указ. соч. — Р. 69.

⁶⁵ Segur. Указ. соч. — Р. 64.

Потемкин с момента присоединения Крыма к России строивший планы путешествия императрицы в Крым, причем конечной целью его должна была стать "Русская Альгамбра", уже в 1783 г. отдает приказание ханский дворец "привести в то состояние, в котором он был прежде, и испорченное все исправить, с таковым наблюдением, чтобы сохранен был вкус, в котором все построено".⁶⁶ Ремонт производился в течение трех лет лицами не очень сведущими в особенностях восточной архитектуры: к тому же "императрице хотели угодить искажением восточного стиля и из прекрасных покоев сделали карикатуру, смешав азиатский стиль с европейским".⁶⁷ По поводу европеизации дворца сетовал и Пушкин: "Я обошел дворец с досадою... на полуевропейские переделки некоторых комнат".

Сохранившийся иллюстрированный материал, особенно планы и чертежи, составленные архитектором Вильямом Гести в 1798 г., свидетельствует, что после потемкинского ремонта дворец сохранял значительно больший объем, показывает расположение его ныне не существующих частей (Персидский дворец, от которого сохранилась Соколиная башня, Гаремный корпус, почти не сохранившийся, кухонное помещение и т. д.). Особенно большим искажениям подвергся дворец в ходе ремонта 1822–1824 гг., которым руководил архитектор Колодин, без стеснения вводящий приемы европейской архитектуры в восстановление изрядно обветшавших построек. Художественная роспись мастера Омера была закрашена, зато с внешней стороны стены дворца были расписаны цветочными гирляндами и букетами, мотивы которых были, видимо, позаимствованы с мраморной резьбы надгробий ханского кладбища. Искажения, произведенные в ходе ремонта, однако, вызвали протесты архитекторов и художников, в результате чего граф Воронцов в 1824 г. ремонтные работы приостановил и назначил следственную комиссию, отметившую, в частности, "что для сохранения оригинальности азиатской упущено было Колодиным снять вид живописи, которая в покоях находилась, почему оставалось только заменять ее по произволу живописца".⁶⁸ Колодин был от работ отстранен и вместо него назначен архитектор Эльсон, который в ходе шестилетних работ почти полностью переделал работу Колодина, восстановив, по отзывам современников, ее прежний "азиатский характер". Во время Крымской войны Бахчисарайский дворец почти на два года был превращен в военный госпиталь. После этого было произведено несколько ремонтов, цель которых, в общем, сводилась к тому, чтобы как-то поддержать необратимо ветшающий дворец.

Печальная история ремонтов ханского дворца, хотя и поддерживавших последний, но ценой умножения то европеизированных, то псевдовосточных деталей, — неизбежный результат непонимания и недооценки своеобразия народной «светской» (в противовес монументальности культовых сооружений) архитектуры восточного жилища, а то и пренебрежения ею. Свидетельство тому — любопытнейший отзыв Академии художеств по поводу реставрации дворца от 1897 г., приводимый Гернгроссом.

Наряду с признанием исторической ценности памятника говорится, что "художественное значение его весьма невысоко", что большинство его построек XVII–XVIII вв. "в позднегурецком вкусе", относится "к грубым и базарным константинопольским постройкам", каких "можно насчитать очень много на Балканском полуострове и в Малой Азии".⁶⁹ Справедливости ради следует сказать, что и те, кто ценил

⁶⁶ Кондаков О. О. Бахчисарайском дворце и его реставрации // Искусство и художественная промышленность. — 1899. № 6. — С. 436.

⁶⁷ *Castelnau de.* Essai sur l'Histoire de la Nouvelle Russie. - V. 3. - Paris, 1827. — P. 158.

⁶⁸ Гернгросс В. Указ. соч. — С. 26.

⁶⁹ Гернгросс В. Указ. соч. — С. 28.

своеобразие дворца, затруднялись в определении его стиля. Французский посланник при дворе хана барон Тотт, бывший в Бахчисарае в 1769 г., пишет в своих мемуарах: "Дворец, выстроенный некогда целиком в китайском вкусе, но возобновленный на турецкий лад, еще хранит красоту своей первоначальной конструкции". Про "китайский стиль" говорит и Манштейн в записке 1736 г., понимая под ним свисание крыши на полтора и более метра относительно стены и наборную отделку ее снизу, а это, безусловно, деталь турецкой архитектуры. Вероятно, оба они повторяли некое распространенное среди туземных обитателей определение, восходящее к временам "великого шелкового пути", когда все китайское представлялось неким эталоном изящества и совершенства исполнения. Свидетельство тому — строки хвалебной оды Крым-Гирею на стенах Золотого кабинета: "Китайский художник одобрил бы отделку дворца". Возможно, это определение относится и к прежней орнаментике комнат, выдержанной в желтых и голубых — «китайских» тонах, фрагменты которой обнаружены в конце XIX в. Наконец, Паллас определил стиль дворца словами "азиатское барокко", подчеркнув присутствие европейских мотивов.

С течением времени отчетливее осозналось как историческое, так и художественное значение дворца, выступающие здесь в неразрывном единстве: этот новый уровень понимания выразил один из энтузиастов его реставрации Гернгросс: "Историческое значение Бахчисарайского дворца, как и всех памятников Татарской орды, не подлежит сомнению. Целая эпоха русской жизни, сотни лет страдания и бедствий, тяжелой зависимости, отчаянной борьбы и, наконец, побед и торжества смотрят с высоты минаретов и сквозь переливы цветных стекол окон... Наконец, в уцелевших орнаментах и во всем архитектурном рисунке хранятся следы своеобразного искусства. Ханский дворец в Бахчисарае вместе с мечетью, кладбищем, и другими постройками — единственные памятники татарского пластического искусства".⁷⁰

Подлинно научный характер носила реставрация 60-х годов XX в. Перед реставраторами стояла задача проследить все этапы переделок, выявить и закрепить те старые элементы архитектуры и росписей, которые еще сохранились, не уничтожая при этом и более поздних декоративных мотивов. В итоге работ освобожден от красочных наслоений знаменитый резной портал Алевиза, воссоздан первоначальный вид ханской канцелярии, отреставрирован потолок зала Совета и Суда, выявлены росписи XVIII в. на стенах ханской потайной ложи. В Летней беседке расчищены и закреплены росписи мастера Омера, воссоздана первоначальная отделка дворцовой мечети, отреставрирован Фонтанный дворик; в ряде мест подверглась реставрации и наружная раскраска стен.

Прогулка по дворцу. Фонтаны

Наиболее древняя часть дворца — это Железная дверь и портал Алевиза, созданный выдающимся итальянским зодчим, будущим строителем Архангельского собора в Москве. Хан Менгли-Гирей задержал русское посольство вместе с Алевизом на год и отпустил мастера в 1504 г., после того как портал железных дверей был закончен. Есть предположение, что он украшал первоначально ханский дворец в Салачике и лишь позднее перенесен на свое нынешнее место. Пышный каменный резной портал с полукруглым фронтоном, типичный для итальянского ренессанса, обрамляет дубовую дверь, обитую полосами кованого железа. Она вела в "фонтанный дворик", который также восходит к первому строительному периоду дворца — XVI–XVII вв. Здесь два мраморных фонтана: "Золотой фонтан" — «Магзуб», построенный в 1733 г. в правление хана Каплан-Гирея, украшен резным растительным орнаментом в духе Ренессанса и двумя надписями: верхняя с именем хана и датой и нижняя — поэтическая — из Корана "И напоил их, райских юношей, Господь напитком чистым". Утраченная позолота надписей и орнамента восстановлена в

⁷⁰ Гернгросс В. Указ. соч. — С. 5.

ходе реставрационных работ 1963 г. Напротив него — прославленный Пушкиным знаменитый "Фонтан слез", «Сельсебиль», творение мастера Омера в память рано умершей жены Крым-Гирея. Созданный иранским художником в 1764 г. фонтан первоначально был установлен у стены мавзолея Диляры-Бикеч. Надпись на фонтане восхваляет строителя, который "тонкостью ума нашел воду и устроил прекрасный фонтан", и намекает на совершенство сооружения строкой придворного поэта: "Мы сами видели Дамаск и Багдад". Личность Диляры-Бикеч — "прекрасной девушки" — совершенно не выяснена и окутана поэтическими легендами. Ее считали христианкой — то ли грузинкой, то ли черкешенкой; существовала и версия, согласно которой Диляра — искаженное имя гречанки Диноры Хионис, жившей в Салониках, откуда она поехала морем в Каффу (Феодосию) к дяде: буря прибила судно к Очакову и здешний паша отвез девушку к Крым-Гирею. Хан долго добивался ее любви, но девушка оставалась горда и непреклонна: далее, согласно легенде, одна из жен хана — Зарема — из ревности утопила ее в бассейне, за что была отравлена. Одну из легенд Пушкин услышал в семействе генерала Раевского, вместе с которым путешествовал по Кавказу и Крыму в 1820 г. и в это же время побывал в Бахчисарае. Легенда о Марии Потоцкой, похищенной в Польше и жившей в гареме под именем Диляры-Бикеч, ее смерть от руки ослепленной ревностью Заремы, фонтан, установленный в память о ней, вдохновили Пушкина на поэму "Бахчисарайский фонтан" и стихотворение "Фонтану Бахчисарайского дворца". Едва ли будет преувеличением сказать, что творческое воображение поэта вдохнуло новую жизнь во дворец, представлявший не просто историческим памятником, но и обителью романтических образов и живых человеческих страстей. Фонтан же — «родник», "источник жизни" в традиционном понимании — превратился в его сердцевину под пером поэта, возвеличившего другого мастера, которому в мраморе фонтана удалось гениально выразить извечную тему любви и смерти.

Ислам запрещал художнику-мусульманину изображать человека и все живое, кроме растений, поощряя его тем самым к широкому употреблению языка символов. На мраморной плите, украшенной растительным орнаментом, в нише, расположены чаши. В верхней части ниши вырезан цветок лотоса из пяти лепестков, символизирующий человеческое лицо (в цифровой символике — пять обозначает человека). Из трубки, скрытой в центре цветка, капля за каплей падают «слезы», в верхнюю среднюю чашу. Из нее вода попадает в боковые чаши, а затем в следующую среднюю. Этот мотив — раздвоение потока и его последующее соединение — повторяется трижды. У подножия памятника на плите Омер изобразил похожую на улитку спираль, символизирующую продолжение жизни.

Вслед за Пушкиным образ Бахчисарайского дворца и его фонтана пленял воображение многих посетивших эти места поэтов и художников — Вяземского, Жуковского, Грибоедова, Мицкевича. Высланный в Крым из Одессы за участие в тайной патриотической организации польской молодежи, великий польский поэт выразил свои крымские впечатления в прекрасном цикле "Крымских сонетов". Из них Бахчисараю посвящено четыре: «Бахчисарай», "Бахчисарай ночью", "Гробница Потоцкой", "Дорога над пропастью в Чуфут-кале". В городе, пережившем свою славу, среди руин и надгробий лишь журчание фонтана предстает поэту лепетом самой жизни:

Не молкнет лишь фонтан в печальном запустенье, -
Фонтан гаремных жен, свидетель лучших лет,
Он тихо слезы льет, оплакивая тленье:
О слава! Власть! Любовь! О торжество побед!
Вам суждены века, а мне — одно мгновенье,
Но длятся дни мои, а вас — пропал и след.⁷¹

Из "Фонтанного дворика" — вход в парадные залы дворца. "Зал Совета и Суда" в каких-то частях восходит к раннему этапу существования дворца и одновременно несет

⁷¹ Мицкевич А. Указ. соч. — С. 132.

следы дальнейших переделок и перестроек. Это двухсветный зал с двумя рядами окон. К концу XVI в. относятся цветные, очень красивые и нигде не повторяющиеся витражи верхнего ряда окон; к тому же времени относится и паркетированный центр потолка. Согласно раннему описанию зала, выполненному по распоряжению фельдмаршала Миниха его адъютантом Манштейном, стены его были облицованы разноцветными "фарфоровыми плитками" (вероятно, изразцами), полы всюду были мраморные, а посреди зала бил фонтан. В зале собирался Диван — совет старейшин, без согласия которых хан не мог решать никаких важных дел.

На втором этаже находился "Посольский зал", также двухсветный с деревянным расписным потолком и мраморным полом: название его условное, так как торжественные приемы происходили обычно в зале Дивана. Здесь создана имитация "ханской ложи" — возвышение в нише, наподобие сцены, по бокам которой дымились курильницы с благовониями, а посередине, на расшитых золотом подушках восседал хан. Огромный турецкий ковер, спускаясь по стене, устилал «сцену», а конец его загибался на пол, "что подметали лбом паши в былые годы", по выражению Мицкевича.

Из "Посольского зала" расписная дверь ведет в "Золотой кабинет" — один из лучших и наиболее законченных интерьеров дворца. Двадцать четыре окна с разноцветными стеклами с трех сторон заливают комнату золотистым светом. Тонкая резьба деревянного потолка в виде позолоченной изящной решетки на густом красном фоне, диваны, обитые малиновым бархатом с золотым узором (работы русских мастеров конца XVIII — нач. XIX в.), голубые тона стенной росписи работы Омера, воспроизведенной по сохранившимся на восточной стене фрагментам, делали этот кабинет похожим на драгоценную шкатулку. Над росписью на уровне глаз — лепные алебастровые вазы с фруктами; под карнизом помещение опоясывает вязь арабской надписи, представляющая панегирик хану Крым-Гирею, но в особенности восхваляющая его за строительство (точнее — завершение восстановления) дворца. За льстивыми преувеличениями и превосходными эпитетами можно различить и восторженное восприятие татарами ханских покоев, служивших предметом гордости и подражания при сооружении и украшении собственных жилищ знати.

"Смотря на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это жилище гурий, что красавицы сообщили ему прелесть, что это нитка морского жемчуга, неслыханный алмаз!.. Окрест дворца свежие лилии, розы, гиацинты. Сад, разумно расположенный, говорит, как бы языком".⁷²

На первом этаже под "Золотым кабинетом" расположена "Летняя беседка" или «Альгамбра» (названная так в честь прославленного мавританского дворца в Испании). Построена и расписана она тем же Омером: первоначально ее окружали с трех сторон лишь колонны с арками, внутри по стенам шли диваны вокруг четырехугольного бассейна с фонтаном. При ремонте в начале XIX в. аркаду застеклили изнутри цветными стеклами. Отсюда через одну из дверей можно попасть в очаровательный "Бассейный садик" — царство солнца, пышной вьющейся зелени, цветов и воды. Центром дворика является каскадный фонтан: к южной, увитой розами стене примыкает мраморная доска, представляющая собой вариант "Фонтана слез" с четырьмя центральными чашами вместо трех. Вода стекает по мраморному желобу, украшенному резными изображениями резвящихся рыбок, в небольшой бассейн, а затем во второй, более крупный. Восточному очарованию дворика отдали дань многие путешественники. "Посреди личных покоев хана виден очаровательный сад роз, — пишет Паллас, — окруженный стеною, фонтан ниспадет каскадами в мраморный бассейн".⁷³ О его первоначальном виде свидетельствует более подробное описание маркизом Кастельно; он упоминает галереи с балюстрадой, увитые

⁷² Домбровский Ф. Дворец крымских ханов в Бахчисарае. — Симферополь, 1963. — С. 39.

⁷³ Pallas. Указ. соч. — Р. 34.

виноградом и окаймляющие сад, клумбы с цветами и рыб, плавающих в водоеме. Если судить по описанию, данному в стихотворении "Фонтану Бахчисарайского дворца", возможно, именно его имел в виду Пушкин. Фонтан "Бассейного садика" как бы открывает серию вариантов и повторений этого замечательного произведения: в 30–40 гг. XIX в. именно его берет как образец для подражания английский архитектор В. Гунт, создавая свой вариант Фонтана слез для дворца М. С. Воронцова в Алушке. В 50-е годы в Петербурге, в Эрмитаже по его мотивам были созданы четыре одинаковых фонтана из красного мрамора с белыми мраморными раковинами-чашами.

В глубине внутреннего двора находился гарем с его многочисленными постройками (по дошедшим свидетельствам, там было 73 комнаты, основную часть которых уничтожили в 1818 г. за ветхостью). В четырех комнатах уцелевшего флигеля размещены те немногие вещи, которые воссоздают бытовую сторону дворца. Гарем в переводе с арабского — «запретное», "неприкосновенное": никто кроме хана, его малолетних сыновей и евнухов не имел права входить сюда. "У ханов никогда не было законных супругов, — пишет Гакстхаузен. — Они жили с черкесскими и грузинскими невольницами, которые не имели никакого влияния, и с которыми мало считались даже их дети".⁷⁴ Внешний облик здания создает ощущение отрезанной от мира "золотой клетки", в которой томились невольницы: ажурная деревянная резьба решеток веранды укрывает ее сверху донизу от любопытных взоров; окна — зарешеченные, с цветными стеклами — расположены так высоко, что из них видно только небо. Из сохранившихся от XVI в. деталей особенно интересны резной деревянный портал и витраж в комнате главного евнуха со стилизованным изображением кипарисов. Поблизости находится башня, где, по преданию, содержались ханские охотничьи соколы. Сюда разрешалось подниматься обитательницам гарема, чтобы посмотреть на окружающий мир, на пеструю, красочную жизнь двора, где происходили приемы послов, сборы войска и т. д. Восьмигранная деревянная башня имеет кубическое каменное основание и решетчатое завершение, на котором установлен деревянный шестигранник, под самой крышей переходящий в решетку, и шатровое завершение. Внутри широкая лестница огибает все шесть граней башни.

Ханская мечеть и кладбище

К числу наиболее ранних сооружений дворца относится Малая мечеть, включенная в дворцовый комплекс, поэтому говорить можно только об архитектуре ее интерьера. Это полутемное вытянутое с востока на запад помещение, основная часть которого перекрыта куполом, опирающимся на барабан-восьмигранник, с арками и парусами. В южной стене его устроена украшенная «сталактитами» ниша — михраб. Над входом, оформленным аркой с орнаментом, — надпись с именем Селямет-Гирея и датой ее восстановления вместе с дворцом в 40-е гг. XVIII в.

Сооружения правой стороны двора выглядят солиднее и строже: сразу при входе внимание привлекает наиболее величественное сооружение дворцового комплекса — Большая ханская мечеть или Хан-джами. Это массивное прямоугольное каменное здание, вытянутое с севера на юг, крытое четырехскатной черепичной крышей, с двумя стройными минаретами по бокам. Тонкие десятигранные башенки минаретов сложены из хорошо отесанных каменных плит, скрепленных свинцом. Они опоясаны резными каменными балкончиками с традиционной розеткой на каждой грани; островерхая крыша завершается мусульманским символом "трех миров", как бусины нанизанных на "мировую ось" с серпом луны сверху. Внутри минаретов проходит винтовая лестница, по которой поднимались муэдзины. Согласно надписи над главным входом в мечеть, она была построена Селямет-Гиреем в 1740 г. Однако, возможно, речь шла лишь о Перестройке ранее

⁷⁴ *Haxthausen.* Указ. соч. — Р. 357

существовавшего здания: Мартин Броневский, посол польского короля Стефана Батория к хану Мухаммед-Гирею, описывая Бахчисарай в 1578 г., отмечает, что "построены каменная мечеть и гробницы ханов из развалин христианских". Возможно поэтому композиция мечети следует старой традиции здания типа базилики: внутри это трехнефный зал, снаружи — с запада и востока — к стенам примыкают галереи со стрельчатыми арками.

Нарядность зданию мечети придают высоко расположенные окна с решетками, в простенках между которыми — майоликовые зеленые вставки, где в декоративные узоры мастерски вписана вязь изречений из Корана. Любопытна надпись на той же западной стене мечети, сообщающая нам имя работавшего здесь мастера Омера и его должность — "главный придворный живописец". Снаружи к ней пристроена лестница с нарядными расписными деревянными арками, по которой хан поднимался в специальную «ложу», богато отделанную фаянсовыми плитками и росписью.

За мечетью следует одна из самых интересных частей дворца — ханское кладбище, где сразу привлекают внимание два монументальных мавзолея XVII в., выстроенные в классической форме дюрбе — восьмигранник, барабан, купол, но без того изящества пропорций и деталей, которые характерны для других дюрбе Бахчисарая. Между их массивными объемами особенно стройной и хрупкой кажется сложенная из тесаного камня ротонда над могилой Менгли-Гирея II, относящаяся к первой половине XVIII в. Но наибольший интерес представляют мраморные и каменные резные надгробия, разбросанные среди густо разросшейся зелени, где преобладают кипарисы — традиционное дерево мусульманского и вообще восточного кладбища. Здесь похоронены шестнадцать ханов, а также их родственники и приближенные, самое раннее погребение относится к 1592 г. Мужские надгробия украшены чалмой и воинскими атрибутами, женские — подобием клобука, все они пышно орнаментированы, напоминая в чем-то узоры фонтанных плит. Элементы арабского, персидского, турецкого стилей сплетаются с мотивами итальянского Ренессанса, а на могиле Крым-Гирея — даже с элементами рококо. Излюбленным мотивом являются розетка, плетенка, стилизованный кипарис. Почти на всех могилах высечены на турецком языке витиеватые эпитафии, своеобразные образцы татарской поэзии, с обязательным указанием имени поэта. Одни из них воспевают подвиги и мудрость ханов: "Война была ремеслом знаменитого Крым-Гирей хана; глаза голубого неба не видали ему равного"; в других говорится о тщете мира земного: "смерть есть чаша с вином, которую пьет все живое. Могила есть жилище, в которую сходит всякий человек" или "посещать могилу умершего — значит молиться за него" и т. д. Особенно поэтичны надписи на женских гробницах: "В цветнике мира я была роза, и, увы, завяла. О всевышний, помести меня в цветнике рая". Трогательная эпитафия на могиле девочки-подростка: "...Фераха-султана-ханым оставила свет счастья, поразила нас горестью. На двенадцатом году жизни она неожиданно испила слабость чаши смерти... Солнце это, взглянув на быт мира, равнодушно скрылось за облака. Хронограмма ее: ангел прилетел и улетел, рай стал жилищем Фераха-султаны".

В дальнем углу позади кладбища можно увидеть одно из самых ранних общественных сооружений города — баню Сары-Гюзель, сооруженную, как гласит надпись, в 1532 г. Баня в те времена была своего рода клубом, местом отдыха, встреч и бесед: эта традиция унаследована турецкими банями от византийских. Сары-Гюзель, мощное каменное квадратное в плане здание, перекрыто куполами с фигурными отверстиями. Оно состояло из мужского и женского отделений, к каждому из которых примыкали крытые дворики с фонтанами. Обогревалась баня сложной системой отопительных устройств под полом и в стенах; горячая и холодная вода поступала в моченные отделения по свинцовым трубам. Здание оказалось долговечным и служило своему прямому назначению до 1924 г.

Осмотр ханского дворца с его жизнерадостной и разностильной пестротой убеждает, что при всех отличиях и особенностях это — типичная резиденция восточного владыки, стихийно выросший ансамбль построек самого разнообразного назначения, жилище феодала, где сосредоточено все необходимое для официально-парадной, религиозной и частной

жизни. Но парадная сторона, стремление подчеркнуть величие власти здесь отнюдь не доминировали; напротив, на всем лежит печать легкости, интимности. И если бы можно было выразить основную идею дворца, которой его создатели следовали, возможно, и неосознанно, то это скорее воплощение мечты о дреме в райском саду, о стирании граней между действительностью и волшебным миражем. Комнаты, похожие на драгоценные шкатулки или на садовые беседки с калейдоскопическим узором цветных стекол, с изображениями чаш, полных цветов и плодов, с мраморными фонтанами посередине, продолжали и усиливали впечатление от цветников, внутренних садилов и больших садов, окружавших дворец. Эту идею дворца-сада, при всем различии конкретного архитектурного воплощения, мы встречаем в самых разных концах мусульманского мира — от дворца Топкапи в Стамбуле до прославленной Альгамбры в Гранаде, где легкие ажурные павильоны группируются вокруг внутренних дворилов с зеркалом воды или фонтаном в качестве центра — смыслового и организующего одновременно.

О культовой архитектуре

Контрастом «увеселительной» (по выражению панегирика во дворце) дворцовой застройке служат правильность, продуманность, строгость мечетей, медресе, дюрбе — словом сооружений, где господствующей идеей является выражение сути мироздания. Здесь царит строгая пропорциональность при соблюдении основных традиционных форм, выражающих вполне определенный, веками закреплённый за ними смысл. Мусульманское зодчество вообще замечательно тем, что умело использовать, синтезировать и усовершенствовать архитектурные достижения разных стран, времен и народов. Самым главным их собственным достижением, разработанным и доведенным до совершенства, стал купол. Многие народы, особенно в Азии, пытались создавать разного рода сводчатые постройки; однако основополагающее значение для формирования архитектуры арабов имело очень развитое по формам и конструкциям зодчество Ирана эпохи династии Сасанидов (III–VII вв.). Отсюда была воспринята композиция центричного сооружения, завершённого куполом. Купол своим основанием опирался на четыре стены основного квадратного объема и на небольшие арочки-трюмпы, перекинутые в угловых частях последнего. Подобный тип композиции использовался прежде всего для возведения культовых построек — мечетей и мавзолеев-дюрбе. Более совершенная система купольного сооружения состояла в переходе от куба основания к восьмиграннику барабана, а от него к куполу; внутри же переход осуществлялся с помощью парусов. Секрет популярности этой композиционной схемы, в бесчисленных вариациях распространённой на всем мусульманском Востоке, отчасти объясняется через символику ее форм. По издавна укоренившейся традиции кубическая форма выражает мир земной, сферическая — небесный: поскольку круг несводим к квадрату (как известно, задача на "квaдратуру круга" не имеет решения), структура мироздания должна включать третий, промежуточный элемент — восьмигранник, приближающийся к кругу по форме. Этот элемент возникает уже в силу того, что купол не может непосредственно утвердиться на квадратном основании и требует "срезания углов" куба в форме парусов внутри, а снаружи оформляет их восьмигранником, зрительно облегчающим переход к куполу.

Дюрбе Азиса

В предместье Бахчисарая — Азисе, недалеко от вокзала, сохранились несколько дюрбе, будто специально собранные, чтобы дать возможность проследить вариации этой формы. Самый древний, полуразрушённый мавзолеем Бей-Юде-султан, построенный на рубеже XIV–XV вв., представляет собой куб со скошенными углами, чтобы переход от четверика основания к восьмиграннику, поддерживающему купол, был виден и снаружи. К сожалению, этот весьма интересный памятник, по форме напоминающий некоторые египетские мавзолеи

Каира, разрушается: наполовину обрушен купол, не сохранился примыкавший с южной стороны портик. Над дверью в дюрбе — надпись: "Эту гробницу приказал построить Мухаммед-Шах-бей, сын Мухаммед-бея, для своей матери Бей-Юде-султан, дочери Аджаган-бея". Иначе решен переход от четверика к восьмерику в дюрбе Ахмед-бея, относящемуся к XV- началу XVI в. Углы куба «срезаны» восьмигранником по горизонтали строго и лаконично, простые геометрические формы лишены украшений. Рядом уцелел мимбер — кафедра проповедника, остаток молельни дервишей XVI–XVII вв., представляющая собой восьмигранную башенку с каменным шатровым куполом, к которой ведет крутая лестница из массивных каменных плит. Два более поздних памятника XVI–XVII вв. построены в виде восьмигранников. Купол одного из них — дюрбе Мухаммед-бея — опирается непосредственно на восьмигранник. Изяществом пропорций отличается мавзолей хана Мухаммед-Гирея II. Внутри мавзолея — восемь стрельчатых арок, соответствующих его восьми граням, так что купол покоится на шестнадцатигранном основании; снаружи эти 16 граней подчеркнуты таким расположением восьмигранного барабана на восьмерике основания, чтобы получалось 16 углов. Стыки граней мавзолея оформлены декоративными выступающими колонками, окна (ныне заложенные) расположены в два яруса и кое-где сохранили мраморные наличники. По сообщению Палласа, уже в его время "дух разрушения причинил немало ущерба этим довольно примечательным сооружениям. Окна и двери многих из них были украшены белым мрамором с зелеными прожилками, от которых видны лишь остатки, остальное расхищено на камины. Между ними видны и гробницы, многие из мрамора с растительным орнаментом".⁷⁵

Медресе и дюрбе Салачика

На другом конце города, в Староселье (бывшее предместье Салачик) там, где когда-то стоял первый ханский дворец Ашлама-Сарай, сохранились два интересных памятника раннего Бахчисарая. Это здание Зинджерлы-медресе и мавзолей, построенный над могилой основателя династии крымских ханов Хаджи-Гирея в 1501 г. его сыном Менгли-Гиреем; здесь же в 1515 г. похоронен и он сам. Гробница похожа на выстроенную ранее в 1437 г. в Чуфут-кале гробницу Джанике-ханым: в плане она представляет восьмигранник, украшенный на стыках граней резными колонками, с порталом, богато декорированным в духе сельджукской архитектуры: пилоны портала поддерживают сталактитовый полукупол, ниши в боковых стенах также имеют сталактитовое полукупольное завершение.

Неподалеку от дворца в 1500 г. строится монументальное здание Зинджерлы-медресе, которое должно было придать новой столице престиж учености в противовес покинутому ханами Солхату.

Время по-своему подвело итог былого соперничества: сегодня, когда обширное медресе Солхата лежит в развалинах, медресе в Салачике обретает особое значение как единственное в Крыму уцелевшее сооружение такого рода. Название средневекового духовного училища происходит от слова «зинджер» — цепь: подвешенная над входом, она напоминала о необходимости склонить голову каждому, входящему в обитель науки. Наружная стена здания — глухая, всего лишь с несколькими окнами. Внутри — прямоугольный двор с некогда журчащим посреди фонтаном, окруженный галереей, расчлененной стрельчатыми арками на 10 частей, каждая из которых перекрыта небольшим куполом. Галерею, в свою очередь, с внешней стороны окружают маленькие комнаты-кельи для учеников. Планировка Зинджерлы-медресе, несмотря на его малые размеры, интересна, выдержана в строго классических традициях возведения подобных сооружений, и, при отсутствии украшений, покоряет строгой красотой арочных конструкций, сводчатых

⁷⁵ Pallas. Указ. соч. — Р. 34

перекрытий. Находясь внутри, по-новому ощущаешь значение окруженного галереями замкнутого дворика, отсекающего от мира и одновременно заставляющего воспринимать его иначе — на уровне вершин окружающих гор и голубой крыши небосвода.

Эски-Дюрбе

По пути из Салачика в город, неподалеку от ханского дворца стоит особняком замечательная, не имеющая аналогий, безымянная "старая гробница" — Эски-Дюрбе. Здание, почти лишенное декора, украшенное только скромными изящными розетками, выделяется стройностью пропорций и мастерством кладки тщательно отесанных каменных блоков. По форме это — центрическое портално-купольное сооружение с классическим набором элементов — куб, восьмигранный барабан, купол, килевидный в разрезе, под стать стрельчатым аркам боковых плоскостей. С восточной стороны к кубу примыкает портал, пилоны которого опираются на высокую стрельчатую арку. Самым оригинальным элементом сооружения является квадратный дворик у южной стены, где когда-то имелся фонтан. Внутри дворика можно попасть только из мавзолея: закрытая с трех сторон стена прорезана лишь стрельчатыми арками на уровне человеческого роста. Возможно, дворик был предназначен для тех, кто приходил поклониться могилам близких, поразмыслить о суете и тщетности мира: он настраивал их на более возвышенный лад, отрезая от заземленных мирских забот и предлагая взамен прекрасную картину окружающей природы в обрамлении стрельчатых арок.

Мавзолей Диляры-Бикеч

От одиноко стоящего, чем-то немного загадочного в своем совершенстве самого раннего сооружения Бахчисарая, рукой подать до самого позднего — мавзолея Диляры-Бикеч, которое столь же одиноко высится в дальнем углу дворцового парка, как элегическое завершение бахчисарайского средневекового зодчества. Три столетия разделяют эти два ни на что не похожие во всем Бахчисарае памятники. И все же — не фонтан ли Эски-Дюрбе освятил авторитетом веков замысел (хана ли? художника ли?) соорудить "Фонтан слез" у стены мавзолея Диляры-Бикеч? Воздвигнутый в XVIII в. массивный восьмигранный мавзолей с куполом на восьмигранном барабане покрыт нарядным декором: каждая грань расчленена двойным рядом изящных арок. Одна из них, возможно, служила обрамлением мраморной плиты "Фонтана слез", перенесенного к приезду Екатерины на свое нынешнее место в "Фонтанном дворике".

III. ЧУФУТ-КАЛЕ И УСПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

М и р з а

... Не гляди! Во тьму потянет с кручи!

Как древний Аль-Каир, тут бездна глубока!

И рук не простирай — ведь не крыло рука.

И мысли трепетной не шли в тот мрак дремучий.

Как якорь, мысль твоя стремглав пойдет ко дну

Но дна не достигнет, и хаос довременный

Поглотит якорь твой и челн затаяет вслед.

П и л и г р и м

А я глядел, мирза! Но лишь гробам шепну,

Что различил мой взор сквозь трещину вселенной.

На языке живых — и слов подобных нет.

А. Мицкевич

В этих строчках сонета "Дорога над пропастью в Чуфут-кале" гениально передано молниеносное озарение поэта, заглянувшего не просто в бездну ущелья, а как бы в бездну времени, в глубины доистории. Чуфут-кале — наиболее посещаемый и лучше других сохранившийся из "пещерных городов": последние жители оставили его в прошлом веке. С него (еще с екатериненских времен) начинали знакомство с «пещерными» городами и монастырями европейские путешественники, воображение которых они поражали и своей необычностью, и загадочностью пещер, и окутанной мраком неизвестности историей, дававшей простор легендам и домыслам. Преувеличивая сложность высекания пещер (в действительности местные известняки, особенно увлажненные, не столь трудны в обработке), они видели в них дело рук «доисторических» народов, искали аналогий с пещерными поселениями так называемых «троглодитов» Индии, Египта, Кавказа. Этот "полет воображения", рожденный неосведомленностью, уводил внимание и от наземных сооружений, тесно связанных с пещерными, которые еще существовали на Чуфут-кале в прошлом веке, и от конкретной истории этого и других городищ, находившихся на перекрестках исторических событий. Но не будем излишне строги к путешественникам прошлого века — их изумление поймет всякий, впервые, по выражению Павла Сумарокова, увидевший "с содроганием приткнутые к самой бездне жилища... каменистого острова... городок, достойный по единственному своему положению великого внимания".⁷⁶

Чуфут-кале расположен на плато горного отрога, господствующего над тремя долинами. Человек использовал подготовленную самой природой вершину скалы, экономно усилив ее продуманными оборонительными сооружениями. Эпизодически проводившиеся исследования плато показывают, что оно было заселено еще в неолите, не менее 7 тыс. лет назад. В I тыс. до н. э. оно служило убежищем обширного таврского поселения в Ашлама-дере. Путешественник Эвлия Челеби, побывавший здесь в 1666 г., писал в цветистых восточных выражениях, что крепость расположена на обрывистой скале, "верхушкой своей неба достигающей... Однако во времена неверных (т. е. до татар — Т. Ф.) искусные в своем деле каменотесы вырубili здесь глубокий и большой ров, потом над внутренним берегом этого рва вознесли огромную стену длиной в сто аршин, три могучие башни построили и в средней из них сделали железные ворота крепостные... С внутренней стороны этих ворот на расстоянии трехсот шагов на север от них протянули они одинарную стену от одной глубокой долины до другой и на той же стене также три могучие башни вознесли... Кроме этих двух стен, нет там иных укреплений. Впрочем, они там вообще не нужны, ибо со всех сторон крутые скалы тянутся. Если с тех скал человек — да сохранит Аллах! — посмотрит вниз, то потеряет отвагу и в пропасть низринется. Однако если под ноги не смотреть, то страха нет".⁷⁷

Время основания оборонительных сооружений — прежде всего Средней оборонительной стены, Орта-капу — после долгих сомнений и споров все же отнесено к VI в. Если точнее, то нижние ярусы кладки относятся, по мнению ее исследователей А. Г. Герцена и Ю. М. Могаричева, к тому виду "раннесредневековой фортификации, расцвет которой приходится на VI–VII вв., причем не только в Таврике, но и на Балканах, в Северной Африке, Месопотамии, Малой Азии, Западном Кавказе, то есть в регионе, находившемся под политическим и культурным влиянием Восточной Римской империи, Византии".⁷⁸ Постройкам византийского периода предшествовало поселение и, видимо, укрепленное

⁷⁶ Сумароков. П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. — Т. 1. — СПб., 1801. — С. 145.

⁷⁷ Эвлия Челеби. Книга путешествий. — Симферополь, 1996. — С. 93.

⁷⁸ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор, Чуфут-кале. — Симферополь, 1993. — С. 15.

убежище. Об этом говорят найденные во время раскопок обломки амфор, лепной посуды позднеантичного и раннесредневекового времени. Более того, эпизодически проводившиеся исследования плато Бурунчак свидетельствуют, что оно было заселено еще в неолите, не менее 7 тысяч лет назад.

Сармато-аланское население

Окрестности Чуфут-кале издавна населяли сармато-аланы. Это могущественное ираноязычное племя сарматского круга постепенно проникало в Крым с первых веков нашей эры. Им принадлежал раннесредневековый могильник в Марьям-дере, неподалеку от Южных ворот, который использовался со второй половины VI по X век: в склепах найдены характерные бронзовые и серебряные пряжки, фибулы, височные кольца, бусы. Найдены также известняковые надгробия, на которых высечены кресты, на некоторых изображены орудия казни Спасителя. Одному из надгробий придана форма базилики, прямоугольной в плане с закругленной в торце апсидой: возможно, оно воспроизводит форму раннесредневекового храма-крепости. Если добавить к этому находки нательных крестов, перстней с христианскими символами, то можно сделать вывод о распространении христианства среди населения. В окрестностях найдены и другие могильники с чертами аланского погребального обряда.

Ранние описания города

О том, что округа была населена аланами, единогласно повествуют греческие, арабские, турецкие источники. Самое раннее упоминание содержится в "Аланском послании епископа Феодора" (1-я половина VIII в.). Епископ был направлен для проповеди христианства в Кавказскую Аланию. Путь лежал через Херсон. Отсюда, преследуемый недругами, он спасается в аланском селении, "ибо близ Херсона живут аланы, столько же по своей воле, сколько по желанию херсонесцев, словно некое ограждение и охрана города".⁷⁹ По мнению исследователей, эти малые аланы родственны большому северокавказским аланам. В арабских и турецких источниках они известны под именем асы, ассы (вероятно, самоназвание; ср. русское — языги, яссы, осетины): татары называли их также "племенем черкес". Обосновавшись в горном Крыму, аланы смешивались с местным греческим и тавроскифским населением. Несколько более поздними пришельцами были в этих краях готы. С именами этих двух народов связано этническое и географическое разграничение областей раннесредневекового горного Крыма: по словам венецианского купца и дипломата Иосафато Барбаро, "За Кафой по изгибу берега находится Готия, за ней Алания, которая тянется по острову (Крым — Т. Ф.) в направлении Монкастро". Однако разграничению сопутствовало смешение обоих народов, в немалой степени благодаря распространению христианства. "Благодаря соседству готов с аланами, — продолжает Барбаро, — произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы, они завоевали эти страны и смешали свое имя с именем алан. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами; и те, и другие следуют обрядам греческой церкви".⁸⁰

Фуллы и Кырк-ор

⁷⁹ *Талис Д. Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Экспедиция ГИМ. — М., 1969. — С. 111.

⁸⁰ *Скржинская Е. Ч.* Барбаро Контарини о России. — Л., 1971. — С. 180.

Главной крепостью крымской Алан был Кырк-ор. Одно из самых ранних его описаний принадлежит арабскому географу Абульфедде, побывавшему здесь в 1321 г.: "Кырк-ор находится в стране асов (аланов), его имя значит по-турецки сорок крепостей; это сильно укрепленный замок, основанный на неприступной горе. Наверху горы есть площадь, где жители страны в минуты опасности находят убежище".⁸¹ Татары, разграбившие крепость в 1299 г. при Ногае, превратили ее в свою цитадель где-то в середине XIV в. Ее тюркское название Кырк-ор — "сорок крепостей" звучит странно в применении к одной крепости: по-видимому, дело в том, что это выражение употреблялось для характеристики всего горного края и было перенесено на город, ставший для татар новым административным центром после Солхата. Само по себе перенесение названия страны на главный город и наоборот — факт, распространенный в истории: достаточно вспомнить, что татарское название города Солхата — Крым — постепенно распространилось на весь полуостров. Однако Кырк-ор — топоним тюркоязычный: могла ли крепость алан-асов, принадлежавших индоиранскому языковому семейству, носить тюркский топоним? Конечно, тюркская топонимика могла появляться здесь уже в период владычества хазар (VII-X вв.). Об этом свидетельствует источник X в. "Еврейско-хазарская переписка", где перечисляются крымские города отнюдь не под греческими названиями. Возможно, среди них были древние местные названия, по отношению к которым и греческие являлись новообразованиями; возможно, некоторые из них «переводились» на тюркский, татарский, другие же, непонятные — искажались. Как могло звучать не-тюркское название крепости?]

Ряд исследователей, начиная с Бертье-Делагарда, склонен считать, что это — раннесредневековые Фуллы — название, упоминаемое во многих источниках, но оставшееся неприуроченным ни к одному городищу, хотя оно и дало имя целой епархии. Основание Фулл, а также Судака (Согдак, Сугдея — от согдов) византийские и арабские авторы связывали с аланами. Пережитки язычества среди алан замедляли христианизацию региона в отличие от соседней Готии. Только в IX в. Фуллы становятся кафедральным городом Фульской епархии, которая потом переименовывается в Сугдео-Фульскую. Причину объединения Фулл не с близкой Готской, а с более отдаленной Сугдейской областью Бертье-Делагард видит именно в том, что их населяла общая народность — аланы. В известном памятнике "Сказания о начале славянской письменности" рассказывается, что около 860 г. Фуллы посетил, возвращаясь из Хазарии, Константин-философ, в монашестве Кирилл, будущий создатель славянской письменности. Здесь он, проповедуя христианство местным язычникам, срубил священный дуб, которому они поклонялись.⁸²

В ожидании дальнейших исследований можно лишь отметить, что оба имени города — Фуллы и Кырк-ор — принадлежат к числу освященных традицией и повторявшихся названий, которые народы в ходе миграций давали различным встречавшимся на их пути городам и селениям. Константин-Кирилл, обращаясь к аланам, отметил, что их город, точнее его название — Фул — упомянуто в Библии. Добавим, что в форме «Туле» оно прослеживается вдоль всей Европы вплоть до русского Тула. То же можно сказать о Кырк-оре, который встречается на Кавказе, в Прикаспии. Оба названия повторяются и в Крыму (Кырк, Кырк-Чолак, Каркополь, Кырк-Азис; Мегафули, Рускофули; Фуллы — у Карадага). Вероятно в XII–XIII вв. сложилось Аланское княжество феодального типа, о жизни которого известно немного.

Его захват татарами и основание Крымского ханства. Джанике-ханым

⁸¹ Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. (Справки о Фуллах)// ИТУАК. - 1920. - № 57. — С. 106.

⁸² Сказания о начале славянской письменности. — М., 1976. — С. 86.

В 1299 г. Ногай — золотоордынский эмир, правивший в Добрудже, направил для сбора дани в Крым своего внука Актаджи, который был убит генуэзцами в Кафе. В ответ на это Ногай обрушился со своим войском на Крым и разорил многие поселения, включая Кырк-ор. Однако речь шла об ограблении, о вымогании дани: зависимость же от татар установилась позднее — примерно в середине XIV в., во время правления Джанибека, сына Узбека. Первым письменным свидетельством о включении Кырк-ора во владения татар является упоминание о битве на Синих водах (речка Синюха, приток Буга) в 1363 г. ханов "Крымского, Манкопского и Киркельского" (т. е. из Старого Крыма, Мангупа и Кырк-ора) против литовского князя Витовта, закончившаяся победой последнего.

Данные археологических раскопок также подтверждают, что в середине XIV в. Кыркорское княжество стало зависимым от татар. В это время — в 1346 г. — на Кырк-оре строится мечеть.⁸³ Первое татарское поселение в Юго-Западном Крыму — Эски-юрт, на расстоянии 4 км от Кырк-ора, также возникает не ранее второй половины XIV в. Междоусобицы в Золотой Орде, борьба за власть и начинающийся распад на улусы подтолкнули часть ордынской знати к захвату земель в горном Крыму, менее доступном для вторжения со стороны степей и имеющем хорошо укрепленную крепость Кырк-ор. Она становится центром бейлика беков Яшлау, которые с тех пор считались древними владельцами Кырк-ора.

Обстоятельства, сопутствовавшие выделению из Орды самостоятельного Крымского ханства, вновь приводят нас в Кырк-ор, к памятнику удивительно хорошей сохранности посреди лежащего в руинах города — мавзолею-дюрбе, украшенному арабской надписью: "Это гробница великой государыни Джанике-ханым, дочери Тохтамыш хана". Кропотливые поиски исследователей, обратившихся к мусульманским источникам, сегодня дают возможность воссоздать в самых общих чертах следующую историческую картину.

Чингис хан установил порядок престолонаследия, согласно которому только его потомки могли становиться великими ханами. К этому роду принадлежит великий хан Золотой Орды Тохтамыш, известный нам в основном тем, что через два года после Куликовской битвы привел огромное войско под стены Москвы.

Дочь Тохтамыша Джанике была выдана замуж за Едигея — могущественного эмира ногайской орды, фактически управлявшего Степью. Тем не менее он не мог претендовать на власть, и брак с чингизидкой Джанпке давал надежду лишь его потомству претендовать на трон. В 1397 г. Едигей переметнулся к самаркандскому правителю Тимуру, войны которого с Тохтамышем развернулись на огромных пространствах Орды — от Крыма до Хорезма. В гневе на зятя и его жену Тохтамыш убивает Тогайбек — мать Джанике. Он пытается заполучить и Джанике. В 1411–1412 гг. ее родной брат — султан Джелаль-ад-дин осадил город Хорезм, где укрылся накануне потерпевший поражение Едигей, требуя выдачи Джанике с ее сыном от Едигея.

Большое впечатление на мусульманский мир произвело паломничество Джанике в Мекку в 1416 г., отмеченное в летописях. Ибихаджара Эласкалани в сочинении "Извещение неразумных о датах века" пишет о прибытии знатной паломницы в Дамаск: "В 819 г. (1416-17) прибыла в Дамаск-хатун, жена Идиге, владельца Дештского (т. е. золотоордынского — Т. Ф.) с просьбой совершить хадж. Вместе с ней прибыло 300 всадников, и они совершили хадж в обществе сирийского каравана".⁸⁴ Все это укрепило авторитет и влияние Джанике.

В 1420 г. Едигей умер: это произошло в ходе битвы с крымским войском Кадыр-Берды хана, младшего сына Тохтамыша от "наложницы из племени черкес", как называли татары асов-алан. Когда царевичу было три года, Джанике умолила Едигея пощадить брата, и

⁸³ *Акчокраклы О.* Новое из истории Чуфут-кале // ИТОИАЭ. - 1928. - № 2. — С. 172–178.

⁸⁴ *Тизенгаузен В. Г.* Материалы, относящиеся к истории Золотой Орды. — Т. 1. — СПб., 1884. — С. 454.

спрятала его в «царстве» — вероятно в Кырк-оре.

По материнской линии корни Джанике восходят именно к Кырк-ору. Хаджи-бек, хан Киркельский, упомянутый в связи со сражением при Синих водах в 1363 г., доводился ей дедом. Его дочь Тогайбек стала одной из трех жен Тохтамыша и матерью Джанике. После гибели Кадыр-Берды в 1420 г. Джанике осталась старшей в роду Тохтамыша и могла претендовать на власть по крайней мере у себя на родине в Кырк-оре, подальше от кровавых усобиц распадавшейся Золотой Орды. Судя по всему, она мудро сделала ставку на сторонников самостоятельности Крыма. Вероятно она была правительницей кыркорского бейлика вплоть до своей кончины в 1437 г., как о том свидетельствует надгробная надпись. Вероятно она благоволила Хаджи-Гирею, правившему в Солхате, видя в нем своего преемника и опору в борьбе с другими потомками Тохтамыша. В Кырк-оре Хаджи-Гирей появляется в 1437 г., в 1443, но окончательно он обосновался там только в 1449 г. В XVI–XVII вв. вполне укрепилась традиция, согласно которой происхождение самостоятельного крымско-татарского государства возводилось к Тохтамышу, а Джанике-ханым была ключевой фигурой этой версии".⁸⁵

Примечательно, что народная легенда опозитизировала кыркорские корни Джанике, совместив в легенде с преданием о тайном осадном колодце. Согласно ей во дворец Тохтамыша, где живет юная Джанике, проникает пастушок Али, и рассказывает, что Кырк-ор осажден и люди гибнут от жажды. "Ты наша, Джанике", — настойчиво повторяет он. Именно поэтому доверяется ей тайна колодца, к которому ведет узкий ход, что только тонкая как тростинка Джанике может туда пробраться. Всю ночь они носят воду, наполняя бассейн. К утру Джанике умирает, почитаемая как избавительница родного Кырк-ора.

Известно, что Гиас-ад-дин, отец Хаджи-Гирея, потерпев поражение в борьбе за ордынский престол, нашел убежище при дворе князя Витовта. Позднее его примеру последовал и Хаджи-Гирей с приближенными; вероятно, тогда же и начала складываться этническая группа литовских татар, а, возможно, и караимов. Литовские князья вели сложную игру, давая убежище претендентам на высшую власть в Золотой Орде, раздувая соперничество и, по возможности, расшатывая ее хрупкое единство. Они поддерживают Хаджи-Гирея в его борьбе за крымский престол: на этом же настаивали и крымские беи. При их поддержке Хаджи-Гирей был, но словам русской летописи, "посажен на царстве Перекопском": своей резиденцией он избрал поддерживавший его Кырк-ор. В 1459 г. жителям города выдан ярлык на ряд льгот. Из этого документа ясно, что родной дядя Хаджи-Гирея — Девлет-Берды, правивший Крымом в 1426-27 гг., дал крепости ряд льгот, и Хаджи-Гирей полностью подтвердил эти обязательства, подчеркнув тем самым свое право на Кырк-ор в соответствии с феодальной преемственностью власти. Этот документ возобновляли впоследствии и его преемники.⁸⁶

После смерти Хаджи-Гирея в 1466 г. вновь начинается смута: власть оспаривают шесть его сыновей. Преемником стал Менгли-Гирей, однако смута вынудила его искать убежища в генуэзской Кафе: после захвата ее турками в 1475 г. он был доставлен в Стамбул и провел там три года в почетном плену.

В конце концов главные виновники смуты — беи Ширинские — обратились к султану Мехмеду II с униженной просьбой вернуть им Менгли-Гирея. "Пусть весь край будет собственностью султана, а Менгли хан пусть будет его наместником". Так Крымское ханство оказалось в вассальной зависимости от Османской империи вплоть до 1774 г.

Крепость Гиреев. Население города и его застройка. Караимы

⁸⁵ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Указ. соч. — С. 65.

⁸⁶ Смирнов В. Д. Татаро-ханские ярлыки // ИТУАК. - 1918. - № 54. — С. 8–9.

Обосновавшись с 1478 г. в Кырк-оре, Менгли-Гирей правит отсюда подвластным ему государством — принимает послов, чеканит монету, чинит суд и расправу. Здесь же существовала тюрьма, предназначавшаяся для важных и знатных пленников: здесь содержались порой литовские и русские послы.

Первые упоминания о ней относятся к концу XV в., когда Менгли-Гирей заключил туда литовского посла Леза в 1498 г. После перенесения столицы в недавно отстроенный Бахчисарай, город на скале сохранял значение как цитадель и место заключения «ценных» пленников, захваченных на войне. 21 год провел в тюрьме воевода В. Б. Шереметьев, взятый в плен в 1660 г.; гетман Потоцкий стал пленником в сражении при Корсуни в 1648 г. п др. Содержали там также и послов, вероятно, с целью «давления» на пославших их государей. С 1692 по 1695 год провел в крымской темнице Владимир Айтемиров, прибывший в Крым для заключения мирного договора; князь Ромодановский (видный деятель при Петре I), прибывший с той же целью, также был заключен на три года. В крепости держали лишь знатных и богатых пленников — с целью взять выкуп, вынудить к более выгодным условиям договора и т. д. Простых пленников продавали в рабство в Каффе или Бахчисарае.

При первых крымских ханах в Кырк-оре сохранялся пестрый этнический состав. В ярлыке от 1459 г., выданном жителям крепости Хаджи-Гиреем, на всех, находящихся там мусульман, "кто бы ни пришел и ни осел в крепости", распространяются тарханские льготы. В ярлыке от 1468 г. названы общины и конкретно их старейшины, причем в качестве христианской общины фигурировала армянская. Сопоставить с этим можно сообщение мюнхенского ландскнехта Шильбергера, находившегося здесь в плену с 1394 по 1427 год: "город и страна населены греческими христианами и производит отличное вино".⁸⁷ Позднее источники об аланах-христианах не упоминают. Вероятно, этнокультурная общность, известная как православные крымские греки, вобрала в себя прежних готы, алан, собственно греков и др. Они по-прежнему жили в окрестных долинах, занимались земледелием и виноградарством; центром для них взамен утраченной крепости стал Успенский пещерный монастырь в "ущелье Марии" — Марьям-дере.

Что касается Кырк-ора, то в период пребывания здесь хана и войска татары-мусульмане явно занимали Старый город. За крепостной стеной (ныне Средней) выросло торгово-ремесленное предместье. Армянская колония в Крыму была многочисленной: армянские мастера-каменотесы были главными носителями форм сельджукской архитектуры в восточно-византийских провинциях. Их «почерк» легко узнаваем в ранних сооружениях Кырк-ора и Бахчисарае. Иудейская община традиционно занималась торговлей и ремеслами. Караимы особенно славились как кожевники, кузнецы, ювелиры.

Главной заботой Гиреев были оборонительные сооружения. На основании археологических данных можно утверждать, что предшествующие сооружения были полностью разобраны, и материалы из них использованы при обновлении стен. Таким образом, дошедшие до нашего времени кладки, относятся к XV–XVI вв. В ряде мест хорошо видны крупные блоки раннего периода, включенные в верхние ярусы. Перед воротами Средней стены складывается архитектурный ансамбль главной площади города: величественное здание мечети и, вероятно, примыкавшее к нему медресе,⁸⁸ а также стоявшее поодаль на пригорке дюрбе великой государыни Джанике. Эвлия Челеби застал мечеть уже закрытой, так как татары покинули к этому времени крепость, оставив ее караимам. Над входом этой "джамии в старом" (т. с. в сельджукском — *Т. Ф.*) стиле он прочел и записал надпись-хронограмму, высеченную в камне шрифтом джели: "Мечеть эту благословенную построил в году 859 (1455) великий султан и высокий хакан, властелин царей арабских и аджамских Хаджи-Герей хан, сын Гияседдин хана, сына Эртогмаз хана. Да

⁸⁷ Шильбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг. — Баку, 1984. — С. 45.

⁸⁸ Эвлия Челеби. Указ. соч. — С. 94.

одарит его Аллах длительным правлением". В 1928 г. руины мечети были раскопаны и при этом обнаружен фрагмент надписи с датой 1346 г., считавшейся годом основания мечети. Видимо предпринятая Хаджи-Гиреем реконструкция здания была существенной. Кроме того его называли и строителем медресе при ней (пока не исследованное). Согласно данным раскопок, мечеть представляла собой прямоугольное здание (13,8 x 10,65 м). Вход находился с западной стороны, слева от него — минарет с балкончиком и винтовой лестницей (их остатки еще были различимы в 20-х годах). В южной стене — основание михраба со «сталактитовым» сводом. Внутри здание было разделено двумя рядами колонн со «сталактитовыми» капителями, на которое, видимо, опирались арки (как в мечети Узбека в Старом Крыму). На основании косвенных сведений можно предположить существование в городе ханского дворца в районе Южных ворот: выявить это еще предстоит археологам. И мечеть, и дюрбе построены в традициях сельджукской архитектуры. О существовании большой византийской базилики на плато свидетельствовали капители VI–VII вв. из проконесского мрамора и другие детали (мраморная плита у входа в кенасный дворик, плита на внешнем фронте восточных ворот и др., хранящиеся в лапидарии Бахчисарайского музея).

Руины оград и домов, ныне затянувшиеся землей, поросшие дерном и кустарником, все же позволяют различить планировку улиц, переулков, дворов. Усадьбы пока не подвергались систематическому археологическому изучению, основное внимание уделялось оборонительным сооружениям. Тем интереснее описание города, сохранившего систему застройки, сложившуюся не позднее XVII в. По словам Эвлии Челеби, в городе находилось "тысяча пятьсот тридцать прекрасных и великолепных каменных домов иудейских с черепицей в хорошем состоянии... от домов в замке идет дорога вниз, по вырубленным в скале лестницам, имеющим сто ступеней. По обеим сторонам той дороги тянутся вырубленные пещеры, в коих убогие иудеи проживают".⁸⁹ Последующие путешественники называют уменьшающееся число домов. Путешественник Жильбер Ромм, посетивший город в 1786 г., насчитал свыше двухсот городских строений, отметив их "отличный вид". То же количество назвал академик Паллас, добавив численность населения — 1200 душ обоего пола. Судья Павел Сумароков в 1799 г. уточняет количество домов — 227. Во второй половине XIX в. усиливается отток жителей из города. По мере усиления этого процесса нарастают и ностальгические воспоминания, стремление закрепить в памяти потомков его неповторимый живописный вид, ранее казавшийся обитателям обыденным. Вот описание, которое сделал в конце прошлого века караимский гахам С. М. Шапшал: "Дома, за весьма малым исключением, указывают нам, что город имел весьма оригинальный вид, дома всегда с балкончиками (софа), окнами во двор, большей частью двухэтажные, причем в верхнем этаже всегда жил сам хозяин, а нижний обыкновенно отводился под конюшню для лошадей и ослов, и тут же имелось помещение, куда жители загоняли на ночь свои стада. Дома отапливались первобытными печами — тандурами, устроенными в земле посередине комнат. По обеим сторонам улицы или переулка тянулись высокие сплошные заборы, как бы предназначенные для того, чтобы скрывать от нескромного взгляда то, что делается за ними. Изредка попадались в стене крохотное окошечко с решеткою, крылечко в несколько ступеней, и опять тянулась голая белая стена".⁹⁰

Можно думать, что архитектура жилых домов Чуфут-кале сохраняла традиции крымско-татарского зодчества, образцы которого еще встречаются в старых крымских городах и селах. Этот тип жилой усадьбы издревле распространен среди населения Балкан и Малой Азии, а также среди оседлого населения горной Таврики независимо от его этнического состава.

⁸⁹ Эвлия Челеби. Указ. соч. — С. 93.

⁹⁰ Шапшал С. Караимы и Чуфут-кале. — Симферополь, 1896. — С. 21.

С возведением Восточной оборонительной стены в XVI в. город расширился, став крупным торговым и ремесленным центром Юго-Западного Крыма. Крымские ханы, начиная с Хаджи-Гирея, предоставляли жителям крепости льготы за ее охрану, выдавая им специальные грамоты — охранные ярлыки. Из этих грамот видно, что крепость с начала XVIII в. именовалась просто Кале, а с 1612 г. стала называться Чуфут-кале — в переводе "иудейская крепость". Это связано с тем, что преобладающим населением в крепости стали караимы — секта последователей Ветхого завета Библии, не признающая Талмуда, и сложившаяся еще в XVII в.

В первые века нашей эры иудаистская религия претерпевает существенные изменения: к Библии прибавляются комментарии и устные дополнения, образовавшие Талмуд. Учение Талмуда, сложившееся после разрушения Иерусалимского храма, между 135 и 70 г. н. э., встретило сильную оппозицию, сторонников которой во главе с раввином Аманом стали называть караитами. Само это название восходит к более древней эпохе, когда оно относилось к евреям диаспоры, переселенным из Ассирии и Вавилона в Армению и строго сохранявшим старые традиции закона Моисеева.

Караиты, «читающие», настаивали на свободном чтении верующими Библии. Ортодоксальные же иудеи чтение Библии не разрешали, ограничиваясь устным законом — Талмудом, который стал главным источником по обрядности и правовым вопросам. Настаивая на возврате к первоначальной чистоте ветхозаветного учения, караимы опираются на идеи саддукеев и эссенов (есеев) с их уважением традиции, верой в загробную жизнь, принципами социальной справедливости.

Согласно источникам XVI и следующих столетий караимские общины существовали в Кафе, Солхате, Карасубазаре, Гезлеве (Евпатории), Мангупе и Чуфут-кале. Согласно их собственным преданиям, они пришли в Крым вместе с татарами в XIII–XIV вв., переселяясь из Персии, Бухары и Черкесии.

В середине века караимы составили особую в этническом и религиозном плане группу, обособленную идеологически и территориально. Татары, считая талмудистов и библеистов одинаково иудеями, все же отличали караимов: во-первых, их язык среди древних весьма близок половецкому, а среди современных — крымскотатарскому, вместе с которым он входит в кыпчакскую группу тюркских языков, тогда как древнееврейский язык был у них лишь языком культа; во-вторых, быт караимов, одежда, пища и т. д. почти не отличались от татарского. Большинство караимов занималось ремеслом, чаще всего кожевенным, земледелием, садоводством. Меньшинство составляли торговцы, державшие лавки в Бахчисарае, однако они, согласно ханскому указу, не могли жить в городе и на ночь должны были отправляться домой, в Чуфут-кале. Верхушка караимской общины пользовалась определенными льготами, была освобождена от ряда податей. Любопытно, что ту же политику продолжило правительство Екатерины II: согласно указу от 18 января 1795 г., караимы, в отличие от талмудистов, освобождались от двойной подати и получали право приобретать недвижимость; в дальнейшем было разрешено присваивать им офицерские чины и звания и проживать на всей территории империи.⁹¹

Непременное посещение "Еврейской Помпеи" (по выражению Вяземского), царскими особами, начиная с Екатерины II, усилило интерес к истории караимов и особенностям их вероисповедания. Губернатор Новороссийского края поставил такую задачу перед караимским гахамом Симхой Бобовичем, который привлек к изучению караимских древностей Абрама Фирковича (1787–1874). Уроженец г. Луцка, он получил в двухгодичной караимской школе традиционное образование, состоявшее из изучения древнееврейского языка, Библии и литературы. Это был ученый, прекрасно знавший классические тексты, но не ориентированный в современных методах научного исследования с его критическим подходом. Он основал в Евпатории издательство, где публиковал произведения караимских

⁹¹ Указ. соч. — С. 17.

классиков. В 1830 г., вместе с С. Бобовичем, Фиркович отправляется в Палестину, где собирает большую коллекцию рукописей, продолжает эти поиски на Ближнем Востоке, Кавказе, в Египте. Предметом его особого внимания становятся генизы — хранилища старых обветшавших книг при синагогах. Здесь он обнаружил уникальные рукописи.

Фиркович, опираясь на собранные им во время путешествия материалы, предложил следующую версию происхождения караимов. В VI в. вместе с войсками персидского царя Камбиза в Крыму появились израильтяне, которые основали здесь несколько городов, в том числе крепость Села-иегудим — Иудейская скала. Они сохранили религию чистого доталмудического библеизма, которую от них переняли, уже в VIII в., хазары. Как результат происходившего смешивания, нынешние караимы — это потомки хазар. Мнения ученых разделились: одни (представители академической пауки — В. В. Григорьев, В. Д. Смирнов и др.) приняли "хазарскую теорию" происхождения караимов. Напротив, ряд представителей еврейской историографии определяли иудаизм, принятый хазарами, как раввинистический, а этническую принадлежность караимов определяли как еврейскую, допуская некоторую примесь тюркской крови. Отрицая участие хазар в этногенезе крымских караимов, они связывали их появление в Крыму с татаро-монгольским завоеванием в XIII в. При этом появление евреев в Крыму уже до н. э. не оспаривается и подтверждается археологическими источниками.

Этногенез караимов, иудаистов по вероисповеданию, тюрков по языку и обычаям, и по сей день составляет предмет острых научных споров. Острота вопроса обусловлена и политическими причинами: караимы в прошлом веке окончательно отмежевались от других иудейских групп, получили равные с русскими права, тогда как ортодоксальные иудеи несли все тяготы дискриминационной политики в старое и новое время.

Успенский монастырь

Дорога в Чуфут-кале ведет от окраины Бахчисарая — Староселья, постепенно углубляясь в ущелье вдоль отвесных скал. Вскоре в них появляются пещеры — это остатки высеченного в скалах Успенского монастыря. Сохранились и его старинные наземные постройки, обновляющиеся при восстановлении монастыря — дом игумена у дороги, небольшая часовня, фонтан, два здания монастырской гостиницы. Широкая лестница, постепенно врезающаяся в скальный массив, ведет на площадку второго яруса. Отсюда более узкая лестница приводит в главную, Успенскую церковь, вырубленную в отвесной скале. Обширный светлый зал со стенами, побеленными известью, украшен колоннами, между которыми видны следы поздней росписи. В стене напротив — оконные проемы, из которых открывается вид на ущелье и местность, где располагалось греческое поселение Мариамполь. Снаружи над церковью в специальной нише, украшенной витыми колонками, и по бокам от нее — роспись середины XIX в., выполненная прямо на скале. При возрождении монастыря в наши дни она закрашена современной росписью.

Мы не будем спорить с историками, склонными относить основание — или обновление — монастыря к XV веку. Выказано мнение, что монастырь, ранее располагавшийся в пещерах у южных ворот Чуфут-кале, перенесен сюда после захвата крепости крымскими ханами.⁹²

Древние легенды

Основание монастыря окружено легендами. Одна из них пересказана русским историком XVII в. автором "Скифской истории" послом московского царя Михаила И. Лызловым: "Бысть некогда в оных каменных горах змий великий, людей и скоты

⁹² Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Указ. соч. — С. 50.

пожиравший, и того ради людие от места того отбежавши, пусто оставиша; но яко тамо во оно время жили еще греки и генуенсы, молишася Пресвятой Богородице, дабы их от онаго змия свободила; и тако единого времени в ноши узреша в горе той свещу горящу идеже не могущи крутия ради и острия горы взыти, вытесавши ступени из камени и приидоша тамо, идеже свеща горяще и обретеша образ Пресвятыя Богородицы и свещу пред ним горящу; тамо же близко того образа и змия онаго обретеша мертва разседшася. И тако радости будущи воздаша велиил благодарение Богоматере избавльшей их от такого злаго змия; его же изсекши в части, сожгоша огнем. И от того времени жителые тамошнии часто начаша ходити тамо, и молитися Пресвятой Богородице".⁹³

Согласно другому преданию, "в давно минувшие времена пастух одного князька-топарха, по имени Михаил, загнал однажды для пастьбы стадо свое в нынешний Успенский овраг и увидел здесь на скале в 10 сажнях от земли икону Богоматери и пред нею свечу. Пораженный чудесным явлением, он тотчас дал знать об этом своим начальникам, и когда весть дошла до слуха князька, он приказал снять икону и перенести в его дом, находившийся в окрестных горах. Несмотря на благоговение, с каким была принята святая икона домохозяином, на другой день ее не оказалось в доме: она опять стояла на прежнем месте, на скале. То же повторилось и в другой раз, когда вздумали снова взять ее со скалы. Тогда все поняли, что Богоматери не угодно, чтобы святой лик ее находился в другом каком месте, кроме той скалы, где он явился: не медля решили устроить малый храм в самой скале, против того места, где явилась святая икона. Изсекли внутри скалы пещеру, а снаружи лестницу к ней, и в сей пещере-храме поместили новоявленную икону. Явление святой иконы произошло 15 августа, посему новый храм посвящен Успению Богоматери".⁹⁴

В трогательных словах преданий содержится немало признаков ее гораздо более древнего происхождения, когда "злой змий, пожиравший людей и скот" был еще привычным персонажем легенд. Весьма примечательно, что во второй легенде назван по имени пастух, обнаруживший икону, тогда как князь-топарх по имени не назван. Имя первого — Михаил, в честь Архангела Михаила, который особенно часто изображался с мечом, пронзающим горло змия-дракона. Храмы в его честь обычно заменяли на вершине холмов и гор прежние святилища Аполлона — убийцы Тифона, или других солнечных божеств. Примечательно и то, что сама Богоматерь пожелала освятить своим ликом неприступную скалу, из которой льется целебный источник.

Добавим к этому другие свидетельства почитания этого места в глубокой древности. Художник и исследователь Крыма Д. Струков в "Древних памятниках христианства в Тавриде" пишет, что в храмовый праздник — день Успения Богоматери 15 августа — служба происходит, из-за стечения народа, на площадке перед монастырем, на каменном сооружении, похожем на дольмен, судя по опубликованному им рисунку.⁹⁵ Над самым монастырем известный археолог Н. И. Репников обнаружил каменные ящики тавров.

Наконец, монастырь пользовался почитанием не только у греков-христиан, но и у татар и даже у самих бахчисарайских ханов. По сообщению Лызлова, "некогда хан крымский Ачи-Гирей (Хаджи-Гирей — Г. Ф.) воююще против супостатов своих, просил помощи от Пресвятыя Богородицы (в Успенском монастыре), обещающе знаменитое приношение и честь образу ее воздати и творяще тако: егда бо откуда с корыстию и победою возвращася, тогда избрав коня или двух елико наилучших, продавше и накупивши воску и свеч сделавши и поставляше тамо через целый год, еже и наследники его, крымские ханы, многажды

⁹³ Крымский Афон. — Симферополь, 1995. — С. 32.

⁹⁴ Указ. соч. — С. 32

⁹⁵ Струков Д. Древние памятники христианства в Тавриде. — М., 1876. — С. 7.

творяху".⁹⁶

Успенский монастырь возможно гораздо древнее. Возможно основание его связано с наплывом иконопочитателей в конце VIII в. Если в окрестных долинах христианское население, как о том свидетельствуют могильники, существовало с VI в., то вполне естественно появление в это время церквей и монастырей. Тем более это относится к такому издревле почитаемому месту как Успенская скала с ее животворным источником. В прошлом веке неоднократно отмечалось постоянное духовное общение монастыря с находящимся близ Трапезунда монастырем в Сумеле: он был основан в 386 г. и в его главном храме во имя Успения Богоматери находилась чудотворная икона Одигитрии. Согласно преданию, именно в этом храме находилась икона Богоматери, которая чудесным образом была перенесена на Успенскую скалу близ Бахчисарая.

Известный отечественный археолог и историк Н. И. Репников, имевший возможность видеть икону, отмечал ее древность и относил ее написание к VIII–IX вв. В то время (до 1918 г.) она находилась в Успенском храме близ Мариуполя, в Приазовье, куда ее вывезли православные греки во время переселения 1778 г. Далее следы ее теряются.

Однако оставшиеся в Крыму христиане не допустили упразднения Успенского храма: с 1781 по 1800 гг. там служил греческий священник Константин Спиранди. На место вывезенной греками чудотворной явленной иконы Богоматери Одигитрии, была помещена в храме икона Успения Богоматери — дар Бахчисарайского коменданта полковника Тотовича (серб по происхождению). От этой иконы продолжали совершаться чудотворения, и почитание этого святого места среди местных жителей выражалось в том, что 15 августа, в день Успения Богоматери, к Успенской скале собиралось множество богомольцев; среди них бывали и государи российские и члены царского дома.

Бахчисарайский Успенский скит был открыт в 1850 г. благодаря энергии и стараниям архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, выступившего с предложением о восстановлении древних святых мест в Крыму.

Пещерные церкви и монастыри ассоциировались с древней Фиваидой, они живо напоминали присутствующим места собраний первых христиан, спасавшихся среди пустынь и ущелий. Более всего это напоминало Афон, "святую гору", и эта преемственность была особо подчеркнута присутствием митрополита греческого Агафангела, представителя древнего Афона при освящении нового. Архиепископ Иннокентий в словах, исполненных силы и высокой библейской поэзии, так выразил значение "Успенской скалы": в течение многих столетий к ней привлекала "живая вера в Господа" и "любовь к Пречистой Матери Его", которая "в дивной иконе своей от лет древних избрала гору сию в жилище себе".⁹⁷

Постепенно монастырь украсился новыми зданиями и храмами. В нем уже различали три яруса: внизу, в долине, находились трапезный корпус со службами, две гостиницы; в среднем были возведены легкая ажурная Иннокентиевская церковь, дом настоятеля, фонтан в виде часовни, три пещерных кельи; в верхнем ярусе находились Успенская пещерная церковь, церкви евангелиста Марка и св. Константина и Елены, колокольня и тринадцать пещерных келий. Сюда поднимались по вырубленным в скале лестницам, благоговейно совершая восхождение в убежище первых христиан, пережившее века гонений. Это живое переживание не нуждалось в археологических свидетельствах и доказательствах. Попутно скажем, что отсутствуют они и сегодня, однако "фантастическое впечатление", производимое на северных жителей Успенским монастырем, близко напоминающим древние палестинские и греческие горные обители, сохраняется и сегодня.

Следуя от церкви вдоль скал направо, можно увидеть длинный скальный навес со следами прежних наружных пристроек — келий монахов. Тропа приводит к лестнице из 84

⁹⁶ Крымский Афон. — Симферополь, 1995. — С. 54.

⁹⁷ Указ. соч. — С. 19

ступенек, вырубленной в отвесной скале и ведущей вверх, на плато, где когда-то были монастырские угодья. Лестница, огражденная сбоку каменным парапетом, отлично сохранилась и по ней, как и прежде, можно подняться на плато.

Продолжая путь по дороге, над которой кроны деревьев местами смыкаются, образуя тоннель, минуем заброшенный фонтан Газы-Мансур, остатки стен и лестниц, когда-то приводивших к небольшой молельне дервишей и мусульманскому кладбищу XIV–XV вв.

Городище Чуфут-кале

За поворотом тропы останавливаемся перед незабываемым зрелищем: на фоне неба, на отвесной неприступной скале, четко рисуются строения "воздушного города" (по выражению путешественника прошлого века).

Обычно в "мертвый город" поднимаются по древней, вымощенной камнем (частично уцелевшим на двух последних маршах) дороге, которая ведет в город через Малые или Южные ворота: их называют еще «потайными», так как они не видны, пока не подойдешь к ним вплотную. Ворота построены, вероятно, в XV в. на месте более древних: массивные дубовые створки обиты железом, а верхняя часть стены перестроена и снабжена бойницами для стрельбы из ружей. Ворота эти были настоящей ловушкой: снаружи подступ к ним прикрывала оборонительная стена, вдоль которой идет последний марш дороги: противник приближался к воротам, будучи обращен к стене правым, незащищенным боком, поскольку щит держали в левой руке. Прорвавшись внутрь крепости, он оказывался в узком, вырубленном в скале коридоре, когда-то имевшем перекрытие, на котором размещались защитники города. В целях обороны могли использоваться и пещеры в конце коридора, расположенные в четыре яруса.

В настоящее время в пределах городища выявлено 167 высеченных пещер. Возможно, еще немалое число их скрыто под руинами усадеб. Примерно две трети из них сосредоточены в Старом городе и, вероятно, подверглись переделкам. Они в основном связаны с оборонительными сооружениями и имеют между собой много общего. Это прежде всего округленная форма пещер; косые борозды от ударов киркой, идущие в одном направлении, параллельно, под небольшим углом к полу (30–50°); во многих вырублены в скале скамьи и арочные ниши.

Перед стеной с Южными воротами имеется 10 пещер в 3 яруса. За воротами пещеры расположены по обе стороны дороги, поднимающейся на городище: они расположены в 3–4 яруса. Все они схожи между собой и соединялись лестницами, следы которых еще различимы в скале. Кое-где стена пересекает эти лестницы, «разъединяя» пещерный комплекс. По выводу А. Герцена и Ю. Могаричева, "пещеры появились здесь ранее существующей ныне оборонительной стены и составляли первоначально единый комплекс, имеющий наибольшее сходство с пещерными монастырями Горной Таврики.⁹⁸ На стенах пещер обнаружены процарапанные кресты. Вероятно, он опустел после захвата крепости татарами и перестройки системы обороны: пещеры стали использоваться отчасти как оборонительные. Что касается монахов, то скорее всего, они обрели приют в Успенском монастыре, в соседстве с христианскими поселенцами в Марьям-дере.

Кенассы

Каменистая тропинка поднимается налево, где за развалинами нескольких жилых домов находится стена, отделявшая от города незастроенную часть плоской вершины скалы — пустырь Бурунчак. Туда ведет улица Бурунчакская, проходящая по северному краю плато; видимо по ней двигались арбы и телеги, въезжавшие в город через Восточные ворота, на

⁹⁸ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Указ. соч. — С. 43.

рынок, располагавшийся ранее на пустыре. В случае военной опасности здесь могли укрывать свой скот и имущество жители окрестностей. Посредине города проходит Средняя улица, непроезжая, доступная лишь пешеходам и вьючным животным. По южному краю плато проходила Кенасская улица, на которой находятся караимские молитвенные дома — кенассы. Расположенные в небольшом дворике за высокой оградой два прямоугольных здания с двускатными черепичными крышами окружены аркадами. Большая Соборная кенасса возведена в XIV в.: 10 колонн ее аркады опираются на парапет из массивных плит, украшенных высеченными и камне розетками. В ней устраивались торжественные праздничные службы. Вторая, Малая кенасса (ее называли "дом собрания") появилась в конце XVIII в., когда караимская община Мангупа перебралась в Чуфут-кале, захватив с собой материалы и оборудование для его постройки. Она предназначалась для обычных служб и для собраний, где решались различные дела караимской общины. Внутреннее убранство кенасс было одинаково: они убирались коврами, с потолочных дубовых балок свисали хрустальные и медные люстры, в украшенных резьбой шкафах хранилась религиозная утварь, свитки Торы. В небольшом помещении ближе к выходу, отделенном перегородкой от остального зала, на скамьях, обитых кожей, могли сидеть во время богослужения старики. Над этой частью храма нависает балкон с остатками частой деревянной решетки — здесь размещались женщины. Перед большой кенассой находится каменный резервуар для ритуальных омовений. Неподалеку от кенасс находилась первая караимская типография, основанная в 1731 г. В библиотеке Бахчисарайского музея хранятся книги на древнееврейском и караимском языках, отпечатанные в этой типографии.

Все три улицы сходятся на небольшой площади, где видны остатки мечети, построенной в 1346 г. Сохранились четыре круглые неглубокие ямы, высеченные в каменном основании для колонн, подпиравших кровлю здания. В разное время в разных местах города были найдены обломки византийских капителей VI–VII вв., принадлежавших христианскому храму и хранящихся в музее Бахчисарая. Высказывались предположения о перестройке первоначального храма в мечеть, но они не подтвердились.

Гробница Джанике-ханым

Сразу же за площадью, ближе к обрыву, стоит почти полностью сохранившийся мавзолей XV в. — прекрасный образец малоазийской, так называемой «сельджукской», архитектуры. Это монументальное восьмигранное сооружение под черепичной крышей, украшенное по ребрам граней резными колонками. К нему примыкает покрытый резьбой портал с массивной аркой. В глубине мавзолея на ступенчатом возвышении — надгробие с арабской надписью "Это гробница знаменитой государыни Джанике-ханым, дочери Тохтамыш хана, скончавшейся месяца рамазана 841 года" (1437 г.). Вехи жизни исторической Джанике прослежены нами выше; однако, как водится, имя ее и мавзолей окружены легендами. По одной из них, Джанике-ханым жила на Чуфут-кале во дворце, рядом с казармами на тысячу воинов и была предводительницей этого гарнизона. Она погибла, отважно защищая город во время осады, и хан Тохтамыш, ее отец, приказал на месте ее гибели воздвигнуть мавзолей. Легенда эта интересна тем, что в ней явно видна местная основа — образ отважной воительницы, обычный для крымских легенд, но явно не соответствующий положению мусульманской женщины.

За мавзолеем тропа ведет вдоль северного обрыва; отсюда открывается впечатляющий вид на долину Ашлама-дере, сеть прочерчивающих ее дорог, на Главную гряду Крымских гор. На склонах противоположной скалы Орта-кая раскопаны остатки раннетаврского поселения VIII–VII вв. до н. э.

Средняя стена

В нескольких шагах от мавзолея проходит Средняя, самая ранняя оборонительная стена

с воротами, пересекавшая плато от одного края обрыва до другого. После возведения Восточной оборонительной стены Средняя стена утратила свое военное значение и подверглась многочисленным переделкам. Раскопки 1956–1959 гг. под руководством Е. В. Веймарна помогли выявить первоначальную конструкцию этого участка обороны. Сама стена имела толщину до пяти, а высоту до восьми метров. В 10–15 м от нее проходил большой крепостной ров длиной 65 м, шириной 4 м, глубиной 2 м, который наполнялся дождевой водой, стекавшей по желобкам, вырубленным в скале. Большой ров не доходил до края северного обрыва — здесь в стене имелась вылазная калитка, перед которой вырубилась два малых 12-метровых рва. У северного и южного края стену фланкировали башни. У самого края северного обрыва — лестница, ведущая вниз, в две большие пещеры, по-видимому, хозяйственного назначения, над которыми в XVII в. был построен дом. В центре первой оставлен подпорный столб для укрепления потолка. Оконные проемы, выходящие на обрыв, сохранили следы вставлявшихся когда-то железных решеток. Это огромное и мрачное пещерное сооружение, известное под именем Чауш-кобасы, долгое время считалось тюрьмой. Однако на основе археологических исследований А. В. Веймарн пришел к выводу, что Чауш-кобасы — подвальное помещение богатой караимской усадьбы, построенной не ранее XVII в.

Однако тюрьма в городе имелась, в ней ханы содержали самых важных своих пленников.

Она поразила даже немало повидавшего Эвлию Челеби: "В этой крепости есть тюрьма для пленников хана. Другого такого ада нет на всем свете... Выбраться из этой тюрьмы в Чуфут-калеси никоим образом нельзя, разве что человека в гробу оттуда вынесут". По предположениям А. Герцена, таким местом скорее всего был пещерный комплекс в Новом городе на северном краю обрыва в 50 м от оборонительной стены. Он состоит из четырех помещений, к которым ведет узкий проход. Слева от него — обширное помещение с двумя подпорными столбами и двумя окнами, выходящими в обрыв. У этой стены — отверстие люка, ведущего в нижнее помещение: сверху оно перекрывалось деревянным помостом, образуя своего рода каменный мешок.⁹⁹

Интересны руины обширной усадьбы у Средней стены — видны законченные камин, вырубки для балок, поддерживавших крышу. С XIX в. за ней укрепилось название "монетный двор". Действительно, крымские ханы выпускали серебряные монеты — аспры, с надписью «Кырк-ор», но здесь ли именно, пока не установлено.

Дом Фирковича и его хозяин

За воротами Средней стены начинается Главная улица, в каменную поверхность которой глубоко врезались колеи; для пешеходов служили узкие тротуары из каменных плит, неплохо сохранившиеся. Справа, за невысокой стеной — два жилых дома XVIII в. В одном из них до конца своих дней жил известный караимский ученый Авраам Самуилович Фиркович (1786–1874). Дом поставлен на самом краю обрыва и виден издали. Он просторен, крыт черепицей, в одном из его помещений сохранился камин, а в другом — заново воссозданный реставраторами в 60-е годы нашего века деревянный наборный потолок. Его рисунок напоминает позолоченный узор потолка одной из комнат ханского дворца в Бахчисарае. Во дворе — хозяйственные пристойки, у южного обрыва — колодец, закрытый железной решеткой. Он вырублен в скале в виде круглой шахты глубиной 10 м и диаметром 1,4 м. Он выходит в открытую пещеру: видимо, ранее она была закрытой и на дне из карстовой трещины собиралась вода. Воду доставали ведром, отсюда его татарское название «Копка-кую», т. е. «ведро-колодец». Таким образом, на случай осады город был обеспечен водой. Однако Челеби отмечал, что соду обычно доставляли на вьючных

⁹⁹ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Указ. соч. — С. 93.

животных снизу из источника Газы-Мансур. Кроме того, дождевую воду собирали в вырубленные в скале бассейны и цистерны.

Город замыкает Восточная оборонительная стена, построенная караимами в XIV–XV вв. Длина ее 128 метров, у южного и северного обрывов она имеет угловые башни, а в середине — надвратную башню. С внешней стороны над воротами вделана мраморная плита с изображениями рогатины и щита. Это тамги, родовые знаки, высеченные как своеобразное напоминание жителям крепости об их подчинении определенным татарским родам. Снаружи перед крепостной стеной высечен большой бассейн для сбора талой и дождевой воды. На площади перед воротами располагался рынок.

Иосафатова долина

Из Восточных ворот можно спуститься в Иосафатову долину — так назвали ее караимы в честь долины погребений близ Иерусалима, где, согласно пророчеству, состоится Страшный суд. В густых зарослях видна арка ворот кладбища, развалины сторожки. За аркой — настоящий город мертвых: разбросанное среди зарослей, кажущееся необозримым море надгробий, покрытых надписями, иногда в сочетании с орнаментом. Большую часть составляют старинные «однорогие» и «двурогие» надгробия из известняковых плит. К более позднему времени относятся мраморные надгробия, украшенные богатым орнаментом в восточном вкусе, с повторением основных символов смерти — стилизованный кипарис, и воскресения — розетка, роза. Иосафатова долина была для караимов самым древним и почитаемым местом погребений, куда, случалось, привозили покойников и из других городов. Среди могил росли священные дубы, рубить которые запрещалось: недаром татары называли кладбище «Балта-тиймез», то есть "топор не касается". Сегодня в конце кладбища еще можно видеть пять-шесть древних дубов, почти вытесненных густой порослью молодого леса. Значительная часть надгробных надписей собрана и издана Фирковичем. Правда, последовавшая за этими публикациями полемика вызвала немало разногласий относительно датировки захоронений. Ряд ученых считает, что самое древнее погребение на караимском кладбище относится к 1249 — 1250 гг. В целом караимские надгробия, пока еще ждущие более детальных исследований, образуют своего рода летопись караимских обитателей города. Эпитафии выполнены на древнееврейском языке; крайне редко — не караимском, но древнееврейскими буквами. Надгробия конца прошлого — начала нынешнего века обычно имеют двуязычные надписи — на русском и иврите. Среди них в самом начале кладбища — надгробие А. С. Фирковича.

В тенистом уединении Иосафатовой долины, когда солнечные лучи, проникая сквозь листву, ложатся ажурным узором на бесчисленные резные камни надгробий, оставленных самой немногочисленной и малоизученной из крымских народностей, невольно приходишь к мысли о том, что жившие здесь бок о бок народы и общины — греческие и армянские христиане, мусульмане-татары, библиисты-караимы — черпали из одного и того же художественного наследия. Ранневизантийские, а по существу малоазийские формы орнамента и символики, уже распространенные в Крыму, получили своеобразное продолжение в сельджукском искусстве, во многом переработавшем те же мотивы. Вероятно именно поэтому резные "плетеные орнаменты", ранневизантийские и армянские "процветшие кресты" (или просто с расширенными концами), розетки, «сельджукские» звезды, варьирующие число лучей от 5 до 15 (берущие начало в пифагорейской, а затем в арабской цифровой символике), встречаются на сооружениях народов самых разных вер и происхождения. Здесь, в суровом царстве каменных стен и высеченных пещер, этих деталей немного, но именно они придают тот неуловимый аромат смешения восточных и западных культурных элементов, который составлял особенность византийского искусства. И каждый внимательный исследователь Крыма рано или поздно обнаружит, как когда-то поэт М. А. Волошин:

...в кладке стен кордонного поста

Среди булыжников оцепенели
Узорная турецкая плита
И угол византийской капители.

IV. "ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА" И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

*Безвестных стран разбитые заставы,
Могильники забытых городов,
Размывы, осыпи, развалины и травы
Обглоданных волною берегов...* М. А. Волошин

Знакомство с Чуфут-кале и Успенским монастырем, которых не минует ни один посетитель Бахчисарая, дает первое представление о "пещерном городе", служит как бы введением к этому сложному и самобытному явлению крымского средневековья. Мы полагаем, что оно достаточно заинтересовало читателя, и он готов к более основательному и серьезному знакомству с "пещерными городами". До каждого из них можно добраться из Бахчисарая. Возникли они в V–VI вв., однако, в отличие от Чуфут-кале, окончательно покинутого жителями в XIX в., жизнь, кипевшая в них, угасла много раньше — в XIII, XV, XVIII, а то и в X веке. Забылись их первоначальные имена, заплыли землей и поросли лесом развалины, и только вырубленные в известняке пещеры, храмы, лестницы, колодцы, тарапаны стойко сопротивляются действию всеразрушающего времени.

Край "пещерных городов"

Пещерные селения — одно из самых впечатляющих сооружений древних обитателей горной Таврики — поражали воображение путешественников и исследователей прошлого века тем сильнее, что сочетались они с таинственной, дикой, местами жуткой красотой пустынной горной местности. Узкие и глубокие долины отделяют друг от друга горы-останцы с плоскими вершинами, которые мощно возносятся над лесистыми склонами. В их известковой толще и высекались сотни пещер, издавна служивших местным обитателям Таврики.

Путешествие в страну "пещерных городов", расположенных вдоль южных обрывов Внутренней гряды, вознаградит и тех, кто не склонен чрезмерно увлекаться загадками истории. Памятникам прошлого здесь в известной мере «повезло», ибо разбросаны они среди удивительной природы, которая на небольшом пространстве сосредоточила все то, что поражает воображение — горы, леса, ущелья и головокружительные отвесные обрывы. Мы не будем спорить с поклонниками Восточного и Южного Крыма и отметим лишь, что горный пейзаж Внутренней гряды совершенно на них непохож. Здесь нет островерхих вершин, зубчатых горных цепей — вместо них над ровной линией горных плато, оглаженных действием моря и ветра, кое-где высятся фигуры выветривания — причудливые сфинксы; узкие и глубокие долины разделяют плосковершинные плато и горы-останцы, отделившиеся от основной гряды. Пусть горы эти и не высоки, но чувство головокружения охватит каждого, кто взглянет на эти долины-каньоны, темнеющие лесными зарослями, с высоты отвесно уходящих вниз обрывов. Нечто подобное испытал побывавший в этих краях К. Паустовский: "Мы видели бездонные пропасти. Каждый раз они вызывали у нас сердцебиение. Из страшной их глубины карабкались ввысь буковые и сосновые леса, и если вековые деревья не срывались поминутно с отвесных круч, то, должно быть, потому, что густой и мудрый плющ, вцепившись одной рукой в скалы, другой держал их за ветки и стволы".¹⁰⁰ Плющ обвивает здесь и обломки скал, и камни, скатившиеся с гор, придавая

¹⁰⁰ Паустовский К. Г. Лавровый венок. — М., 1985. — С. 447.

лесу «парковый» вид. Множество цветущих по весне диких плодовых деревьев и кустарников смешиваются с остатками одичавших фруктовых садов близ давно заброшенных поселений. На обнажениях известняков и мергелей под южными обрывами сформировалась своеобразная "меловая флора", богатая редкими, только в Крыму встречающимися видами трав и кустарников. Здешние природные комплексы требуют не меньшего изучения и охраны, чем историко-археологические. Весь этот, пока, к счастью, довольно пустынный горный край — естественный заповедник сменявших друг друга с древнейших времен культур коренного населения Юго-Западной части полуострова. Здесь сохранились памятники времен палеолита и неолита, эпохи бронзы, каменные ящики и кромлехи тавров и, наконец, городища средневековья. Иногда на одном и том же месте находят следы культур, разделенных столетиями, иногда они сменяют друг друга непосредственно или же просто сосуществуют бок о бок. Люди селились на этих склонах и плато задолго до возникновения известных сегодня средневековых укреплений.

Мысль об этом обретает особую наглядность при посещении пещерных городов — наиболее самобытного, оригинального и малоизученного феномена крымской истории. Сама слабая осведомленность о них раннесредневековых авторов косвенно свидетельствует о том, что это в значительной степени дело рук аборигенного, местного населения, результат местных условий развития. Стереотип, связывающий все крупные сооружения с греками, заставил некоторых современных исследователей подогнать возникшие как бы «вдруг» в VI в. города и укрепления Юго-западного Крыма под упомянутые Прокопием Кесарийским крепости и "длинные стены", воздвигнутые (или обновленные) Юстинианом I.

Пещерные города не просто "передовая цепь укреплений", сооруженная по инициативе Византии для защиты ее окраин, а закономерный результат особых условий, обстановки, сложившейся в районе юго-западного нагорья после гуннского нашествия. Оседлая земледельческая жизнь между второй грядой Крымских гор и западным побережьем на рубеже IV–V вв. надолго прекратилась. Начиная с V в. и в последующие столетия она прослеживается лишь в районе от ущелий Внутренней гряды и далее в горных долинах рек Качи, Альмы, Бельбека. Оседлое население предгорий переместилось в более защищенный от нападений кочевников горный Крым. Вместе с ними переместился и главный сухопутный торговый путь из степей в Херсонес, сложившийся задолго до того, еще в период оседания скифов в предгорьях полуострова. На пути следования торговых караванов выросли Чуфут-кале, Эски-кермен, Мангуп, Каламита и т. д., а также укрепления типа замков. Эти города и крепости давали укрытие местному населению в случае военной опасности, были расположены в достаточно выгодной близости к торговому пути.

В то же время общность интересов Византии и его форпоста — Херсона, а также местного населения горного Крыма в деле защиты от кочевников, волна за волной наводнявших крымские степи, нередко выражалась в сотрудничестве при строительстве раннесредневековых пещерных городов. Характерные византийские строительные приемы при этом сочетались с местными, унаследованными от эпохи строительства таврских укрепленных убежищ. Однако все эти крепости жили самостоятельной, практически независимой от Херсона и империи жизнью, имели свою вооруженную силу (раскопки раннесредневековых могильников не выявили еще ни одного захоронения византийского воина). Разумеется, возникали они не внезапно на пустом и необжитом месте. Прежде всего, предпосылкой их создания являлось совершенное знание местности и наиболее подходящих пунктов для возведения укреплений, которыми располагали, как естественно предположить, потомки аборигенов — тавров и тавроскифов, а не оттесненные сюда в эпоху переселения народов сарматы, аланы и готы. Кстати, последние, по имени которых весь регион стал называться Крымской Готией, по указанию Прокопия, "не любят жить за стенами" и предпочитают "жить в полях". Напротив, традиция строительства укрепленных убежищ, сохранявшаяся у тавров на протяжении всего их тысячелетнего существования, отличалась

умением так использовать естественные условия — обрывы, скалы и т. д., чтобы они сами служили убежищем, а человеку оставалось только подправить, дополнить природу, построив стену, перегородив проход и т. п. "Многие средневековые крепости и замки, — писал известный крымский археолог П. Н. Шульц, — возникли на местах таврских укреплений и унаследовали от них некоторые строительные приемы".¹⁰¹

И наконец, о самом названии "пещерные города". Это название представляется условным с точки зрения современных исследователей, озабоченных в первую очередь классификацией этих поселений на феодальные крепости-замки (Бакла, Тепе-кермен, Кыз-кермен, Каламита, Сюреньская крепость); монастыри, не имевшие специальных оборонительных сооружений (Успенский, Шулдан, Челтер) и собственно города, центры торговли и ремесла вблизи оживленных торговых путей. Это Мангуп и Чуфут-кале, причем как города они функционировали в XIV–XV вв., а на раннем этапе это скорее крепости. Крупным городом мог стать и Эски-кермен, если бы не причиненные ему разрушения. Сегодня благодаря раскопкам выявлен облик средневековых наземных сооружений, именно к ним приковано внимание исследователей — их можно датировать археологически, сопоставлять находки с письменными источниками и т. д. В рамках этого подхода пещеры скорее «мешают» — культурный слой в них и вокруг них отсутствует (проще говоря, "выметен начисто"). От них отмахиваются, приписывая им вспомогательную, хозяйственную, подчиненную роль. Но вряд ли можно ограничиться таким заявлением, когда речь идет о пещерных храмах, монастырях, склепах, а порой и жилищах.

Реликт пещерножительства. Особенности ранних пещер

Представляется, что здесь мы имеем дело с феноменом, который требует не социально-экономического, а культурологического подхода, акцентирующего проблемы исторического менталитета. Тогда пещерножительство может быть рассмотрено как архаический реликт иного типа сознания, иной культуры. Вряд ли стоит впадать в крайность, совершенно стирая "пещерную специфику" этих городов. Традиция высекания пещер существовала среди местного населения издавна, и, по замечанию А. Л. Бертье-Делагарда, никогда не прерывалась, вплоть до XIX в.¹⁰² Даже при поверхностном наблюдении ясно, что они возникали в разное время, неоднократно переделывались и вполне правомерно допустить, что средневековые строители приспособили к своим нуждам созданное ранее, добавив что-то свое.

Ряд исследователей и путешественников по Крыму высказали мнение, что пещерные поселения — дело рук местных племен. Традиция, возможно, уходящая корнями в глубокую древность. Так считал академик Паллас, давший их описание еще в конце XVIII в., известный швейцарский ученый-путешественник Дюбуа де Монпере, не без оснований сопоставлявший виденное им в Крыму с аналогичными сооружениями в Европе; Г. А. Караулов, автор специального исследования о пещерных городах; известная исследовательница Крыма М. Л. Сосногорова; исследователь "святых мест" в Крыму Д. Струков. Традицию высекания пещер эти авторы ставят в непосредственную связь с мегалитическими сооружениями, встречающимися на Крымском полуострове — менгирами, дольменами, кромлехами, а также с каменными ящиками и циклопической кладкой стен. Эту точку зрения наиболее серьезно обосновал Дюбуа де Монпере, хорошо знакомый с подобными сооружениями в Европе, где в сочетании с ними порой встречаются и пещерные

¹⁰¹ Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. — М., 1959. — С. 263.

¹⁰² Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. - 1886. — Т. 14. — С. 166–279.

комплексы, служившие в древности для жилья и погребения. Он одним из первых описал пещерные города Крыма и Кавказа и указал на аналогию между ними. Создание искусственных пещер Дюбуа считал проявлением «мегалитических» строительных традиций, наряду с устройством «циклопической» Чертовой лестницы, укреплениями на горе Кастель, Ай-Тодоре, на склонах Чатыр-дага.¹⁰³ Во всяком случае не вызывает сомнения, что изучение их целесообразно продолжать в контексте мегалитической культуры, некогда широко распространенной по всему Средиземноморью. Взгляды Дюбуа де Монпере разделяли Г. А. Караулов, автор специального исследования "Крымские пещерные города и крипты"¹⁰⁴ и М. А. Сосногорова, автор статьи "Мегалитические памятники в Крыму".¹⁰⁵ Чтобы лучше понять специфику этих сооружений, необходимо исходить из иных культурных представлений — пережитков гораздо более древней эпохи. Пытаясь представить себе первых создателей пещерных сооружений, Г. А. Караулов писал: "Люди эти резко отличались в способах устройства своих жилищ и по одному этому... они должны были так же резко отличаться и во всем остальном от известных нам исторических народов, а тем более еще должны были отличаться от жизни народов, нам современных. Мысль невольно уносится, таким образом, к самым отдаленным временам человеческой истории".¹⁰⁶ Вопрос можно поставить иначе: что требует большей затраты усилий — высечь пещеру или из добытого тем же способом камня построить наземное сооружение, сложить стену из циклопических плит или из мелких? Ответ, пожалуй, затруднителен. Вероятно, создатели пещерных сооружений руководствовались соображениями не столько прагматического, сколько культурного порядка, заставлявшими их отдать предпочтение пещерам. Во всяком случае, объяснение следует искать не в низком уровне культуры, не в "неумении строить из камней", а в особенностях культуры. С глубокой древности пещеры служили для жилья, для погребений, причем последнее должно было напоминать жилище, а некоторые пещеры считались местом обитания божества, святилищем. В ряде мест Испании, Италии, Франции высеченные в твердых породах пещеры продолжали служить жилищем вплоть до прошлого века. В Крыму использование пещер только в хозяйственных и военных целях — и дополнение уже существующих новыми — могло сложиться не ранее создания поселений, состоящих из наземных построек, обнесенных оборонительной стеной. В основном это произошло в эпоху раннего средневековья, когда возникли пещерные города и вместе с ними — новый тип социальных отношений — феодализм.

Каменные кольца-проушины. Предания о них

Рискнем добавить к этим общим замечаниям и некоторые наблюдения самих пещер. Даже при поверхностном взгляде ясно, что они, по трактовке внутреннего пространства, распадаются на две резко различающиеся группы — грубо высеченные приблизительно четырехугольной формы, и округло-овальные, «яйцеобразной» формы: во всяком случае, задняя стена таких пещер, примыкая к передней, образует полуовал и нависает сводом. Вся вогнутая полость такой пещеры (кроме пола) покрыта единой штриховкой из выпуклых пересекающихся линий-ребер. Иногда каменное «ребро» в какой-то точке отделяется от

¹⁰³ *Dubois de Monpereux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Georgie, en Armenie et en Crimée. — A 6 v. - V. 6. — Paris, 1843. — P. 464.*

¹⁰⁴ *Караулов Г. П. Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. - 1878. — Т. 8. — С. 70–114.*

¹⁰⁵ *Сосногорова М. А. Мегалитические памятники в Крыму // Русский вестник. — 1875. — Кн. 7. — С. 266–287.*

¹⁰⁶ *Караулов Г. А. Указ. соч. — С. 74.*

стены так, что за него можно было бы продеть крюк, веревку и т. д., - образуя своего рода «проушину»; последние иногда встречаются на поверхности скалы вне пещер. Некоторые наблюдатели считают перекрещивающиеся линии следами острого орудия, которым выдолблены пещеры: однако самая их правильность наводит на мысль об «узоре» (Стуков Д., Козен), имевшем, возможно, декоративно-символическое значение. Отметим также, что во многих местах сохранились следы переделки овальных пещер в четырехугольные, что само по себе свидетельствует о разновременности их возникновения и о смене строительных приемов.

О вышеупомянутых «проушинах» обычно говорится, что они служили для привязывания скота или бытовых предметов. Наряду с этим в Крыму существовало устойчивое местное предание, записанное путешественниками прошлого века, восходящее явно к гораздо более глубокой древности и пока не получившее объяснения. Многие путешественники конца XVIII–XIX вв. сообщают об отверстиях — «проушинах» в скале, где были вделаны железные или медные кольца, служившие, по рассказам местных жителей, "для причаливания лодок", ибо узкие долины между скалами "были залиты водой". Прогуливаясь по ущелью близ Бахчисарая, пишет французский посланник при дворе крымского хана барон Тотт, "я заметил железное кольцо наверху неприступной скалы, которая замыкала это ущелье. Я спросил татарина о назначении этого кольца. — Я полагаю, — ответил он мне сдержанно, — что оно служило для привязывания лодок, когда море, омывая эти скалы, образовало из этого ущелья залив".¹⁰⁷ Об этом кольце пишет и профессор Кембриджа Э. Кларк, посетивший Крым в самом начале XIX в. Паллас передает этот слух с оговоркой, что сам он лично колец не видел. Однако он допускает мысль о том, что узкие долины между скалами могли быть заполнены водой не только в геологическом прошлом. Отметив, что долину, лежащую у подножия Мангупа с северной стороны, татары называют «Филегус», а греки «Пелагос», то есть «море», он продолжает: "Долина эта в отдаленные времена искони могла быть внутренним, включенным в нее озером; ибо она со всех сторон окружена высокими известковыми и меловыми горами, которые там, где втекает в долину ручей Ай-Тодор, равно как и там, где он ее оставляет, смыкаются скалами, образующими нечто вроде ворот, через которые, скопившаяся вода, быть может, и прорвалась".¹⁰⁸ Бертье-Делагард отвергает возможность существования "внутреннего моря" в обозримом прошлом; описывая сохранившуюся «проушину» в Инкерманской скале, он выдвигает предположение, что она скорее всего служила для привязывания веревок, обеспечивающих сообщение находившихся в крепости с нижними этажами пещер, высеченных в этой скале.¹⁰⁹

Косвенным подтверждением того, что предание о море восходит к «допотопной» древности, Д. Стуков считал то обстоятельство, что лестницы, соединявшие ярусы пещер, равно как и каменные кольца, как правило, высечены в верхней части отвесных скальных обрывов.¹¹⁰

Из сказанного следует, что с пещерами дело обстоит не так просто, и что проблема эта еще ждет своих исследователей. Если в эпоху раннесредневековых пещерных городов они играли подчиненную роль по отношению к наземным постройкам как хозяйственные и казарменные сооружения, изредка — культовые, это еще не значит, что они не существовали

¹⁰⁷ *Memoires du baron de Tott sur les turcs et les tatares.* - Amsterdam, 1775. - P.94

¹⁰⁸ *Pallas P.S. Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements meridianaux de l'empire de Russie dans les ans 1793 et 1794.* Trad. de l'Allemagne. - T.2. Leipzig, 1801. — P. 94.

¹⁰⁹ *Бертье-Делагард А. Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК — 1918. - № 55. — С. 1–44.

¹¹⁰ *Стуков Д.* О доисторических памятниках Тавриды. — М., 1879. — С. 4.

раньше: иначе где бы жили троглодиты — пещерные жители Страбона и Плиния? Наконец, некоторые укрепления, возникшие в раннесредневековый период, вообще лишены пещер (Кыз-кермен, Сьюренское укрепление): это косвенное свидетельство, что средневековые строители пещерных городов, по-видимому, использовали уже существующие пещеры, но не создавали их сами. Однако о более древних временах сохранились лишь сведения легендарные — местные и античные — вдохновившие творческое воображение певца Крыма — К. Богаевского, который в картине "Пещерный город" (1908 г.) изобразил фантастические скалы окрестностей Бахчисарая, изрезанные ярусами пещер, остатки древних сооружений, сливающиеся с затейливой россыпью камней, и дремлющие под солнцем воды лагуны.

Отправимся и мы к скалам, дававшим приют многим поколениям предков.

Однако, приглашая читателя мысленно перенестись в отдаленную, с немалым количеством "белых пятен" эпоху крымского средневековья, еще раз напомним о тех, кому мы обязаны постепенным накоплением знаний о прошлом "пещерных городов".

Описания дореволюционных историков

Первое обстоятельное описание "пещерных городов", которое оставил нам Мартин Броневский, в 1578 г. совершивший путешествие по Крыму в качестве посла польского короля Стефана Батория к татарскому хану, к сожалению, относится ко времени после турецкого завоевания, когда эти города и крепости находились в глубоком упадке и разорении, и, по его словам, не сохранилось никаких письменных памятников "ни о князьях, ни о народах, которые владели этими огромными замками и городами".¹¹¹ Подробное описание "пещерных городов" в XVII в. оставили турецкий путешественник Эвлия Челеби, префект Кафы Дортелли д'Асколи и другие.¹¹² В XVIII в. за границей появляется немало историко-географических обзоров, в которых обобщены известные ранее сведения о "пещерных городах". После присоединения Крыма к России в 1783 г. туда устремились исследователи и любопытствующие путешественники: растет число восторженных, сентиментальных, романтических описаний, содержащих, однако, мало нового. Состояние знаний того времени весьма непосредственно выразил автор одного из таких сочинений И. М. Муравьев-Апостол. "Что же такое Мангуп? — восклицает он. — Отчаяние мое! Выезжать отсюда скорее, ибо нет ничего досаднее, как неудовлетворенное любопытство".¹¹³

Первое научное описание Крыма принадлежит видному ученому своего времени академику П. С. Палласу. Его описания "пещерных городов" отличаются точностью и достоверностью, хотя предположения об их происхождении сегодня не выдерживают критики.

Важное место в крымоведении занимает шеститомный труд швейцарского ученого и путешественника Дюбуа де Монпере с большим атласом рисунков. Он наиболее подробно (хотя и не всегда точно) описал "пещерные города" Крыма и Кавказа. Создание пещер, по его мнению, дело рук древнейшего местного населения — тавров, известных под именем листригонов еще Гомеру. Когда появились готы, они использовали старые поселения тавров и устроили в них крепости. "Длинными стенами", которые соорудил император Юстиниан для защиты готов, Дюбуа считал цепь городов-крепостей, столицу которых — Дорос — Феодоро — он правильно помещал на Мангупе. Традицию высекания пещер он ставил в непосредственную связь с мегалитическими сооружениями, встречающимися на Крымском

¹¹¹ *Броневский Мартин.* Описание Крыма // ЗООИД — 1867. — Т. 8. — С. 333 и сл.

¹¹² *Григорьев А. П.* "Книга путешествия" Эвлии Челеби как источник по истории Крыма XVII в. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. — Л, 1974. — Вып. 3. — С. 19–28.

¹¹³ *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 г — СПб., 1823.

полуострове — каменными ящиками, менгирами и циклопической кладкой стен. Дюбуа высказал свое суждение, опираясь лишь на аналогии с подобными сооружениями в Европе, где в сочетании с мегалитами порой встречаются пещерные комплексы, служившие в древности для жилья и погребения. В то время он не мог располагать конкретными археологическими данными.

Важным событием в изучении "пещерных городов" было появление в 1837 г. "Крымского сборника" академика П. И. Кеппена¹¹⁴ — замечательного русского ученого, географа и этнографа, который поселившись в Крыму, в Карабахе, неподалеку от Аю-дага, собрал обширный материал о древностях края. Объехав побережье и опросив местных жителей, Кеппен убедился в существовании общей, "систематическим образом устроенной обороны", основанной на "точном знании местности", созданной "народом образованным и искусным в деле военной обороны". Большую часть его книги занимает "Список укрепления", среди которых пещерным городам отведено видное место. Кеппен справедливо указывает, что здесь "развивала строительство" Византия, особенно Юстиниан I, который для ограждения готов построил ряд крепостей.

Убедительные доказательства того, что столица Крымской Готии Феодоро, по крайней мере после X в., находилась именно на Мангупе, были приведены известным историком Ф. А. Бруном на основании сопоставления итальянских (генуэзских) и русских документов. Так, собственно, считал и Н. М. Карамзин, который в "Истории государства Российского" приводит сведения о Мангупе и его князьях, но не обосновывает их документально. Установление тождества Мангупа и Феодоро вызвало интерес к городу со стороны археологов. Незначительные раскопки в "готской столице" провели в 1853 г. А. С. Уваров, в 1890 г. германист профессор Ф. А. Брун, не нашедший там ничего, принадлежащего к готской эпохе. Наиболее продолжительные, но крайне небрежные раскопки на Мангупе производил в 1912–1914 гг. член Археологической комиссии Р. Х. Лепер. Целью раскопок было нахождение красивых и драгоценных вещей для пополнения коллекций Эрмитажа, при этом элементарные требования археологии не соблюдались, подробные описания отсутствовали; в частности, не указано даже точное место такой важной находки, как обломок каменной плиты с именем императора Юстиниана I.

Археологические исследования

Больше всех для изучения "пещерных городов" сделал А. Л. Бертье-Делагард. Военный инженер по образованию, он всю жизнь увлеченно занимался историко-археологическим изучением Крыма, написал множество научных работ, собирал коллекции и библиотеку, посвященные Таврике. Подчеркивая почти полную неисследованность "пещерных городов", он выдвинул требование систематического изучения их, составления точных описаний с обмерами, топографическими планами, чертежами и рисунками, образцы которых давал в своих статьях. Намереваясь подвергнуть такому исследованию все "пещерные города", он, однако, не сумел довести дело до конца. Неизданные материалы Бертье-Делагарда хранятся в фондах Крымского краеведческого музея. Отвергая априорную точку зрения о «доисторическом» происхождении пещер, он справедливо отмечает, что вопрос о времени их создания всякий раз должен решаться конкретно, с учетом находимых археологами материалов. Сама по себе традиция высекания пещер еще ничего не говорит о времени их создания: "Кто бы и когда, по каким бы то ни было особым причинам находил надобным поселиться на меловых горах Тавриды, непременно устраивал и пещерные жилища включительно до наших дней".¹¹⁵

¹¹⁴ Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). — СПб., 1837. — С. 61.

¹¹⁵ Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде.

Археологические исследования "пещерных городов" развернулись в советское время. Результаты раскопок под руководством Н. И. Репникова на Эски-кермене, начатых в 1928 г., и раскопок на Мангупе, осуществленных в 1938 г. под руководством М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона, дали хорошо документированный материал. Послевоенные исследования Е. В. Веймарна на Каламите в 1948-52 гг. и на Чуфут-кале — в 1956-59 гг., Д. Л. Талиса на городище Баклы в 1961-69 гг. и на Тепе-кермене в 1969 г., А. Г. Герцена на Мангупе в 70-е годы позволили составить представление о многих сторонах жизни "пещерных городов", основных этапах их исторического развития, поставили много интересных и важных вопросов археологии, истории и культуры средневекового Крыма.

История Феодоро — споры и факты

Среди них первостепенное место занимает восстановление основных вех истории княжества Феодоро, выявление его политической и культурной роли как средоточия византийско-греческо-христианских традиций в противовес католическому Западу — в лице генуэзцев и мусульманскому Востоку — в лице татар. В средневековом мире княжество играло важную роль, будучи связано политическими, торговыми, культурными отношениями с Византией, Московским государством, Молдавией, Польшей, Крымским ханством. В ходе своей тысячелетней истории княжество и его столица выступали под разными названиями. В VI–VIII вв. — это страна Дори и ее центр Дорос; в X в. впервые упомянуто название Мангуп; далее следует самый темный период в его истории и наконец с середины XIV в. и в XV в. оно становится известным как княжество Феодоро с одноименной столицей на горе Мангуп. Как было показано выше, установление тождества Мангупа и Феодоро и в прошлом вызывало немалую полемику. Последним отзвуком этих споров было выдвинутое в тридцатых годах нашего века Н. И. Репниковым утверждение, что Дорос VI–VIII вв. находился на городище Эски-кермен и что роль центра области перешла к Мангупу только после разрушения стен Эски-кермена. Последняя точка в споре еще не поставлена, ею могла бы быть находка раннесредневековой надписи с названием города. Однако последние открытия убеждают, что город на горе Мангуп, называвшийся Дорос, начиная с VI в. и был центром области, поначалу зависимым от Византии, но постепенно превратившимся в самостоятельное государственное образование.

Дорос уже с VII в. выступает как центр самостоятельной Готской епархии: отсюда второе название области — Готия или Крымская Готия, которое, автоматически распространившись на ее жителей, позднее породило представление, что край населен преимущественно готами. Однако, по справедливому замечанию М. А. Тихановой, название Готия "имело отнюдь не этническое, а исключительно географическое значение, обозначая собой территорию Юго-Западного Крыма и его южное побережье".¹¹⁶ Отметим также, что пока не выработано четких критериев, позволяющих выделить готскую культуру; правда, по некоторым источникам, они сохраняли свой язык до XVI в. Напротив, археологические находки, анализ источников свидетельствуют о том, что население Юго-Западного Крыма было многоэтничным — здесь обитали потомки скифов, сарматов, алан, готов, греки, армяне, караимы и т. д., подвергшиеся значительному воздействию греческой культуры, которая органично сочеталась здесь с вековыми местными традициями.

V. КНЯЖЕСТВО ФЕОДОРО И ЕГО СТОЛИЦА

(Справки о Фуллах) // ИТУАК. - 1920. - № 57. — С. 120.

¹¹⁶ Тиханова М. А. Дорос — Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. - 1953. - № 34. — С. 319–328.

*На небе зарево. Глухая ночь темна.
Толпится вокруг меня лесных деревьев громада,
Но явственно доносится молва
Далекого, неведомого града.
Ты различишь домов тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И темные сады за камнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.
Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.* А. Блок

Расположение Мангупа

Величественные руины средневекового города Феодоро, столицы одноименного княжества, объединявшего вплоть до турецкого завоевания в 1457 г. почти весь Юго-Западный Крым, высятся на плато горы Мангуп, которая и выше и просторнее всех окрестных гор. Она возвышается над уровнем долин на 250–300 м, а высота ее над уровнем моря — 584 м. "Положение Мангупа необыкновенно, — писал Кеппен. — Находясь, так сказать, между небом и землей, он мог бы, кажется, противостоять всем превратностям мира".¹¹⁷ И действительно — с трех сторон края плато ограничены скалистыми обрывами высотой в среднем 20–40 м, а местами до 70 м; с северной же стороны, где склон горы прорезан тремя глубокими оврагами, между которыми выступают, как растопыренные пальцы, четыре мыса, высоко взнесшие над лесистым склоном свои скалистые верхушки, проходит мощная оборонительная стена с башнями.

История возвышения княжества как центра в сущности основного района оседлого земледельческого населения в Крыму довольно скудно освещена письменными источниками. Сегодня, правда, они дополняются хотя и разрозненными, но существенными археологическими свидетельствами; Они показали, что мангупское плато, обеспеченное водой, труднодоступное для врагов, привлекало людей со времен энеолита. Найдены следы жизни и в таврскую эпоху — в первой половине первого тысячелетия до н. э. В III–IV вв. н. э. жизнь на плато оживляется: его заселяют скифо-сарматы, отступившие сюда под натиском племен остготского союза и гуннов.

Его укрепления

Раннесредневековые укрепления Мангупа были возведены во второй половине VI в., однако от них сохранилось немного. Следует сразу же отметить, что тот пояс стен и башен, который отсекает мысы Мангупа, перегораживая доступ со стороны оврагов, в основном принадлежит XIV–XV вв. и более позднему времени. Он составлял своего рода "второй рубеж обороны" по отношению к главному, включавшему также и мысы плато. Археологические исследования семидесятых годов выявили остатки укреплений на мысах Чамну-бурун и Чуфут-Чеарган-бурун, а также в верховьях балки Капу-дере. Укрепления создавались в расселинах и на участках пологого склона — от обрыва до обрыва — дополняя таким образом естественные неприступные преграды, и носили не сплошной, а узловый характер. Таким образом, при общей длине крепостных сооружений в 1500 м длина оборонительного контура (с мысами) составляла 660 м. Мангупское раннесредневековое

¹¹⁷ Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. (Крымский сборник). — СПб., 1837. — С.237.

укрепление, охватывавшее около 90 га площади плато, не имело себе равных в раннесредневековой Таврике!¹¹⁸ Оно могло дать приют огромному по тому времени количеству окрестного населения со скотом и имуществом и при этом было обильно обеспечено водой. Открытие этого пояса обороны, в котором строительные приемы, техника обработки камня, инженерные решения соответствовали римско-византийским традициям фортификационного дела, дало веские основания считать Мангуп древним Доросом: ведь до сих пор считалось, что укрепления Мангупа — более позднего происхождения, да и сосредоточивались поначалу на Тешкли-буруне.

Грандиозное крепостное сооружение, в котором явно прослеживается участие византийских мастеров, да и вообще больших масс населения, говорит о том, что Византия была заинтересована в сохранении своего влияния в Таврике и охотно помогала местным жителям воздвигать оборонительные сооружения. Одновременно строилась и большая базилика: христианизация населения считалась важным фактором лояльности его к империи.

Хазары и Дорос

С конца VII в. хазарский каганат распространяет влияние на всю Юго-Западную Таврику, в том числе и на Мангуп. С Доросом и его «господином» у хазар складываются союзническо-вассальные отношения. Однако прямой захват города-крепости и размещение в ней хазарского гарнизона вызвали в 787 г. восстание местного населения по призыву епископа Иоанна Готского и при участии не названного по имени "господина Дороса", "чтобы не владели страной их... хазары". Повстанцам удалось не только изгнать хазар из крепости, но и захватить укрепленные горные проходы — клисуры, другими словами, подчинить своему контролю весь регион. Об этих событиях кратко повествуется в интересном источнике — "Житии Иоанна Готского", написанном, по-видимому, в IX в. Далее повествуется, что он "был выдан властителем хазарским" и заточен в крепости Фуллы (вероятно, Чуфут-кале), откуда ему удалось бежать за море в Амастриду. Местные жители позже "прибегли к кагану", то есть предпочли искать покровительства у хазар.¹¹⁹ За этими событиями следует сложная игра социальных движений, ареной которых становится Таврика. Речь идет о развернувшейся в Византии острой борьбе между иконоборцами и иконопочитателями, массовой — судя по источникам — эмиграции последних в Таврику, росте феодального монастырского землевладения и захвате земель, что, по-видимому, вызвало недовольство местного населения.

Иконопочитатели

Начало иконоборческому движению положил византийский император Лев III Исавр, издавший в 730 г. эдикт против почитания икон. Константин V созвал в 754 г. церковный собор, осудивший иконопочитание как идолопоклонство. Подоплекой этих событий было стремление императорской власти сломить экономическое могущество церкви, лишив ее земельных владений и богатств. Имущество и земли монастырей переходили в собственность государства, а сами они упразднялись, монахов силой принуждали вернуться к мирской жизни, иконы и некоторые книги священного содержания уничтожались. Крутые меры властей вынудили иконопочитателей бежать в отдаленные окраины империи: в Сицилию и Южную Италию, в малую Азию, в Таврику. К слову, один из вождей монашеской оппозиции (Стефан Новый) спрашивавшим его, где искать убежища от гонения,

¹¹⁸ Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангупа: Автореф. дис. канд. ист. наук. ЛГУ им. Жданова. — Л., 1984. — С. 12.

¹¹⁹ Тиханова М. А. Дорос — Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. - 1953. - № 34. — С. 327.

указал в первую очередь именно на "северные склоны Евксинского Понта". "Во время церковных смут, — пишет В. Г. Васильевский, — по старой, ранее указанной дороге находили себе в Южной Тавриде убежище многие преследуемые и недовольные епископы, монахи, пресвитеры и, конечно, другие мирские люди. Не один раз на это указывалось в переписке Федора Студита".¹²⁰ Таврика становится прибежищем для опальных иконопочитателей, гнездом оппозиции против главенствующего среди византийского духовенства направления. Когда на соборе 754 г. епископ готский взял сторону иконоборцев, население области не пошло за ним и потребовало себе другого епископа. Им стал Иоанн, вождь крымской партии иконопочитателей, активно поддерживавший императрицу Ирину, представлявшую в империи эту церковно-политическую партию в ее борьбе против иконоборческого правительства. Эта борьба увенчалась победой иконопочитателей на VII Вселенском соборе в 787 году — в том самом году, когда епископ Иоанн, пытавшийся направить гнев местного населения против хазар, сам пал его жертвой. По всей вероятности, часть жителей Готии предпочла искать поддержки у хазар против разраставшихся монастырей, посягавших на лучшие земли и теснивших общинные поселения. Многие исследователи именно к концу VIII в. относят возникновение "пещерных монастырей" в Юго-Западном горном Крыму. Правда, это мнение основано на упоминаниях письменных источников, которые, из-за слабой археологической изученности не подкреплены надежными данными раскопок. Так или иначе, но церковное землевладение расширялось, и в конце VIII в. возникают две новые обширные епархии — Готская и Сугдейская, причем первая возведена в ранг митрополии.¹²¹

Захваченный в конце VIII в. хазарами Дорос подвергся разрушениям и обезлюдел. Однако во второй половине IX в. производится ремонт оборонительной системы, отраженный в источниках как строительство "нового города". В другом документе X в. он под именем Мангуп назван как укрепленное поселение, принадлежащее хазарам. В IX-X вв. Мангуп был крепостью, дававшей убежище относительно малочисленному населению. Период с XI до середины XIV века, когда он появляется в источниках под названием Феодоро, — самый темный в истории Мангупа.

Можно лишь упомянуть главные события, так или иначе отразившиеся на его судьбе.

Записка топарха

В X в. новые кочевники — венгры-мадьяры, печенеги подрывают господство хазар. Последний сокрушительный удар каганату был нанесен окрепшим объединением восточных славянских племен — Киевской Русью. Византия после удачных русских походов в 865 и 907 гг. вынуждена была заключить выгодный для Руси мир. X век завершился взятием князем Владимиром Херсонеса в 989 г. и принятием христианства. К сожалению, мы не располагаем об этом периоде письменными свидетельствами, кроме весьма интересного, хотя в той же мере и спорного источника, известного под названием "Записки греческого топарха".¹²² В специальной литературе до сих пор не решен вопрос о месте действия «Записки», но большинство видных ученых склоняются к выводу, что описанные в ней

¹²⁰ *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского // ЖМНП. - 1878. — Январь. — Ч. 195. — Отд. 2. — С. 86–154.

¹²¹ *Якобсон А. Л.* Крым в средние века. — М., 1973. — С. 35.

¹²² *Васильевский В. Г.* Записка греческого топарха // ЖМНП. - 1876. — Июнь. — Ч. 185. — Отд. 2. — С. 368–434; Его же. Русско-византийские исследования. Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Летопись занятий Археологической комиссии 1882–1884 гг. — Вып. 9. - 1893. — С. 107–225; Кулаковский Ю. Записка готского топарха // ЖМНП. - 1902. — Ч. 340. -С. 449–459; Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. -1927. — Вып. 5. — С. 179–282.

события относятся к Крыму. «Записка» представляет собой черновые записи правителя области Климаты, подвластной Византии. Они повествуют о войне с обитавшими по соседству «варварами», о решении окрестного населения, ради своего спасения, признать власть некоего князя, "царствующего к северу от Дуная" и об успешном, хотя и полном трудностей, путешествии к нему автора «Записки».

По мнению Г. Г. Литаврина,¹²³ этот документ дает ценные сведения о характере русско-византийских отношений конца X в. На основании астрономических данных, содержащихся в тексте, он определяет время действия 992 годом, а "царствующим к северу от Дуная", которому решило передаться подвластное топарху население, считает киевского князя Владимира. Другими словами, из документа следует, что население Климатов, стремившееся к независимости от Византии, предпочитало власть русского князя, способного обеспечить своим подданным защиту от врагов. Из него также следует, что русский князь имел где-то близко от византийских провинций в Крыму земли, подвластные еще издавна киевским князьям, так как вернул топарху власть над Климатами, "прибавил к ней целую сатрапию и подарил в своей земле достаточные ежегодные доходы".

О связях с Древней Русью говорят и археологические находки в различных поселениях Крыма, в частности, на Мангупе: бронзовый позолоченный крест — энколпий киевской работы второй половины XII в., трубчатые замки киевского типа и т. д.

В области церковных отношений «Готфийская» (т. е. Готская) епархия сохраняла тесные связи с Константинополем, а возглавлявшие ее архиепископы до 1170 г. принимали постоянное активное участие в церковных соборах в Константинополе. В конце XII — начале XIII в. Таврика вместе с Херсоном вообще отпала от Византии, центральные области которой были в 1204 г. захвачены крестоносцами.

После этого Херсон и юго-западные области Крыма признали над собой власть ее преемницы — Трапезундской империи. Это выражалось только в отправке ежегодных сборов в ее казну, а в сущности крымчане были предоставлены сами себе.

Нашествия Золотой Орды с XIII в. оказались разрушительными для многих крымских городов: Эски-кермен практически перестал существовать, Чуфут-кале со временем стал главной крепостью ханства. Не избежал разрушений и Мангуп, но при этом он сумел сохранить известную самостоятельность. Во всяком случае, в середине XIV в. здесь возводятся укрепления, строится княжеский дворец, восстанавливается большая базилика св. Константина и Елены, укрепляется цитадель, о чем свидетельствуют скупые строки надписи, где впервые употреблено название «Феодоро». В этот период зависимость Крыма от Золотой Орды, раздираемой усобицами, ослабела. Хан Тохтамыш заключил в 1380 г. с генуэзцами договор, согласно которому за ними закреплялось Южное побережье от Чембало (Балаклава) до Солдайи (Судак). Эта зона называлась "капитанство Готия" и являлась предметом постоянных конфликтов между Феодоро и Кафой (Феодосией). Горная же часть Крыма с Феодоро в центре осталась самостоятельной, находясь, по-видимому, лишь в вассальной зависимости непосредственно от самого хана.

Расцвет княжества Феодоро

В XV в. княжество занимало заметное место в истории Крыма и соседних с ним областей. Этот период гораздо лучше освещен письменными источниками и археологическими памятниками. Они свидетельствуют о связях Феодоро с Москвой, другими государствами, о соперничестве и активной борьбе его князей с генуэзцами за контроль над центрами международной морской торговли.

¹²³ Литаврин Г. Г. Записка греческого топарха. Из истории средневековой Европы (X-XVII вв.). — М., 1957. — С. 114–127. Существует вариант этой точки зрения, в соответствии с которым покровителем топарха был князь Святослав, одержавший в 965 г. решительную победу над хазарами.

О его князьях

Конечно, появлению княжества предшествовал период феодального развития, "собирания земель" под чью-то "сильную руку". Некоторые авторы считают, что оно могло сложиться еще в конце XII в. Есть предположение, что князь Феодоро происходит от знатного армянского рода Гаврасов, княживших с X в. во внутренних областях Понта (когда-то принадлежавшего Мптридату) и позднее включенных в состав Трапезундской империи Комнинами. Высказывалось предположение, что представители Гаврасов появились в Херсоне уже в XII в. в качестве византийских наместников-топархов. Теснимые турками-сельджуками, с которыми они вели давнюю упорную борьбу, отстраненные от власти Комнинами, Гаврасы вполне могли отправиться в провинцию, тесно связанную с их бывшими владениями — Таврику, в XIII в. практически независимую. Предположение это опирается на свидетельство русской летописи, где упоминается Степан Васильевич Ховра, "князь Готии", который выехал из своих владений в Судак, Мангупе и Кафе в Москву в конце XIV в. (1391 или 1403 гг.); здесь он был принят с честью Дмитрием Донским (или его сыном Василием) и позднее принял монашество под именем Симон. Сын его, Григорий Ховра, от которого пошли семьи Ховриных и Головиных, основал в окрестностях Москвы монастырь, названный в честь отца Симонов. Долгое время слабым звеном гипотезы А. А. Васильева было почти 200-летнее молчание источников (XII–XIV вв.) относительно фамилии Гаврасов. Стараниями английского историка А. Брайера недавно обнаружен еще один представитель рода, чья жизнь приходится на "темный период" XIII в.¹²⁴

К известным сведениям А. Брайер добавляет, что фамилия Гаврасов долго сохранялась среди греков Азовского побережья, переселенных из горного Крыма, и в форме Габрас — в окрестностях Трапезунда. До недавнего времени сохранялось название села Гавры (близ села Соколиного на реке Бельбек), а также фамилия Гаврин. Существуют опыты построения генеалогического древа семейства (А. А. Васильев, А. Брайер, Д. С. Спиридонов и др.). Княжество Феодоро занимало видное место в Восточной Европе, и княжеский дом заботился об укреплении династических связей. Сохранились документы, согласно которым дочь князя Алексея — Мария в 1426 г. была выдана замуж за Трапезундского царевича, позже ставшего последним императором; дочь князя Исаака — Мария была в 1472 г. выдана замуж за Стефана III, господаря Молдавского; из русских документов известно также, что в 1474-5 гг. великий князь Московский Иван III поручал послам вести переговоры о бракосочетании своего сына с мангупской княжной. Браку помешало турецкое завоевание Крыма в 1475 г. Но особенно Гаврасы гордились родством с домом Палеологов, чей герб — двухглавый орел — изображен на плитах с надписями наиболее известного мангупского князя — Алексея. Из документа, известного под названием "Эпитафий княжичу" следует, что сын Алексея Иоанн был женат на Марии Асане, по отцовской линии — родственнице "порфиросного древа императоров Палеологов; по материнской — из рода Цымблаконов, также находившейся в родстве с Палеологами. Возможно, подобные династические браки были не единственным случаем, но пока в нашем распоряжении нет прямых документов. Известно лишь, что брак с девушкой из рода Палеологов давал право на употребление в качестве семейного герба двуглавого орла. Плит с подобным изображением — целых или в обломках — в Крыму найдено уже немало. Наиболее известны плиты 1425 и 1427 гг. с надписью князя Алексея, на которых изображены его монограммы, гербы Палеологов и Генуи. Известен также целый ряд обломков подобных плит, найденных на Мангупе, в Инкермане и даже в Херсоне: они хранятся в лапидарии Бахчисарайского дворца-музея и в фондах Крымского краеведческого музея. Но самой удивительной находкой этого ряда оказалась каменная плита, найденная во

¹²⁴ Bryer A. A. A bysantine family: the Gabrades, c. 979–1653 // Historical journal, univ. of Birmingham. - Vol. 121. - n2. - 1970. — P. 175.

время раскопок крепости близ Алушты и датированная 1459 г. На плите размером 4–0,5 м в верхней части расположены пять щитов с гербами: в первом медальоне вырезан «процветший» равносторонний крест по сторонам которого размещены буквы IC/ XC/ NI/ KA. Во втором, третьем и четвертом — монограммы, одну из которых можно понять как «Александр». На последнем щите изображен двуглавый орел с императорскими коронами на головах, в нижней части плиты идет четырехстрочная надпись. Предполагается, что крепость была удельным владением последнего мангупского князя Александра, захваченного в плен во время штурма Мангупа и умерщвленного в Стамбуле.¹²⁵

О наличии родственных связей говорит и тот факт, что Софью Палеолог, племянницу последнего византийского императора, отправившуюся в 1472 г. в Россию, чтобы вступить в брак с великим князем Иваном III, сопровождал мангупский князь Константин Гаврас: он был удостоен этой чести так как приходился "родственником невесте", и, вероятно, потому, что члены его рода, потомки Степана Васильевича Ховры, уже находились в Москве. Позднее Константин принял монашество под именем Кассиана, удалился в Ферапонтов монастырь, а затем основал свой собственный монастырь на берегах реки Учмы. В XIX в. на этом месте сохранялись две церкви: согласно сообщению Бруна, в стене одной из них, у входа, находилась плита с двуглавым орлом без корон, похожим на изображения с плит князя Алексея 1425 и 1427 гг.

Из того, что известно об истории рода, можно предположить, что Гаврасы привезли с собой героические воспоминания о многовековой борьбе с турками-сельджуками, культ св. Федора — князя, погибшего смертью храбрых в этой борьбе в 1098 г., признанного церковью мучеником в XII в. и святым — в XIV в., героя греческой и турецкой народной поэзии; и наряду с этим — непреклонное стремление к независимости от Византии.

Борьба с генуэзцами

В начале XV в. княжеством правил выдающийся представитель рода — Алексей, сын выехавшего в Москву С. В. Ховры, именуемый в надписях "владыкою Феодоро и Поморья". Он овладел выходом к морю, и в 1427 г. построил на месте раннесредневековой крепости Каламиты (Инкерман) новое укрепление, под защитой которого находился морской порт, ставший конкурентом соседней Чембало (Балаклава). Широко велось и церковное строительство — при Алексее возводится базилика в Каламите, восстанавливается базилика в монастыре Апостолов и Партените, построенная еще в VIII в. при Иоанне Готском. Стремясь поднять престиж княжеского дома, Алексей восстановил княжеский дворец в Мангупе и построил его донжон в 1425 г., в 1427 г. для укрепления династических связей выдал дочь Марию замуж за Трапезундского царевича, оказавшегося последним императором. Сочтя свое положение достаточно прочным, Алексей вступил в открытую борьбу с генуэзцами и в 1433 г., при поддержке восставшего против генуэзцев населения захватил крепость Чембало. Однако посланный из Генуи флот под начальством полководца Карла Ломеллино быстро отвоевал Чембало, а затем разгромил и Каламиту, захватив при этом в плен сына Алексея — тоже Алексея. Вскоре после окончания военных действий княжич был отпущен и в 1434 г. после смерти отца стал правителем Феодоро; Каламита вскоре была восстановлена, и соперничество феодоритов с генуэзцами за власть над Причерноморьем продолжалось, по-видимому, в более мирных формах. Накануне турецкого завоевания Крыма в 70-е годы XV в. враждебные взаимоотношения между Феодоро и Кафой сменяются дружественными: нарастающая угроза со стороны турок вынуждала их к сближению. В 1471 г. князь Феодоро Исаак посетил Кафу и заключил союз с генуэзцами.

¹²⁵ *Мыц В. Л.* Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма // Византийская Таврика. — Киев, 1991. -С. 179–193.

Турецкая осада и падение Феодоро

Накануне турецкого вторжения, в первой половине 1475 г. развернулась борьба за престол Феодоро. Узнав о смерти Исаака, его племянник Александр спешно прибыл с отрядом в триста воинов из Молдавии, где находился в изгнании. Ему удалось отбить престол у занявшего его сына Исаака. Однако дни Феодоро были сочтены. Летом того же года турки-османы при поддержке татар высадили войска на крымском побережье. Они осадили Кафу, которая сдалась через пять дней, взяли несколько прибрежных крепостей, а затем в начале июля подошли к Мангупу. Вооруженные огнестрельным оружием и снятыми с кораблей пушками, турки и татары пять раз ходили на приступ, однако не смогли взять города: уникальные природные условия, превосходные оборонительные сооружения, мужество защитников сыграли здесь свою роль. Полугодовая осада завершилась взятием города в декабре 1475 г. в результате хитрости турок; они притворились, что отступают, выманив, таким образом, за стены защитников крепости. Турки предали город страшному разграблению, истребив почти всех его жителей. Князь Александр и другие мужчины — представители княжеской семьи погибли в заточении в Константинополе, в живых был оставлен только его маленький сын: воспитанный турками, он сохранил почетный титул мангупского князя, хотя реальным влиянием ни он, ни его потомки уже не обладали.

Из территории княжества Феодоро и генуэзских владений Юго-Западного Крыма турки образовали Мангупский кадылык — судебно-административный округ с центром в Мангупе, находившийся в непосредственном управлении Османской империи. Они, по-видимому, оценили превосходные оборонительные достоинства крепости и продолжали укреплять и восстанавливать ее, особенно после страшного пожара 1493 г., когда выгорел почти весь город. Об этом свидетельствует греческая надпись на одной из башен в Табана-дере и ряд сооружений, возведенных в XVI в. — мечеть, синагога, кенасса; частично была перестроена цитадель.

Мангуп, населенный греками, турками, караимами, будучи судебно-административным центром, сохранял свое значение крепости в течение всего XVI в. и в первой половине XVII в. Однако жизнь в нем продолжала теплиться вплоть до времени присоединения Крыма к России, накануне которого христианское население Горного Крыма было переселено в Приазовье; тогда же, по-видимому, окончательно покинули Мангуп и караимы.

Так оборвалась многовековая жизнь Дороса — Феодоро — Мангупа. В ней еще много неясного, неисследованного, целые десятилетия, а то и столетия покрыты мраком неизвестности, однако и то, что мы сегодня знаем о нем, дает основание считать, что в историю и культуру средневекового Крыма княжество вписало немало блестящих страниц.

Мангуп находится в 20 км от Бахчисарая. Дорога туда ведет через село Красный Мак, потом через Залесное; далее проселочная дорога ответвляется влево, в долину, над которой высятся безошибочно узнаваемые издали мощные мысы Мангупа. На плато можно подняться по всем трем оврагам. Самая короткая, хотя и крутая тропа, пробирающаяся по дну среднего оврага — Гамам-дере (Баный овраг), менее чем за час ходьбы приводит к мощной башне, увитой вечнозеленым плющом. Еще немного — и через пролом в стене мы попадаем на территорию города, который встречает нас рядом пещер; тропа сворачивает направо, к обильному водой роднику. Видимо, здесь когда-то была городская баня, давшая название оврагу.

Другой путь — тропа, а не колесная дорога, сильно размытая и разрушенная проходит по крайнему, западному оврагу Табана-дере (Кожевенный овраг) мимо мощной передовой оборонительной стены и караимского кладбища. В верховьях оврага, где вытекает источник, занимались кожевенным промыслом караимы. На юго-восточном краю плато существовала потайная тропа, выводящая по расселине среди отвесных скал к пещерному монастырю, а затем на главную дорогу.

Подняться на Мангуп можно и по старой колесной дороге, огибающей мыс Тешкли-бурун (Дырявый мыс). Из расположенных у верхней кромки плато пещер "Дырявого

мыса" городской караул бдительно следил за перемещениями по дороге. По мере приближения к воротам следы ушедшей жизни становятся заметнее: само полотно дороги, прижатое к обрыву мыса, вырублено в скале; огромный естественный грот-навес и сейчас еще, судя по следам, служит порой укрытием для скота, как и раньше; слева в скале тянется ряд пещер-усыпальниц. Сами ворота, от которых сохранилось лишь основание и стена, перегораживающая овраг Капу-дере, представляли собой сложное сооружение. Именно здесь в нижних рядах сохранилась ранне-средневековая квадратная кладка VI в. под более поздней — из разнокалиберных полуобработанных камней. Вообще раннесредневековые кладки на Мангупе сохранились незначительно: они либо составили часть основания позднесредневековых стен, либо использовались вторично, о чем можно судить, встречая правильно отесанные квадраты известняка среди неровных камней. Судя по рисункам конца XVIII в., ворота были перекрыты коробовым сводом, опиравшимся с одной стороны на мощный пилон, а с другой — на скалу. Основанием пилона служили несколько огромных глыб известняка; здесь кончалась оборонительная стена, которая шла параллельно обрыву, образуя коридор,¹²⁶ по нему-то и проходила дорога в крепость, поворачивая налево, к цитадели.

Прогулка по городищу

И вот мы на вершине горы. С холма у юго-восточного обрыва, где знаком отмечена высшая точка (628,3 м), открываются необъятные горные дали, как на ладони видно и само плато, поросшее травой и цветущим кустарником; можно проследить направление главной улицы, пересекавшей город от главных ворот до ворот Табана-дере, и очертания отходивших от нее улиц и кварталов. Руины города — оборонительная стена с башнями и цитадель — прячутся в пышных зарослях деревьев и кустарников. И хотя от бывшего великолепия уцелело не так много, ценен сам комплекс архитектурных памятников всей эпохи средневековья, не перекрытый позднейшими культурными наслоениями, не искаженный перестройкой. Из построек лучше других сохранилась цитадель на восточном мысе Тешкли-бурун. Она возведена над местом, где в X в. были кладбище и церковь — об этом говорят могилы, вырубленные в скале, ясно прослеживаемые контуры церкви и примыкающий к ней склеп, куда можно спуститься по ступенькам.

Цитадель

Мыс Тешкли-бурун — природный бастион: чтобы превратить этот длинный и узкий, со всех сторон ограниченный обрывами утес в крепость, достаточно было пересечь перешеек, соединяющий его с плато, оборонительным сооружением длиной 102 м при толщине 2,8 м. Оно состоит из двух куртин и расположенного посередине сильно выступающего вперед трехэтажного здания, которое называют то замком, то донжоном, то дворцом. Верхние этажи донжона были жилыми и служили укрепленной "резиденцией правителям Мангупа и его гарнизона; нижний полуподвал использовался как арсенал, а позднее как тюрьма. После 1475 г. помещение использовалось именно так: здесь томились знатные пленники, захваченные татарами при набегах, а также послы. По свидетельству И. М. Карамзина, в 1569 г. здесь был заключен московский посол Афанасий Нагой; с 1572 по 1577 г. находился в плену Василий Грязной. По внешнему фасаду башни-донжона вместо окон располагались узкие бойницы-амбразуры; внутренний фасад носил более мирный характер благодаря окнам, обрамленным прекрасными резными наличниками в традициях малоазийской архитектуры, и парадному входу. Турки, обосновавшиеся в основном на территории цитадели, частично реконструировали ее, прежде всего с учетом возможностей

¹²⁶ Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангупа... — С. 15.

использования огнестрельного оружия, но вряд ли что изменили в ее архитектуре. В частности, и Мартин Броневский в XVI в., и турецкий путешественник Эвлия Челеби в XVII в. видели над воротами цитадели подтверждающую ее происхождение в эпоху расцвета Феодоро греческую надпись. В надписи 1363 г. сообщается, что «восстановлены» стены Феодоро и сооружены "башни верхнего города почтенной Пойки", вероятно, цитадели, имевшей особое, отличное от города название, что нередко случалось в средневековых городах.¹²⁷ "Верхним замком" назвал ее и Мартин Броневский, польский посол к татарскому хану, посетивший эти места в середине XVI в. и оставивший первое описание цитадели и города. "Город Манкопия, — сообщает он, — лежит в горах и лесах, в некотором удалении от моря. Он имеет два замка, построенных на высокой и широкой скале; драгоценные греческие храмы и здания; несколько ручьев, стекающих со скалы, чистых и удивительных. По покорении же турками, через 18 лет, он выгорел почти до основания, как говорят греческие христиане. Вот почему и нет уже ничего привлекательного, кроме верхнего замка, имеющего отличные ворота, украшенные греческими надписями и многим мрамором, и высокий каменный дом. В этом доме, по варварской ярости ханов, иногда содержатся московские послы, с которыми жестоко поступают. Теперь там уцелела только греческая церковь св. Константина и другая, весьма незначительная — св. Георгия... В тех греческих церквах стены украшены изображениями и знаками власти тех царей и цариц, от крови которых они (князя — Т. Ф.) кажется происходили".¹²⁸ Князя Феодоро заключали брачные связи с различными владетельными домами, но особенно гордились они родством с императорским домом Трапезундских Комнинов; не исключено и родство с Палеологами, чей герб — двуглавый орел — изображен на плитах с надписями князя Алексея.¹²⁹ Родство с византийскими императорами придавало князьям Феодоро необходимый авторитет для того, чтобы играть первенствующую роль в Крыму в соперничестве с генуэзцами — пришельцами с католического Запада.

Колодец

Внутри цитадели недавние раскопки выявили кварталы жилой застройки, примыкающие к стене. Ближе к северному обрыву находится колодец, снабжавший ее защитников водой и позднее засыпанный турками. Расчистка колодца в 1966 г. показала, что он вырублен в скале на глубину 23,6 м, где проходит водоносная трещина, из которой вода поступала в естественный грот у подножия обрыва мыса. Неподалеку от ворот привлекает внимание восьмигранник, сложенный из крупных хорошо отесанных блоков — это остатки церкви, вероятно княжеской капеллы, построенной в VIII в. Восьмигранник — характерная форма для периода поисков перехода от базиликального типа церковного здания к купольному, центрическому.¹³⁰ Высказано также мнение, что она возникла позднее, под влиянием дюрбе татарской знати XIV–XV вв., мало-азийский стиль которых находится в соответствии с декором донжона цитадели и дворца.

Боевые пещеры

¹²⁷ Герцен А. Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // Развитие феодализма в Центральной и Восточной Европе. — Свердловск, 1983. — С. 89, 91.

¹²⁸ Броневский Мартин. Описание Крыма // ЗООИД. - 1867. — Т. 6. — С. 343.

¹²⁹ Домбровский О. И., Махнева О. А. Столица феодоритов. — Симферополь, 1973. — С. 85.

¹³⁰ Якобсон А. Л. Закономерности развития средневековой архитектуры. — Л., 1986. — С. 23, 27.

На каменистой поверхности Тешкли-буруна особенно много вырубных сооружений — для сбора воды, для выжимания винограда, склепов для погребения, часовен. На самой оконечности мыса находится укрепление, сочетавшее наземные и пещерные сооружения. На площадке мыса заметны следы «постелей» — вырубок для кладки стен: здесь находилась дозорная башня, по сторонам которой размещались пещерные казематы, оборонявшие подступы к главным воротам Мангупа. Под основание «башни» ведет лестница в довольно большую пещеру, передняя стенка которой разрушилась, образовав сквозное отверстие, хорошо видимое снизу, отчего и мыс прозван «Тешкли» — «Дырявым». Из пещеры по краю скалы еще ниже ведут две лестницы: правая — на «балкон», нависающий над дорогой, другая — в большую пещеру — «тюрьму» с истертым до блеска подпорным столбом посередине. Если ударить по нему даже слегка, раздается напоминающий барабан звук; отсюда название всего пещерного комплекса — «Барабан-коба». Боевые пещеры, высеченные в верхней части скалы — характерная черта ряда "пещерных городов", пример прекрасного понимания свойств местности, когда выступающий утес играл ту же роль, что и башня, и аналогичным образом использовался для фланкирующего обстрела.¹³¹ Целая цепь этих пещер, соединенных некогда лесенками, переходами, балконами, тянется вдоль восточного обрыва, неожиданно включая в свою систему и церковь, легко узнаваемую по закругленной высеченной в скале апсиде. К боевым примыкали подсобные помещения, служившие жильем и кладовыми. Такие же пещерные укрытия продолжаются и на западной стороне мыса, над участком дороги, неподалеку от ворот.

Базилика

Одним из старейших сооружений Мангупа можно по праву считать храм в честь св. Константина и Елены, находящийся напротив мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Это большая — 31,5 x 26,2 м — базилика, разделенная двумя рядами колонн, — по шесть в каждом, — на три нефа. С востока она завершалась двумя закругленной формы апсидами — большой и малой. К боковым ее стенам примыкали галереи: под ними, а также под полом храма обнаружено множество могил. Базилика была построена в VI в., затем неоднократно перестраивалась, последний раз в XIV или начале XV в. Из найденных внутри храма архитектурных деталей особенно интересны обломки византийско-коринфских капителей из проконнесского мрамора, остатки пилястр предалтарной преграды из известняка и другие. Пол центрального нефа состоял из больших каменных плит, а в боковых нефках полы были мозаичными: материалом для мозаики служили белый мрамор, черный базальт, красный сланец. Рядом с северной стеной храма располагалась крещальня, вероятно VI в., позднее ее переделали в часовню, и вокруг нее появилось кладбище.

Именно здесь в одной из гробниц была найдена пока единственная в Крыму плита из местного известняка с именем Юстиниана I.

Пещерный монастырь

Самая интересная пещерная церковь Мангупа находится над главной дорогой к восточным воротам: к ней вел потайной выход из города по расселине в скалах. Естественный грот перед храмом использовался в качестве двора; напротив находились кельи настоятеля и монахов, вырубленные в скале. Сама церковь украшена карнизом, арками, пилястрами, покрыта росписью, от которой уцелели лишь фрагменты. По обеим сторонам алтарной ниши с изображением Христа-отрока написаны отцы церкви в покрытых крестами облачениях со свитками в руках. Над ними сильно поврежденная композиция из

¹³¹ *Талис Д. Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Экспедиция ГИМ. — М., 1969. — С. 95.

пяти фигур и помещенных между ними херувимов с алыми крыльями, в центре которой — Христос с поднятой для благословения правой рукой, с евангелием в левой. На плафоне арки в центре находится медальон с изображением Богоматери Знаменая: по обе стороны два пророка в коронах и пышных облачениях. Типичная для византийского средневековья композиционная схема в самих изображениях несет, тем не менее, следы влияния итальянского искусства — недаром близкими соседями феодоритов были генуэзцы.

Дворец

Второй замок, упомянутый Броневским, — это, очевидно, остатки дворца с башней вблизи от оврага Гамам-дере. Исследователи считают его "единственным примером дворцового комплекса на почве Крыма и одним из немногих на всем Ближнем Востоке".¹³² Результаты раскопок позволяют представить его как большое (40 x 30 м) двухэтажное здание, ориентированное с юга на север: с северной стороны к стене примыкала монументальная башня-донжон, состоявшая из подполья и трех этажей и увенчанная машикулями. Надпись на плите, некогда вделанной в стену башни и украшенной двуглавым орлом, гласит: "Была построена эта башня вместе с дворцом в благословенной крепости, которая видна и ныне, во дни Алексея, владыки Феодоро и Поморья". Вход с южной стороны обрамляла изящная аркада, соединявшая два боковых помещения. Далее шел парадный зал, разделенный на три части двумя двойными рядами восьмигранных колонн, соединенных арками. Стены второго этажа покрывала штукатурка с фресковой росписью, оконные проемы были украшены мраморными наличниками. При раскопках дворца найдено огромное количество обломков керамики, как местной работы, так и привозной — персидской, турецкой, египетской; особый интерес представляют обломки поливных чаш с монограммой Исаака — князя, правившего Мангупом с 1471 по 1474 год.

Постройка дворцово-замкового комплекса придавала завершенность сложившейся к этому времени оборонительной системе Мангупа, состоявшей из трех поясов. О первом, раннесредневековом, включавшем в систему обороны все наиболее уязвимые места на мысах, мы уже упоминали; вторым поясом была линия стен и башен, отсекавшая мысы; третьим — цитадель. Однако донжон цитадели находился слишком далеко от основной части плато, самая высокая точка которого расположена непосредственно перед укреплениями цитадели, мешая обзору. Поэтому неудивительно, что восстановив дворец, видимо, существовавший еще в XIV в., князь Алексей пристроил к нему башню: с площадки ее третьего этажа просматривалась вся линия стен второго пояса с ее часто поставленными 18 башнями. Каждая из них имела открытую тыльную сторону, что облегчало связь с ее защитниками, а в случае захвата башни неприятелем он подвергался прямому обстрелу изнутри крепости. Здесь, как отмечали исследователи, использован опыт генуэзских крепостей, возникших в это время в Солдае (Судаке), Кафе (Феодосии), Чембало (Балаклаве), но в особенности первой. Об этом говорят высокие (8 м), но сравнительно тонкие (1 м) стены, башни с открытой тыльной стороной, наличие командно-наблюдательного пункта — замковой башни. Правда, генуэзские крепостные сооружения в чем-то более монументальны, но не следует забывать, что на Мангупе это был второй пояс обороны.

С самой высокой точки Мангупа открывается великолепный пейзаж, по-своему наглядно иллюстрирующий средневековую историю Юго-западной Таврики: почти каждая возвышенность, видная отсюда — историко-археологический памятник. Глазом можно охватить почти всю территорию Мангупского княжества — от горы Чатыр-даг на востоке до

¹³² Суров Е. Г. Княжеский дворец на плато Мангуп-кале // КСИА АН СССР. Средневековые древности Восточной Европы. — М., 1972. - № 129. -С. 96 и сл.; Якобсон А. Л. Дворец // МИА. - 1953. - № 34. — С. 390–418.

балаклавских скал на юге; за мысом Чамны-бурун виден Эски-кермен, на севере — скалы Тепе-кермена и Качи-кальона, а с северо-запада, за холмами предгорья — крымские степи.

Значительная часть плато, оставшаяся нераскопанной и живописно поросшая кучами деревьев и кустарников, позволяет угадывать направления улиц, площади, кварталы застройки. 500 лет назад пал Мангуп, двести лет назад его покинули последние, немногочисленные уже жители; от княжества не осталось никаких архивных записей — все или погибло в огне пожара, или было увезено за пределы нашей страны, а камни его руин все эти годы, как искони ведется, растаскивались для новых построек. Однако будем надеяться, что земля таит еще немало следов его бывшего величия.

VI. ЭСКИ-КЕРМЕН И КЫЗ-КУЛЕ

Развалины эти так древни, что ни турки, ни татары, ни сами греки не знают названия их.

Мартин Броневский

Их история

Эски-кермен расположен неподалеку от Мангупа. Дорога туда лежит через село Красный Мак, далее путь ведет вправо через сады и поля, до скалистого мыса, где, повернув влево, мы оказываемся перед причудливыми скалами столовой горы, вытянутой с севера на юг. Она пониже и поменьше, чем Мангуп и, словно корабль, плывет среди полей и уютных долин. На ее плоской вершине прячутся среди зарослей руины раннесредневекового города-крепости Эски-кермен, основанного в начале VI в.

Эски-кермен, крупный центр торговли и ремесел, имел первоклассные по своему времени оборонительные сооружения, за стенами которых укрывалось в случае опасности население примыкавшей к нему сельскохозяйственной округи. Однако на долю города уже в первые века существования выпали особенно тяжелые испытания. Первый разгром города произошел в VIII в. По-видимому, Эски-кермен был одним из очагов восстания против хазар в 787 г., о котором повествуется в "Житии Иоанна Готского". Подавив восставший народ, хазары, вероятно, разрушили всю систему обороны города. После этого он продолжал существовать как незащищенное, открытое поселение. Возможно, об одной из попыток восстановления городских стен рассказывается в "Записке греческого топарха", о которой шла речь ранее: "Мы имели пребывание в разрушенном городе и делали вылазки скорее из селения, чем из города (то есть крепости). Ибо земля была раньше разорена самими варварами, причем они снесли стены до основания". В «Записке» говорится также, что топарх выстроил вначале возле города небольшую крепость, чтобы укрываться за ее стенами в момент опасности. "Я сначала выстроил возле них крепостцу из имевшихся налицо (материалов), так что отсюда было легко отстроить и весь город... И она была выстроена с большой поспешностью, ограждена рвом; вместе с этими приготовлениями и война началась".¹³³ К этому описанию как нельзя лучше, по мнению Н. И. Репникова, подходит скала с башней Кыз-куле — весьма сильный в стратегическом отношении пункт на соседнем плато северо-западнее Эски-кермена. Возникло оно, как считают исследователи, после разрушения оборонительных стен города, не ранее X–XI вв. Перед башней был неглубокий ров, через который переезжали по перекидному мосту. Раскопки, которые велись здесь в 1933 г., вскрыли остатки одноапсидной часовни XI–XIII вв. с гробницами в ней. Крепость Кыз-куле погибла в XIV в. от пожара.

¹³³ Репников Н. И. Эски-кермен в свете археологических разведок 1928-29 гг. //ИГАИМК. - 1932. — Т. 12. — Вып. 1–8. Готский сб. — С. 107–152. См. сн. 7 гл. V

Окончательно Эски-кермен был разгромлен и сожжен ордынцами в 1299 г. Время превратило его в груды камней, покрытые землей и зарослями, пощадив лишь многочисленные пещеры.

Храм трех всадников

Подняться на плато Эски-кермена лучше всего с южной стороны, там, где находились главные ворота. Для этого надо обойти его с востока, осмотрев по пути храм Трех всадников. Он высечен в отделившейся от основного массива округлой каменной глыбе: в глыбе меньших размеров, стоящей почти вплотную, вырублена ризница (кладовая), вокруг располагалось эскикерменское кладбище — некрополь. На северной стене храма сохранилась фреска с изображением трех всадников в развевающихся плащах: средний из них, Георгий-победоносец, поражает копьем змея-дракона, двое других держат копья остриями вверх, а за спиной одного из всадников, на крупе коня видна фигура мальчика. Под изображением — следы греческой надписи, смысл которой примерно таков: "Высечена церковь и написаны святые мученики Христовы для спасения души и отпущения грехов". Гармоничная по цвету, динамичная по композиции фреска, выполненная в XII — начале III века, сильно пострадала не столько от времени, сколько от рук горе-туристов, бессмысленно разрушающих памятники истории и культуры. А между тем содержание фрески, сопоставленное с устройством храма и с высеченными в полу могилами, придает всему сооружению на редкость живое и трогательное, в высшей мере патриотическое звучание, по крайней мере с точки зрения древних жителей здешних мест, положивших свои жизни в борьбе с кочевниками. Из двух могил, высеченных в полу, одна находится непосредственно под фреской и достаточно велика, чтобы вместить двух погребенных. Вторая расположена у входа в храм и по размерам подходит для ребенка. Не предназначалась ли она для мальчика, изображенного сидящим на крупе коня переднего всадника? Видимо войны, павшие в борьбе с врагами, были причислены к лику святых мучеников за веру. В Юго-западном Крыму в XII–XIII вв. в условиях непрерывной борьбы с набегами кочевых народов вполне могло сложиться такое отношение к памяти павших за родину. Само устройство этого крохотного храма с двумя дверями и алтарем, занимающим почти половину пространства, подкрепляет эту мысль: паломники, входя в одну дверь, выходили в другую, во время службы в память погребенных.¹³⁴

Городище

Дорога, ответвляясь от главного торгового пути, поднимается к воротам в город зигзагами-маршами. В камень врезались глубокие колеи от колес, кое-где сохранились боковые ограждения — парапеты. На последнем повороте дорога входит в узкий коридор, вырубленный в скале. Здесь когда-то были ворота, которые в начале XIX в. еще застал литератор и путешественник П. Сумароков: "При входе к нему (Эски-кермену) просеченное в горе отверстие делает ворота, над ними виден складенный из камней свод...".¹³⁵ Когда-то здесь была сложная система оборонительных сооружений. У третьего марша дороги проходила передовая стена — протейхизма, огибавшая выступ скалы перед главными воротами. Между ней и обрывом размещалось еще двое ворот. Только овладев ими и разрушив протейхизму, противник мог подойти к главным воротам. Над ними возвышалась башня, от которой в обе стороны по краю плато шли крепостные стены, на западе и востоке упиравшиеся в пещерные казематы. Все эти укрепления были разрушены еще в раннем

¹³⁴ Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. — Киев, 1972. — С. 37.

¹³⁵ Сумароков П. И. Досуги крымского судьи. — Ч. 2. — СПб., 1805. — С. 48.

средневековье, и уже после этого вдоль третьего марша дороги возникли небольшие пещерные церкви и относящиеся к ним могилы и усыпальницы.

Высеченный за воротами в скале коридор — это уже начало главной улицы, вдоль которой расположены пещеры разного назначения. Одна из них — слева, вела в надвратную башню. Справа располагался пещерный храм своеобразной формы (называемый "судилищем"), состоящий из четырех смежных помещений, разделенных сохранившимися колоннами. В одном из них, видимо, был алтарь: по его полукружью шла ступенчатая скамья — синтрон с епископским креслом посередине, что дает основание предполагать, что в Эски-кермене находился некогда центр епархии. Позднее его расширили в восточную и северную стороны: вдоль обрыва вырубili два придела, прорубили во внешней стене дверь, из которой вниз к могильнику вела деревянная лестница.

Недалеко от храма, у юго-восточного края плато, почти над храмом Трех всадников находится небольшая пещерная "Церковь Успения", с остатками фресковой росписи с изображением Успения Богородицы, относящаяся предположительно к концу XIII в.; сюда вела лесенка, высеченная в скале.

Оборонительные стены

Городище Эски-кермен расположено на хорошо укрепленном самой природой месте: плато обрывается в долины отвесными стенами значительной высоты и неприступно в большей своей части. Кое-где сохранились фрагменты проходивших вдоль обрыва стен: их можно осмотреть на юго-восточном участке плато. Следует отметить, что обязательной деталью устройства раннесредневековых крепостных сооружений Крыма являются специально вырубленные в скале «постели», служившие основанием для облицовочных квадров стены и придававшие ей большую устойчивость. Их обязательно две, параллельные одна другой. По этой линии укладывались массивные тесаные блоки известняка, составлявшие саму облицовку стены. Пространство между ними заполнялось забутовкой из мелких камней, залитых раствором известки. Там, где стена не уцелела, ее линия прослеживается по выемкам «постелей». Реконструкцию системы оборонительных сооружений Эски-кермена осуществил крымский археолог Е. В. Веймарн, доказавший, что стена окружала город по всему краю плато, отсекая с севера примерно третью часть его, оставшуюся незастроенной: возможно, она предназначалась для скота, а также для рынка. Аналогичная особенность имеется и на Чуфут-кале. На сохранившихся участках стены прослеживаются пять рядов кладки, заканчивающихся шестым рядом больших плит, положенных плашмя и перекрывающих всю толщу стены с забутовкой, слегка нависая по краям.¹³⁶ Эски-керменские стены, по мнению Д. Л. Талиса, — уникальное явление в Крыму, ибо только здесь сохранились остатки раннесредневековых стен вместе с их завершением в виде горизонтальных перекрывающих плит.¹³⁷ Высота стены в 2,80 м при наличии отвесного обрыва под ней была вполне достаточной.

Пещерные казематы

Скалистые мысы, выступавшие за линию обороны восточного обрыва как бы в виде природных «башен», также были использованы: вырубленные в них пещеры с бойницами явно служили казематами для воинов и позволяли держать под перекрестным обстрелом

¹³⁶ Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-кермена (опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. — М., 1958. — С. 7–54.

¹³⁷ Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М. - 1974. — С. 153–168.

"мертвую зону", прилегающую к обрывам. «Башни» расположены на довольно близком друг от друга расстоянии. С площадок плато к ним ведут вырубные лестницы, помещения в них сообщаются переходами, в сторону обрыва пробиты ряды бойниц разной величины: более крупные — для скатывания камней, меньшие — для стрельбы из лука. На верхних площадках скалы помещались более крупные орудия — каменёты. Снаряды для них в виде круглых ядер найдены при раскопках. Веймарн насчитывает шесть таких мысов-башен с пещерными комплексами — казематами.

Дозорный комплекс

Поднимающееся к северу плато Эски-кермена заканчивается мысом, отделенным от массива городища седловиной. Здесь сохранились остатки еще одного участка обороны — так называемого "дозорного комплекса". Сильно стершиеся ступени вели на седловину, к северному выходу в крепость. Спустившись по лестнице, надо идти вдоль скалы по западной стороне расщелины и, отыскав в зарослях вход, ведущий на отдельно стоящую скалу, подняться по вырубной лестнице. Лестница начинается от дверного проема, вырубленного в подножии скалы на уровне седловины; дверь открывалась внутрь и запиралась брусом. По ходу лестницы справа вырублены две пещеры с амбразурой и бойницами. На стенах встречаются высеченные кресты с расширяющимися концами, характерные для «доиконоборческой» эпохи. Через люк лестница приводит на верх скалы, на площадку, где видны следы небольших круглых отверстий, в которых крепились деревянные стояки парапета. На северном конце площадки над обрывом имеется прямоугольная вырубка, а симметрично ей, на противоположном обрыве — еще такая же. Видимо, здесь в древности перекидывались деревянные мостки для сообщения с недоступной ныне северной оконечностью горы. С площадки "дозорного комплекса" открывается величественный вид на весь район предгорья, подступы к городищу и северной части огибающих его балок.

Осадный колодец

Одно из достопримечательных, можно сказать, уникальных сооружений Эски-кермена — его осадный колодец, расположенный у самого края восточного обрыва, в средней его части. Он был создан одновременно с городом как важнейшая часть его системы обороны. В толще скалы вырублена круто уходящая вниз лестница в шесть маршей, каждый из которых заканчивается площадкой, освещенной окном. 95 ступеней лестницы переходят в галерею длиной около 10 м, где с потолка просачивалась вода. В раннее время существования города ее накапливалось до 70 кубометров, так что водой были залиты шестой и пятый марши лестницы. По-видимому, враг, разрушивший городские стены, сделал пролом во внешней стене, в результате чего колодец утратил свое значение. Уровень воды понизился, а последние ступени стесаны. Из колодца на поверхность вода извлекалась исключительно вручную. В мирное время город пользовался водопроводом из керамических труб, подводивших воду за четыре километра от родников соседней возвышенности.

Само городище усеяно множеством поросших лесом и кустарником холмиков, прикрывающих остатки разнородных построек, среди которых без труда прослеживается направление главной и боковых улиц. Культурный слой здесь весьма значителен, местами достигая 4 м мощности. Раскопками вскрыты остатки нескольких жилых домов у восточного обрыва: мощный слон золы говорил о гибели их от пожара. Дома были, по-видимому, двухэтажные, как и в Чуфут-кале, с нижним каменным и верхним деревянным этажом, перекрытые черепицей.

Базилика

На самой вершине плато, куда через заросли ведет основная тропа, находилась

площадь с базиликой, построенной из тесаного камня одновременно с городом, предположительно в VI в. "О былом значении и славе Эски-кермена, — писал М. Броневский, — свидетельствует храм, украшенный мраморными и серпентинными колоннами, хотя он повержен на землю и разрушен".¹³⁸ Базилика была раскопана в 1930 г. Археологи установили, что это было прямоугольное в плане здание с тремя далеко выступающими на восток апсидами, снаружи пятигранными, внутри — полукруглыми: они были отгорожены от остального пространства церкви каменным иконостасом, от которого сохранились обломки, покрытые узорной резьбой в виде плетенки. Колоннами здание разделялось на три нефа, потолок был деревянный, кровля черепичная. Исследователи отмечали отсутствие сходства базилики с херсонесскими храмами: ряд конструктивных приемов, напротив, наводил на мысль о родстве ее с малоазийским зодчеством, чье культурное влияние ощущалось в Крыму во все исторические эпохи.

Отмечая большое сходство квадратной кладки боевых стен, аналогию в устройстве пещерных казематов, хорошо увязанных с наземными укреплениями, крымский археолог Д. Л. Талис сделал вывод об одновременном сооружении их византийскими строителями или при их участии, "а использовались они местными правителями в интересах, совпадающих в период строительства с целями византийской администрации".¹³⁹ Оценивая оборонительные сооружения Эски-кермена, автор первых раскопок Н. И. Репников отметил: "Оборона города на всем протяжении задумана с тонким пониманием местных условий, что позволяет видеть в авторе проекта опытного военного инженера".¹⁴⁰

Высказывалось предположение, что Эски-кермен как крепость был построен сразу, "в порядке государственного мероприятия", пришедшей строительной артелью".¹⁴¹

Храм донаторов

Неподалеку от Эски-кермена, в ущелье к западу от Кыз-куле, там, где находилась когда-то деревня Черкес-кермен (потом Крепкое, ныне не существует), в одной из скал высечена небольшая пещерная церковь, известная как "храм Донаторов". К нему через скалистую площадку в расселину ведет вырубная лестница, по сторонам которой высечены гробница и усыпальница. Вход в храм с юга, в южной стене — окно, освещавшее храм и апсиду. На стенах храма сохранились фрагменты фресковой росписи. Особенно интересны фрагменты композиции, изображавшей донаторов — лиц, на чьи средства устроен храм — в узком аркосолии западной стены. По бокам святого в нимбе изображены слева — донатор с бородой, в шапке с меховой опушкой и красным матерчатым верхом, слева — женская фигура в остроконечном головном уборе, с серьгами в ушах. Роспись датируется первой половиной XIV в.

VII. «ПЕЩЕРНЫЕ» КРЕПОСТИ И МОНАСТЫРИ

*Да одиноко городища
Чернеют жутко средь степей,*

¹³⁸ Броневский Мартин. Описание Крыма // ЗООИД. - 1887. — Т. 6. — С. 335.

¹³⁹ Талис Д. Л. Указ. соч. — С. 95.

¹⁴⁰ Репников Н. И. Указ. соч. — С. 153.

¹⁴¹ Шмит Ф. И. Эски-керменская базилика // ИГАИМК. - 1932. — Т. 12. — Вып. 1–8. Готский сб. — С. 213–254.

*Забывших дел, умолкших дней
Ненарушимые кладбища...
М. А. Волошин*

Среди "пещерных городов" численно преобладают сравнительно небольшие поселения, до «ранга» города не дотянувшие. Это крепости-замки, располагавшиеся на высотах, господствующие над окрестными долинами. Они возникали как укрытия для жителей открытых поселений, постепенно превращаясь в резиденцию местного князька. Это также «пещерные» монастыри, не имевшие оборонительных сооружений, основанные монахами-иконопочитателями, бежавшими из Византии от притеснений светской власти в VIII–IX вв.

Они расположены обычно в живописном урочище, и, будучи органично слиты с ним, возбуждают двойное удивление — красотой местности и умением человека так расположить свои жилища, чтобы ни в чем не нарушить этой красоты.

Тепе-кермен и Кыз-кермен

К юго-западу от Бахчисарая находятся две горы с почти схожими, издали напоминающими усеченный конус вершинами. Но расположенные на них городища очень непохожи друг на друга: одно из них — Кыз-кермен — практически не имеет пещерных сооружений, если не считать пещеры в восточном обрыве: зато на Тепе-кермене — не менее 250 высеченных в скале пещер, усеивающих его скалистую макушку в несколько ярусов.

"Алтари в пустыне" К. Ф. Богаевского

Попасть на Тепе-кермен можно из Бахчисарая, минуя Чуфут-кале, по тропе, выводящей через караимское кладбище на плато, далее по лесной дороге и затем по тропе, круто уходящей влево и вниз по скалистому склону в лес. Она приводит на ровную поляну, посреди которой возвышается усеченный конус поросшей лесом горы, увенчанной скалистой вершиной. Вид этой горы удивителен, откуда бы на нее ни смотреть — издали, с плато, когда она как остров тонет в туманно-сиреневых далях на фоне гор Главной гряды, или вблизи, где правильность ее очертаний, контрастное сочетание покрытых лесом склонов и отвесных скал макушки, загадочность пещер будят фантазию и воображение. Именно зарисовки с природы Тепе-кермена послужили К. Ф. Богаевскому основой для картины «Жертвенники». Одни из вариантов рисунка изображает две одинаковые пирамидальные вершины — это, несомненно, зарисовка вершин Тепе-кермена и, на втором плане — Кыз-кермена. Художник назвал рисунок "Алтари в пустыне", имея в виду один из разделов стихотворного сборника своего друга — поэта М. А. Волошина и одноименное стихотворение, где есть строки:

Я поставлю жертвенник в пустыне
На широком темени горы.

Поэт писал в нем о языческом поклонении Солнцу, а художник увидел в стройных очертаниях Тепе-кермена подножие такого алтаря. Правда, в окончательном варианте картины художник существенно отошел от натуральных зарисовок — перед нами не одна, а три одинаковые вершины, более вытянутые, похожие на пирамиды и на вулканы одновременно. Реальный по сути пейзаж стал одновременно картиной жизни то ли природы, то ли давно прошедших, но важных для становления человеческого духа эпох.

Пещерный храм и пещеры Тепе-кермена

Городище Тепе-кермен расположено на вершине горы-останца высотой 534 м над уровнем моря и 225 м над окружающей местностью. Склоны ее поросли лесом с запада и

северо-запада, остальная часть безлесна. С северо-востока наверх ведет единственная тропа. Здесь находится пещерная церковь VIII–IX вв., весьма своеобразная по интерьеру. Ее размеры — 4,5 x 10,5 м, причем внутреннее пространство вытянуто в длину не как обычно, от входа к алтарю, а вдоль него. Молящиеся размещались полукругом перед выступающим внутрь храма алтарем, окруженным шестью грубо высеченными из цельного камня колоннами, из которых полностью уцелели три; на наружных стенках нижней части алтаря высечены большие кресты; выступ в глубине алтаря, под окном, служил жертвенником. У юго-восточной стены храма — две высеченные в полу гробницы, над ними — остатки греческой надписи, в углу — баптистерий в виде каменного ящика с крестообразной выемкой. В пещере ниже церкви исследователи начала века находили много человеческих костей: очевидно, это был могильник, куда складывали по древнему обычаю кости, вынутые из гробниц. Своеобразное решение внутреннего пространства пещерного храма роднит его с аналогичными сооружениями областей Малой Азии (Анатолии, Сирии). Поскольку носителями этих традиций были иконопочитатели, бежавшие на окраины империи, особенности тепекерменской церкви могут служить косвенным доказательством их пребывания здесь. Очевидно, в период создания храма Тепе-кермен был уже заселен, а городище укреплено. И хотя следов крепостных стен пока не обнаружено, такой вывод может быть сделан из наличия на Тепе-кермене пещерных казематов, аналогичных мангупским и эскикерменским, что свидетельствует о существовании каких-то общих принципов в организации обороны.

Раскопками вскрыты некоторые следы существования наземных построек на плато: большой дом из четырех помещений, в каждом из которых — вырубки для установки пифосов; меньших размеров помещение с лестницей из штучных блоков, время сооружения которого определено XII в., а верхняя кладка из тесаного камня — XIV в. Неподалеку была найдена пластина с изображениями святых. У южного края плато заметен фундамент небольшой часовенки с полукругом апсиды из массивных, грубо отесанных каменных блоков. Само название Тепе-кермен — замок или крепость на горе — говорит о том, что на плато находилось укрепление, однако раскопки пока не дали полной картины жизни городища. Зато пещеры Тепе-кермена, наиболее сохранившие следы былой жизни на горе, являют собой едва ли не все многообразие типов, встречающихся в пещерных городах. Наиболее полное обследование пещер Тепе-кермена было предпринято в 1912 г. Крымским обществом естествоиспытателей и любителей природы, а результаты его были обобщены Н. А. Боровко в работе, которая "по полноте иллюстративного материала (фотографии, планы, чертежи), охватывающего едва ли не все пещеры этого города, нужно отдать ей справедливость, представляет исключительное явление в литературе о пещерных городах".¹⁴² Установлено реальное количество имеющихся на сегодня пещер — 250, дана их классификация по форме.¹⁴³ Самые крупные пещеры со входом во всю ширину, составляющие примерно половину всех пещер, Боровко причислил к самым ранним: внутри имеется обычно нечто вроде «завалинки», с углублением, напоминающим ясли, верхний край которого иногда приподнят и снабжен дырами словно для привязи скота. Часто встречаются в таких пещерах "каменные кольца" — так приходится называть, — пишет Боровко, — высеченные в стенах, потолке уступы с дырами, очень напоминающими отрезки кольца, вставленные своими концами в каменную массу".¹⁴⁴ Пещеры с входом в виде люка, находящиеся на вершине плато, производят впечатление погребов наземных сооружений, за

¹⁴² *Равдоникас В. И.* Пещерные города Крыма и Готская проблема // ИГАИМК. - 1932. — Т. 12. — Вып. 1 — 8. Готский сб. — С. 29.

¹⁴³ *Боровко Н. А.* Тепе-кермен — пещерный город в Крыму // ЗКОЕЛП. - 1913. — Т. 3. — С. 117.

¹⁴⁴ *Боровко Н. А.* Указ. соч. — С. 118.

исключением нескольких, служивших цистернами для сбора воды. Пещеры с «дверью», которых насчитывается 57, - это маленькие помещения без окон. Отмечает он также и несколько самых маленьких — ниже человеческого роста — и самых «непонятных» пещер со входом-"дверью", расположенных с противоположной стороны горы.

Гипотезы о происхождении пещер

На юго-западе скала выдается в лес уступом: обогнув ее и двигаясь к югу, встречаем самую крупную пещеру. Перед ней естественная терраса, в левом конце которой вход в виде двери: против входа — выступ с нишей, над ними, по обе стороны — две нитеобразные выемки. По словам Боровко, "некоторые принимают ее за пещерный храм, но не христианский".¹⁴⁵ Разбирает Боровко и основные гипотезы о происхождении пещер. Первая приписывает их образование "народу глубокой древности", «троглодитам» Страбона: эту точку зрения высказывали Дюбуа де Монпере, Д. Струков, Г. Караулов. Другие приписывают крипты христианам, спасавшимся от гонений, иконопочитателям (Паллас и др.). Согласно третьей гипотезе, высказанной немецким ученым Тунманом в 1777 г., Тепе-кермен — это кладбище глубокой древности. "Тепе-кермен, то есть замок горной вершины, — писал он, — высокая, отдельно стоящая гора в виде сахарной головы... на вершине которой еще и теперь видны остатки крепости, по-видимому, глубочайшей древности. Вся скала покрыта бесчисленным количеством гротов и пещер, расположенных в особом порядке, почти как колумбарии древних. Можно думать, что их назначение и было служить местами погребения".¹⁴⁶

Интересно, что Тунман упоминает руины крепости на вершине. Сегодня о ее существовании говорят только остатки «постелей» боевой стены, которые вместе с вырубленными в скале верхними маршами дороги свидетельствуют о продуманной системе укреплений, вполне типичной для раннесредневековых крепостей Внутренней гряды — Эски-кермена, Мангула (на мысе Тешкли-бурун) и др. В этом случае можно рассматривать пещеры над верхним маршем дороги как "пещерные казематы", входившие в систему обороны, а сам Тепе-кермен как феодальный замок раннего средневековья, возможно, возникший на территории укрепленного убежища, с примыкавшим к нему сельским поселением, к которому принадлежали пещеры восточного и юго-восточного склона.

Кыз-кермен

Спустившись с Тепе-кермена и свернув налево по проселочной дороге, выйдем на узкий южный отрог ближайшего плато, на котором находится городище Кыз-кермен — Девичья крепость. С трех сторон оно ограничено почти отвесными обрывами, а с севера соединено с плато узким перешейком, где проходила оборонительная стена, которая прослеживается по покрытому дерном развалу камней длиной 130 м. Древняя колесная дорога с глубокими колеями подходит к стене у самого восточного обрыва, где наверное были ворота, а у западного, видимо, находилась вылазная калитка: вблизи от нее — спуск в ущелье по вырубной лестнице. В 1961 г. археолог А. Л. Якобсон раскопал здесь остатки жилых и хозяйственных строений, принадлежавших поселению VIII–IX вв. В ряде мест городища видны остатки высеченных в скале виноградавилен. Кыз-кермен по размерам площади, обнесенной стеной, почти не уступал Чуфут-кале и Эски-кермену: так же как и у этих городов, здесь сохранялась обширная незастроенная территория, отделенная от города внутренней стеной необоронительного характера и ныне густо заросшая лесом. В мирное

¹⁴⁵ Боровко Н. А. Указ. соч. — С. 132.

¹⁴⁶ Тунман. Крымское ханство. — Симферополь, 1991. — С. 34.

время это внутреннее пространство могло служить местом стоянки караванов и рыночной площадью, а в военное — местом загона для скота и укрытия сельского населения ближайшей округи. Короче говоря, Кыз-кермен с момента своего возникновения в V в. располагал всеми необходимыми условиями для превращения в значительный по тем временам город, и этому способствовало его расположение на древних путях, ведущих через долину Качи, перевал Кибит-богаз в Алуштинскую долину, то есть на Южный берег, и на пересечении этих путей с главной торговой трассой, ведущей из степей к Херсонесу. Однако жизнь в городе прекратилась в конце IX в.: вероятно, его разрушили хазары.

Легенда

О Кыз-кермене и Тепе-кермене существует легенда. Согласно ей, Кыз-кермен был некогда хорошо укрепленным торговым городом. Правил им князь, которому во всем помогала красавица дочь. А князь и дружина соседнего Тепе-кермена непрестанно чинили обиду городу, грабя торговые караваны, пытаясь подчинить себе его жителей. Чтобы восстановить мир, старейшины Кыз-кермена решили поженить дочь князя и наследника замка. Молодые согласились, но между ними возник спор: молодой князь потребовал, чтобы невеста пришла в его замок, однако девушка была горда и считала, что вначале князь должен явиться к ней. Порешили на том, что через овраг, разделяющий Кыз-кермен и Тепе-кермен, будет сооружен мост, посередине которого и встретятся молодые. И вот в сопровождении свиты вступили они на мост, но дойдя до его середины, девушка, вспомнив старые обиды, выхватила кинжал и убила жениха. Дружина князя зарубила ее, и вновь разгорелась вражда между городом и замком. А мост развалился: огромные камни, из которых он был сложен, как гласит легенда, и сейчас еще разбросаны по оврагу, разделяющему оба городища. Легенда эта, как и многие крымские легенды, многослойна: здесь и отголоски матриархата с его более независимым положением женщины в обществе (наша героиня участвует в делах управления и владеет оружием, не соглашается подчиниться власти мужа); здесь и свойственные раннему средневековью противоречия между интересами торгово-ремесленного населения города и феодальными раздорами; здесь, возможно, и память о землетрясении и причиненных им разрушениях.

Качи-кальон

Качи-кальон находится в 8 км к югу от Бахчисарая. Как и все "пещерные города", он расположен на отроге Внутренней гряды на высоте 450–510 м над уровнем моря. Из Бахчисарая сюда можно приехать автобусом до села Предущельного.

Миновав скалу Таш-аир, за родником, вытекающим из-под огромной глыбы, вновь выходим на шоссе. Вскоре показывается похожая отсюда на нос корабля скала Качи-кальона, наверху изрезанная трещинами, образующими изображение огромного креста. Отсюда — одно из объяснений названия скалы — "крестовый корабль". О Качи-кальоне не сохранилось письменных свидетельств, археологически он мало изучен, и дошедшие до наших дней предания о том, что здесь когда-то находилось языческое капище "с истуканом того же имени", по словам известного крымоведа В. Х. Кондараки,¹⁴⁷ возможно, правдивы. Впрочем, зрелище Большого грота с вытекающим прямо из скалы источником и растущим перед ним вековым деревом вряд ли кого может оставить равнодушным. Мало найдется на земле мест, которые бы с большим основанием заслуживали названия храма в полном смысле слова, но воздвигнутого самой природой. Еще большее впечатление он должен был производить на наших предков, поклонявшихся скалам, деревьям, источникам. Следы языческих верований сохранились здесь до последнего времени: еще и сегодня на ветвях

¹⁴⁷ Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. — СПб., 1875. — Ч. 1. — С. 1–234.

старой черешни завязаны узелки из лоскутков ткани. По-видимому, не случайно возник здесь монастырь: христиане нередко сооружали храмы и часовни в местах, почитаемых язычниками святыми.

Поселение

Тропа, поворачивающая вдоль скалы к юго-западу, приводит на территорию поселения, усеянную множеством обломков скал, оторвавшихся от основного массива и заваливших крутой склон к реке. В скальных глыбах вырублены помещения, тарапаны, часовни с гробницами; встречается много высеченных крестов различной формы — вписанных в круг, с простым или двухлопастным расширением на концах. От "носа корабля" — начала скального массива — некогда шла в юго-западном направлении оборонительная стена, сложенная из тесаных известняковых блоков с включением лежавших на ее пути скальных глыб. Она изображена на рисунках путешественников XIX в. Остатки стены прослеживаются вплоть до церкви, высеченной в большом, отдельно стоящем обломке скалы. Размеры ее невелики — 4 x 2,5 м, ориентация на юго-восток. На сохранившейся фотографии видны деревянные навесы над двумя входами (один из них ведет в алтарь) и деревянные двери. В нише над первым входом вырезан равноконечный крест. Внутри церкви вырублены скамьи для прихожан, и несколько гробниц; полукруглая апсида некогда была отделена деревянным иконостасом. Поблизости от церкви — несколько «однорогих» надгробий, остатки кладбища, окружавшего храм. В обломке скалы за церковью некогда была усыпальница, позднее переделанная в виноградодавильню.

В Качи-кальонском каменном массиве скопления высеченных в скале пещер сосредоточены вокруг пяти огромных естественных гротов. Первый, обращенный к западу грот, сильно завален обломками скалы; искусственных пещер в нем нет, зато в стенках и полу множество вырубок для укрепления деревянных балок и стояков от примыкавших к скалам построек. Отдельные пещерные помещения и давильни для винограда (не менее 120!) разбросаны по всей немалой территории Качи-кальона. Встречаются и одичавшие виноградные лозы, которые, видимо, привольно себя чувствовали на согретом солнцем юго-восточном склоне. Вместе с виноделием, приносившим, должно быть, немалые прибыли, процветало и гончарное производство тары для него — всевозможных амфор и кувшинов, а также кровельной черепицы.

Укрепление

Между первым и вторым гротом расположен пятирусный комплекс пещерных помещений, числом более пятидесяти, вырубленных в отвесном обрыве. Все они соединялись между собой террасами, переходами и лесенками, частично сохранившимися. В полу вырублены зерновые ямы и тарапаны. Во втором гроте, как и в первом, сохранилось много следов деревянных сооружений, но искусственных пещер нет. Их довольно много между вторым и третьим гротами. В третьем гроте появляются высеченные пещеры; одна из них служила церковью, причем ее наружная стена была сложена из камня. На стенах — кресты, выведенные красной краской и высеченные в скале. Между третьим и четвертым гротами — более 30 пещер. Не доходя до четвертого грота — большой выступ скалы, на котором когда-то размещалось укрепление. С северо-запада мыс ограждала стена метровой толщины из тесаного камня, которая хорошо просматривается снаружи. В западной части стены была прямоугольная башня, а ближе к массиву скалы — ворота шириной 2 м, с ведущим к ним коридором, от которого сохранились камни основания. Построена башня, судя по разведочным раскопкам, не ранее X в., однако встречаются отдельные находки VII–VIII вв. Значительная часть мыса занята кладбищем, сохранились надгробия двух типов — двускатные плиты с продольными гранями и длинные, с своеобразной «башенкой» на одном конце, в которой сделана ниша. На нескольких из них — узор из плетенки, звезд и

розеток. Гробницы, на которых поставлены эти надгробия, сложены из каменных плит в виде «ящика».

Несколько крупных обломков скалы хранят остатки высеченных в них церковных сооружений: в одном из них вырублена ниша и в ней «процветший» крест, типа тех, что переходили внизу в изгибы стилизованной виноградной лозы, — символ, на редкость уместный в Качи-кальоне с его винодельческим хозяйством! Рядом помещенье покрупнее, по всей северной стене которого сохранилась высеченная скамья. Над ним заметны остатки миниатюрной часовенки с гробницей.

Грот с источником

За укрепленным мысом находится четвертый, самый большой грот Качи-кальона с источником св. Анастасии, вода которого почиталась целебной, что, видимо, еще с языческих времен привлекало сюда паломников. Это удивительное по величию и грандиозности творение природы. Подобно сводам готического храма где-то немыслимо высоко над головой смыкаются скалы. Освещение в гроте мягких теплых тонов: желтоватого цвета каменные стены приглушают яркость солнечных лучей. Основание грота узко — часть его обрушилась от времени, и крутизна обрыва, хаос обломков внизу, еще более усиливают ощущение головокружительной высоты. Начиная от основания и выше в несколько ярусов высечены пещеры. В центре — ниша, где прямо из скалы сочится вода, выдолбившая глубокую чашу в камне; над источником высечен большой крест с расширенными концами. Чуть ниже из расщелины поднимается старое черешневое дерево, выросшее буквально на голой скале и, видимо, питаемое водами источника.

Внизу под гротом, на усеянном обломками скал склоне, в котором высечены пещеры и виноградодавильни, существовало селение, видимо, тоже огражденное стеной, составлявшей вместе с вышеописанным укрепленным скальным мысом единый комплекс. Сумароков, посетивший Качи-кальон в конце XVIII в., увидел здесь "валяющиеся по скату во множестве, тесанные продолговатыми четверугольниками большие камни, отделанные карнизы... уцелевшие остатки разрушенной церкви... Один греческий монах, отыскав признаки сего храма, испрошенною милостыней починил и превратил оной в часовню".¹⁴⁸ В одной из отдельно стоящих скал видны остатки небольшого храма с гробницей. Неподалеку — развалины церкви, пристроенные к апсиде, высеченной в скале: это древняя церковь св. Анастасии, пришедшая в упадок от времени и возобновленная в середине XIX в. по инициативе архиепископа Иннокентия, который приписал ее к Успенскому монастырю.

Храм Иоанна Предтечи

По сохранившимся документам известно, что Качикальонский монастырь, как и некоторые другие монастыри и церкви Юго-западного Крыма, в годы владычества Гиреев получал материальную помощь от русского государства, которое тем самым поддерживало связи с местным христианским населением. Среди прочих упомянута и церковь Иоанна Предтечи в деревне Бия-сала (Верхоречье), расположенная в шести километрах от Качи-кальона вверх по реке. От жителей этих мест сохранились кладбища со старинными надгробиями XVIII–XIX вв. самых разнообразных форм. Здесь же находятся руины церкви Иоанна Предтечи XIV в., от которой уцелели одна алтарная апсида и фундаменты. Находившаяся в апсиде роспись, ныне перенесенная в музей, представляет немалую художественную ценность как по исполнению, так и по композиции: изображен весьма редкий и архаичный сюжет "Поклонение жертве".

¹⁴⁸ Сумароков П. И. Досуга крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. В 2 т. — СПб., 1803 и 1805.

Монастыри Шулдан и Челтер

Вдоль древнего пути из Мангупа в порт Каламиту можно осмотреть остатки двух средневековых монастырей. Дорога идет у западного подножия горы Мангуп по ущелью Ураус-дере, затем сворачивает направо, в Шульскую долину, к селу Терновка. Не доезжая села, к северу от дороги, над верхним краем лесистого склона, в скальном обрыве издали можно видеть высеченные в нем пещеры: это монастырь Шулдан, возникший, вероятно, в VIII в. По склону, заросшему лесом, зигзагообразно поднимается дорога на плато; отсюда направо, вдоль скального обрыва ведет к монастырю сильно заросшая тропа. В ближайшем естественном гроте, видимо, был источник: об этом говорит отверстие в скале, выточенные водой желобок и выемка в виде чаши. Сегодня вода выбрала себе другой путь — источник пробивается из земли несколько дальше и ниже. В следующем гроте произошел крупный обвал вместе с имевшимися в нем пещерами, в правом углу повисли остатки каменной лестницы, некогда ведущей в храм. Следуя дальше вдоль скалы, попадаем в лабиринт пещер, естественного и искусственного происхождения и затем по ступеням неожиданно выходим в верхний ярус — своего рода «балкон», круто обрывающийся вниз, откуда открывается великолепный вид на Шульскую долину. Слева находится высеченная в скале базилика правильной формы с нартексом, отделенным двумя колоннами, от которых остались каменные основания, с коробовым сводом и центральной апсидой, вдоль полукружия которой идет двухъярусная скамья с епископским креслом в алтаре. На стенах еще различимы следы росписи, которую датируют XII–XIII вв. С южной стороны к храму примыкает придел с купелью в апсиде, с окном в сторону «балкона» над обрывом. В полу рядом с купелью — огромная зерновая яма, явно здесь неуместная и, возможно, высеченная раньше устройства крещальни. Вообще создается впечатление, что храм как бы «вторгся» в ранее существовавший пещерный комплекс: вокруг него — пещеры явно местной работы с насечкой на стенах, округло-неправильной формы, расположенные вдоль ведущей в храм лестницы с каменным парапетом, ныне повисшей высоко над землей, так как ее нижняя половина обрушилась.

За Терновкой, также к северу от дороги, издали угадывается по «черным дырам» в отвесной скале значительный по размерам монастырь Челтер, насчитывающий более 50 пещер, расположенных в 4 яруса. Подъем «в лоб» по весьма крутому склону приводит к нижней галерее почти одинаковых пещер; затем тропа забирается выше, приводя к огромному помещению, вдоль южной стороны которого расположены пять грубо высеченных из цельной скалы колонн, между которыми оставлены каменные перемычки. Почти треть помещения с западной стороны занята «помостом», который некоторые считают гигантской виноградавиной — тарапаном. Восточный край пещеры обработан в виде небольшого христианского храма с коробовым сводом и апсидой. Вдоль края скалы можно видеть несколько больших зерновых ям с тщательно обработанными стенками, по форме напоминающими внутренность пифоса; внимательно присмотревшись к поверхности скалы, можно увидеть канавки, отводившие дождевую воду от зерновой ямы, направляя ее в рядом расположенный высеченный в скале водоем. Из этой пещеры, напоминающей языческое святилище как размерами, так и «колоннадой», тропа выводит по скале в пещеры верхних ярусов; в самом ее начале наверху виден высеченный в нише крест, в самих же пещерах немало каменных «проушин» на стенах и потолках. Во время археологической разведки, проведенной в довоенные годы, были выкопаны пифос и обломки керамики XI–XII вв. Оба монастыря подверглись разгрому во время монголо-татарского нашествия, но, вероятно, продолжали существовать и позднее.

Особую важность в условиях усиления мусульманства приобретали сохранявшиеся очаги греческого православия, и прежде всего христианские монастыри Юго-западного Крыма, расположенные в самом сердце Крымского ханства, неподалеку от Бахчисарая. Крымским монастырям, как известно из московских жалованных грамот конца

XVI–XVII вв., ежегодно выплачивалась субсидия (руга), а греческие монахи часто ездили в Москву "за милостыней".¹⁴⁹ Поступая так, русское правительство проявляло немалую политическую дальновидность: в сложных дипломатических отношениях с Крымским ханством важно было иметь как источник политической информации в самом ханстве, так и опору среди местного населения. Вместе с тем эта поддержка в немалой мере способствовала выживанию центров старой греческой православной культуры.

Бакла

На дальней северо-восточной оконечности Внутренней гряды расположено городище Бакла. От села Скалистого проселочная дорога идет вдоль гряды и затем, отклоняясь влево, тенистой лесной тропой через 2,5 км приводит к подножию утеса, расположенного в два яруса. На террасе между ними, на высоте 310 м над уровнем моря расположилось раннесредневековое поселение Бакла. Тропа поднимается по крутому склону, покрытому сочной зеленью весенней травы и порослью низкорослых деревьев и кустарников, в цепких скрюченных ветках которых запутались скатившиеся с горы камни. Наверху, в изломе скалы, неширокой светлой полосой окаймляющей зеленый склон, тянутся вырубленные в известняке в два яруса разнообразные пещеры. Поднявшись по тропе к пещерам, в глубокой тишине, царящей здесь, внезапно различаешь звук мерно падающих капель: это в самом изломе скалы сверху, с обрыва тонкими бисерными нитями просачивается вода от источника, который прячется где-то выше в зарослях. Тропа вдоль скал приводит на плато, на котором, отступая далеко от края, высится второй ярус обрыва, оглаженный сверху наподобие гигантского вала. Двигаясь по этой террасе по самому краю первого обрыва в восточном направлении, всюду замечаешь следы жизни, глубоко врезавшиеся в камень: это могилы, желоба для сбора воды, виноградадавлини — тарапаны, ступени, ведущие сверху в пещеры, и — в огромном количестве — зерновые ямы с гладко отесанными стенками, с горловиной, аккуратно опоясанной желобком, чтобы в нее не подтекала вода. Видимо, они хранили в свое время немалый урожай, который собирали жители здешних мест — земледельцы и виноградари. Одичавшие плодовые деревья, буйно цветущие весной, говорят о том, что терраса была покрыта садами. Раскопанный в 1958–1960 гг. экспедицией украинских археологов во главе с Е. В. Веймарном, Скалистинский могильник дал богатейшие сведения о быте и занятиях обитателей окрестных долин. Всего исследовано свыше восьмисот погребальных сооружений, в основном склепов, в которых хоронили с IV по IX век. Вещи из могильника представлены в экспозиции историко-археологического отдела Бахчисарайского музея. Это великолепные бронзовые пряжки разных форм, фибулы, кольца, кресты, посуда из керамики и стекла. Особенно хорош изящный стеклянный кувшинчик и стаканчики к нему. Населяли округу сармато-аланы, частично, возможно, готы, занимавшиеся виноградарством и земледелием; в культуре их продолжали сохраняться позднеантичные традиции.

Городище

Но вот мы пришли к месту, где некогда находилось укрепление. Верхний уступ гряды здесь раздваивается и отступает, образуя треугольник: в нем, вплотную придвинутое к южному обрыву, расположено укрепленное городище Баклы. Систематическим изучением его с 1961 г. занимались сотрудники Государственного исторического музея (Москва) под руководством Д. Л. Талиса.¹⁵⁰ Проведенные ими раскопки позволяют представить себе в

¹⁴⁹ *Яacobсон А. Л.* Крым в средние века. — М., 1973. — С. 159–160.

¹⁵⁰ *Талис Д. Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1974. — С. 89–113, 153–168.

общих чертах облик городища, погибшего на рубеже XIII–XIV вв., вероятно, в результате татарского набега. Цитадель вытянута вдоль обрыва полосой, имеющей ширину 60 м и длину 200 м. По обеим сторонам ее расположено открытое поселение, где под дерном угадываются развалы камня, остатки жилых и хозяйственных построек. При раскопках обнаружены целые пифосы XII–XIII вв., стоявшие в специальном хранилище. Вне укрепления находилось здание базилики, сгоревшей примерно в X в.

Цитадель и ее особенности

Для сооружения оборонительных стен поверхность скалы была подтесана: полукруглый выруб указывает на место, где возвышалась башня. На северо-восточном участке цитадели находится весьма интересное сооружение — высеченный в скале тоннель — проход под боевой стеной, ведущий из цитадели в городище. Довольно широкий при входе (3,5 x 5 м) он, постепенно сужаясь, выходил на узкую и длинную площадку метра на три ниже поверхности скалы, где находилась цитадель. Площадка эта, ограниченная обрывом, вероятно, служила боевой позицией, здесь вполне мог существовать каземат. С этой же площадки вел ход наверх, в цитадель: он представлял собой узкий проход в скале с четырьмя ступенями.

В северном углу цитадели, в месте стыка двух куртин различимы остатки прямоугольной башни. С северо-западной и северо-восточной стороны цитадель была опоясана оборонительной стеной шириной около 3,5 м. Густая поросль деревьев и кустарников отмечает места, где развал стен перекрыт натекшей землей со сползавшим культурным слоем.

Боевые пещеры находились частью под западным участком цитадели и еще западнее. В некоторые из них с поверхности вели люки, в другие — высеченные в скале лестницы. Здесь несли дозор и вели фланговый обстрел наступающего неприятеля. Другие пещеры использовались в хозяйственных целях.

Хорошим или плохим было расположение Баклинского укрепления? Ведь с обеих сторон над террасой, где оно находилось, возвышалась на высоту 12–16 м гряда, с которой вся цитадель, не говоря уже об остальной площади поселения, была видна как на ладони, и легко обстреливалась. Поэтому ее едва ли можно счесть гнездом феодала, крепостью, выстроенной для господства над окружающим населением. Если же она создавалась как убежище, то стратегическая позиция выглядит иначе: уступы горной гряды, высящиеся над городищем, образуют очень хорошее прикрытие от взоров пришельцев-кочевников. Для двигавшихся с севера Баклинская крепость практически не видна. Чтобы заметить ее, надо было подойти к ней вплотную. Стены ее могли выдержать осаду кочевников, исключая гуннов, владевших осадными приспособлениями.

Раскопки показали, что оборонительные стены перекрывают слои, относящиеся ко времени открытого поселения. Здесь в III–IV вв. существовало, по-видимому, винодельческое хозяйство. Об этом говорят множество тарапанов и найденные при раскопках пифосы. Самый первый пояс боевых стен был построен в V в. По мнению Д. Л. Талиса, "Баклинская цитадель, являвшаяся по первоначальному назначению убежищем, не была воздвигнута византийскими строителями". Более того, есть немало оснований считать, что "она построена объединенными усилиями нескольких групп местного населения в период обострения угрозы внешнего нападения".¹⁵¹

Там, где верхний обрыв гряды далеко отступает от края террасы, на него легко взобраться и продолжить путь к востоку, оглядеть окрестности с высшей точки, отмеченной топографическим знаком. У подножия утеса — раскинувшиеся в долине поля; слева

¹⁵¹ Талис Д. Л. Указ. соч. — С. 113.

горизонт замыкает тающий в дымке величественный шатер Чатыр-дага, справа — стройный, легко узнаваемый силуэт Тепе-кермена, еще правее — плато Чуфут-кале. Вид горной страны, мягко окутанной сизой дымкой утреннего тумана, из которого кое-где вынырнули ярко освещенные солнцем верхушки, исполнены покоя и величия. Как-то по-особому остро улавливаешь неповторимое своеобразие этих гор: ведь именно здесь берут разбег постепенно повышающиеся вдоль линии горизонта гребни Внутренней гряды. Набегающие с севера как огромные окаменевшие волны, постепенно набрав высоту, они стремительно и круто обрушиваются вниз отвесными обрывами желтовато-белесых скал, растекаясь ближе к земле пологими зелеными склонами.

От каких планетных ураганов
Этих волн гранитная гряда
Взмыта вверх?
М. А. Волошин

Отсюда можно вернуться по северному пологому склону, незаметно переходящему в равнину, где даже трудно предположить, что за спиной у тебя остался обрыв, и сам ты только что побывал на горной вершине.

VIII. В СТРАНЕ ДОРИ

Не удивительно ли, что о целом, систематическим порядком устроенном ряде укреплений, существовавших не менее девяти столетий, история сохранила одне токмо известия случайныя, догадочныя?

П. И. Кетпен

Южный берег — это сравнительно узкая полоса черноморского побережья, отделенного от остальной части Крыма грядой гор, обладающая мягким, сухим климатом средиземноморского типа и соответствующей ему растительностью. Географически он протянулся от мыса Сарыч до мыса Меганом, исторически (как мы увидим ниже) его граница проходила примерно так же — от Балаклавы до владения генуэзского консульства Солдайи (Судака).

Красотам Южного берега посвящено немало пылких строк в стихах и прозе. После присоединения Крыма к России русские и зарубежные путешественники искали здесь прежде всего следы античности, романтически воспринимали его как некий уголок древней Эллады, или как частицу экзотического Востока. На смену «романтическому» освоению побережья в конце XIX — начале XX века пришло капиталистическое, и отношение к нему изменилось — Южный берег стали сравнивать с Ривьерой, знаменитейшим европейским курортом. "Русскую Ривьеру", увиденную некогда поэтом как "волшебный край, очей отраду", постарались сделать еще красивее с помощью дворцов, вилл и дач.

Вот уже два столетия украшая Южное побережье, современный человек склонен забывать о том, что в течение многих столетий этот край был вынужден себя защищать, что когда-то прибрежные утесы, скалы-отторженцы Главной гряды щетинились укреплениями и башнями. Костры жертвенников сменялись в случае опасности сигнальными огнями, видимыми издалека, ибо укрепления были расположены достаточно близко друг от друга, чтобы передавать сигнал по цепочке. Такой была «Тавроскифия», многократно воспроизведенная на полотнах К. Ф. Богаевского. И хотя художник рисуя романтизированный и обобщенный образ прошлого этих берегов, избегает конкретных деталей, его работы дают очень много для правильного понимания их подлинного исторического облика.

Мы уже упоминали, что Южнобережье было незнакомо грекам из-за «негостеприимства» тавров, неизменно дававших отпор всем чужеземцам. Очевидно, не последнюю роль в этом играла система обороны побережья. Скупые свидетельства о

существовании подобной системы, очевидно во многом унаследованной от предыдущих столетий, приносит нам раннее средневековье. К этому времени изменения, связанные с "великим переселением народов" и крушением античного мира, достигли и глухого угла южного берега: его этнический состав сильно изменился, теперь его населяли тавроскифы, аланы, готы, греки и т. д., происходил определенный сплав местных традиций с традициями, привнесенными извне.

Система укреплений Южного берега

Систему укреплений Южного берега, как ее самую оригинальную черту, едва ли не первым заметил Петр Иванович Кеппен (1793–1864) — замечательный русский ученый, географ и этнограф, собравший обширный материал о древностях края. Поселившись в Крыму, в Карабахе, неподалеку от Аю-дага, он подготовил труд "Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических", изданный в 1837 г. в Петербурге и не утративший научного значения до наших дней. Объехав Южный берег и опросив местных жителей, Кеппен убедился в существовании общей, "систематическим образом устроенной обороны", основанной на "точном знании местности". Начиная от Капель-горы к западу, на каждом мысе находились укрепления; на северных склонах Главной гряды при каждом горном проходе высилась крепость или башня. Там, где этого было недостаточно, по обе стороны Чатыр-дага проведена была стена, которая пересекала ущелье, преграждая путь вторжениям. "Укрепления строены народом образованным и искусным в деле военной обороны", — высказывает мнение Кеппен. Осторожный в выводах, он склонен был отождествить Южный берег со страной Дори, описанной в середине VI в. Прокопием Кесарийским и населенной в то время готами — союзниками империи; император, воздвигший укрепления в Алуште и Гурзуфе, в этом краю "не построил нигде ни города, ни крепости", но зато "укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами, и таким образом отвратил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов".¹⁵² Опираясь на собственные исследования линии древних укреплений на перевалах Главной гряды, Кеппен отождествил ее с "длинными стенами": "Слова Прокопия, кажется, доказывают, что в Готфии (на южном берегу Крыма) укрепления Алуштинское и Гурзуфское были построены (в VI в.) прежде других, с которыми они впоследствии времени составили единую цепь, и что нагорная стена, которой слабые следы донныне приметны вдоль по яйле, от дороги, ведущей от Ускюта в Карасубазар, до западной стороны Чатыр-дага, современна сказанным двум крепостцам".¹⁵³

"Длинные стены"

Остатки стен на перевалах между скалистыми обрывами южного берега Яйлы — Байдарском, Бузлукском и Тарпанбаирском — описаны замечательной исследовательницей Крыма М. А. Сосногоровой в статье, опубликованной в 1875 г. под названием "Мегалитические памятники в Крыму".¹⁵⁴ Не располагая материалом для датировки стен, она отнесла их к мегалитическим сооружениям, поскольку размеры глыб и примитивность кладки наводили на мысль об их глубокой древности.

¹⁵² Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. (Крымский сборник.) — СПб., 1837. — С. 30.

¹⁵³ Кеппен П. И. Указ. соч. — С. 27.

¹⁵⁴ Сосногорова М. А. Мегалитические памятники в Крыму // Русский вестник. — 1875. — Кн. 7. — С. 266–287.

Разведки на Яйле, проведенные в 50-е годы сотрудниками Института археологии АН УССР О. И. Домбровским и Е. В. Веймарном, подтвердили наличие остатков стен, описанных Кеппенем и Сосногоровой. "Ограждая перевалы и ущелья, они вместе с горной цепью создавали комбинированную систему укреплений, защищавших большую территорию, расположенную вдоль морского побережья", пишет О. И. Домбровский.¹⁵⁵ Она должна была защищать страну Дори с севера от кочевых племен. Сам прием заграживания ущелий и перевалов известен с древности: аналогичным образом была устроена система обороны на Кавказе.

В настоящее время укрепления на основных перевалах или сильно повреждены, или до основания разрушены, а камень растащен, и только незначительные следы, понятные лишь глазу археолога, свидетельствуют о былом существовании стены. Тем не менее отдельные участки их сохранились и вполне дают представление об их устройстве. Это были сложенные из необработанного камня заборы около двух метров толщины и различной длины — иногда более километра. Высота их, по-видимому, не превышала человеческого роста. Поставлены они так, что к противнику всегда обращен крутой склон: для защитников же стены всегда оставалась достаточно широкая площадка. На некоторых перевалах с особо сложным рельефом местности воздвигали порой несколько стен, умело дополнявших скалы и другие природные препятствия. Такие укрепления назывались "каменными замками" (Таш-хабах): примером может служить Таш-хабах-богаз на Караби-яйле, описанный еще Кеппенем и обследованный в 1956 г. вместе со стенами перевала Чигенитра-богаз над селами Рыбачье (Туак) и Приветное (Ускут), завершавшими систему обороны с востока.

В 1947 г. Е. В. Веймарн, руководя отрядом Тавроскифской экспедиции, обследовал одну из стен, упомянутых в "Крымском сборнике", перегораживающую ущелье к западу от Чатыр-дага. Она примыкает к западному отрогу Чатыр-дага — Эклизи-бурун, а с другой стороны — к крутому склону ущелья, отделяющего Чатыр-даг от горы Черной. Толщина ее равна примерно двум метрам, длина — километру. По строительным приемам она, по мнению Веймарна, напоминает кладку оборонительных сооружений Эски-кермена, относимых им к V–VI вв.¹⁵⁶

В районе Ангарского перевала между массивами Демерджи и Чатыр-дага, при впадении ручья Курлюк в Ангару, река и дорога зажаты в короткой, узкой теснине, пересекающей хребет, который соединяет выступ Долгоруковской яйлы с северо-восточными склонами Чатыр-дага. На западной, левобережной по отношению к Ангаре, части хребта местами еще сохранилась кладка стены. Сложенная насухо из необработанных глыб, она тянется на два километра, упираясь в чатырдагские скалы. Правобережный отрезок той же стены описан Кеппенем. Сегодня камень оттуда выбран до основания. Исследователь О. И. Домбровский различает в существовании стены не менее двух периодов: "В ее основании, — пишет он, — имелись кладки циклопического характера, а там, где они были еще в древности утрачены, а местами, возможно, и поверх них в средние века была поставлена новая кладка на цемянково-известковом растворе".¹⁵⁷

Существовала стена и на одном из перевалов напротив Гурзуфа, обнаруженная вблизи нее керамика относится к VI–VIII вв. Отнесение ее ко времени Юстиниана, то есть к VI в., подкрепляется тем обстоятельством, что стены, сложенные (или возобновленные) на цемянково-известковом растворе, расположены именно на тех перевалах, откуда могла угрожать непосредственная опасность Алустону и Горзувитам — двум византийским крепостям на побережье. Следы стены длиной 1,2 км обнаружены возле горы Роман-кош:

¹⁵⁵ Археологические исследования средневекового Крыма. — Киев, 1968. — С. 19.

¹⁵⁶ Указ. соч. — С. 34.

¹⁵⁷ Указ. соч. — С. 41.

она перегораживала одну из самых оживленных дорог из верховьев реки Альмы в Ялту и Гурзуф. Защита перевалов к востоку и к западу от них, видимо, меньше беспокоила военачальников Юстиниана, и поддержание укреплений было предоставлено местным жителям. На западе стены доходили до Фороса, кончаясь у скал Батилимана. Здесь сохранились основания коротких — до 100 м — стен на заброшенных ныне дорогах, ведущих из села Орлиное (б. Байдары) в Ласпи и Батилиман. От стены длиной 1,2 км, перегораживавшей Байдарский перевал и описанной М. А. Сосногоровой, еще прослеживаются остатки по обе стороны ворот.

Едва ли все они были воздвигнуты с византийской помощью в одно и то же время: об этом говорит само разнообразие строительной техники: кладка всухую, на глине, на цемянково-известковом растворе; из огромных глыб — «циклопическая», и из мелких камней. Нередки случаи, когда различные строительные приемы встречаются в одном и том же сооружении. Все это наводит на мысль "о разных этапах существования сооружений, часть которых, возможно, была возведена еще таврами", пишет Домбровский.¹⁵⁸ В то же время для датировки укрепления предгорного Крыма недостаточно принимать во внимание только их "варварский вид": характерная для тавров циклопическая кладка насухо с использованием скальных выступов и обрывов и включением в нее отдельных каменных глыб, нагроможденных самой природой, сохранялась в глухих уголках горного Крыма и в раннем средневековье. Поэтому необходимо учитывать другие датирующие признаки, прежде всего керамику, а ее-то и маловато вблизи стен, где оседлого жилья не было.

Остатки "длинных стен" еще сумели послужить в годы Великой Отечественной войны крымским партизанам, которые иногда использовали их как укрытия в борьбе с врагом, наступавшим в горы с севера.

Укрепленные монастыри и исары

"Длинные стены" разрушены, видимо, в эпоху нашествия хазар. Столкновение интересов двух крупнейших феодальных держав того времени — Византийской империи и Хазарского каганата — самым непосредственным образом ощущалось в Таврике. В результате нашествия хазар в Крым влияние Византии там ослабело; в самой же Византии с середины VIII в. разыгрались драматические события, связанные с борьбой иконоборцев и иконопочитателей. Утверждение у власти иконоборческой партии, сопровождавшееся разрушением монастырей, уничтожением книг и икон, вынуждало иконопочитателей бежать на окраины империи, где власть ее ощущалась слабее. Таким местом в период хазарского наступления и оказался Крым, точнее «ничейная», защищенная "длинными стенами" полоса Южного бережья, где и обосновалась иконопочитательская оппозиция, которая в 787 г. обретет своего духовного вождя — Иоанна Готского, игравшего важную роль в этот сложный период истории. Со второй половины VIII–IX вв. монастыри и поселения возникают по всему Южному берегу. Это хорошо видно на прилагаемой карте Таврики, где помечены, кроме "длинных стен", ряд замков, укрепленных убежищ, монастырей, торжищ, вокруг которых выросли сельские поселения,¹⁵⁹ Иконопочитательские монастыри, укоренившиеся прежде всего на Южном и Юго-восточном берегу, столь активно насаждали христианство, что уже в VIII в. учреждаются Готская и Сугдейская епархии: отметим, что первая к этому времени, судя по источникам, охватывала не только Южное побережье, но распространилась и на горный Крым Юго-западной Таврики:¹⁶⁰ это, видимо, было связано с усилением готской области

¹⁵⁸ Указ. соч. — С. 43.

¹⁵⁹ Домбровский О. И. Средневековые поселения и исары Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. — Киев, 1974. — С. 45.

¹⁶⁰ Указ. соч. — С. 53.

Дори, распространявшей свою политическую власть и влияние на Черноморье. Иконопочитательские монастыри, в изобилии возникшие здесь, ускорили насаждение и распространение нового социально-экономического уклада — более развитых феодальных отношений. Монастырь силою обстоятельств становился крупным землевладельцем, содействовал развитию различной ремесленной деятельности. В одном из поучений Федора Студита в начале IX в. упоминаются жившие при монастырях ремесленники: каменщики, плотники, иконописцы, художники, переплетчики книг, кузнецы, гончары, целители и т. д. Вокруг монастырей вырастают укрепления со стенами и башнями, где местное население скрывается в случае опасности.

Такой укрепленный монастырь находился в урочище Ласпи. Семь поселений располагались вокруг горы Ильяс-кая, на вершине которой находился храм св. Ильи. Оборонительная стена, водопровод, дорога, подпорные стенки сооружались коллективно. Большой храм IX–X вв. имел ступенчатую композицию внутреннего пространства: притвор, средний неф, алтарь приподняты один над другим, образуя три ступени. В храме имелись каменная скамья и аркосолий с 11 погребениями; судя по остаткам, он был расписан фресками, а его коробовое сводчатое перекрытие опиралось на широкие полукруглые арки.

Наряду с монастырями возникали и замки. В урочище Кокия, на крутой и высокой скале Айя стояла крепость, окруженная стеной с приворотной башней и донжоном, с часовней и другими постройками. Под ее защитой находилось несколько групп земледельческих усадеб, разбросанных по долине. С юга и запада урочище было защищено отвесными обрывами и морем, а с севера и востока его ограждал хребет Кокия-бель, местами усиленный стеною, о которой упоминал Кеппен.

Хотя большая часть средневековых исаров — поселений и укреплений — возникла в VIII–X вв., большинство из них — многослойные: они стоят на местах, где с давних времен селились люди. Кажется, что сама природа предопределила такие места к многократному использованию, к тому, чтобы жизнь возникала здесь вновь и вновь, вопреки разрушениям, чинимым захватчиками и временем. "Есть такие излучины моря, такие складки в суровом теле земли, которые всегда, на протяжении тысячелетий служат средоточием человеческой жизни, почти независимо от смены племен и народов, приходящих и исчезающих с ритмичной последовательностью. Когда погибает один город, из его развалин на том же месте прорастает другой",¹⁶¹ - писал Волошин.

Такое место, издревле прораставшее поселениями — окрестности Аю-дага. Любуясь этой издали заметной и безошибочно узнаваемой всеми горой, жадно припавшей к синей морской воде, поразмыслим над ее названием. Существует предположение, что Аю — это искаженное ай, «святая»: аналогий предостаточно, ведь начиная от южного мыса Айя названия десятков скал и урочищ начинаются с этой частицы. Но не будем торопиться. Вспомним, как звучало слово «медведь» по-латыни: *ursus* — не сохранился ли этот корень в названии Гурзуф или Юрзуф, как называл его Пушкин? А по-гречески медведь — «арктос»: не слышим ли мы его отзвук в названии «Артек» — именно так называлось поселение, стоявшее на месте всемирно известного детского курорта. Итак, «медведь» в названии горы, видимо, не случаен: но что послужило причиной названия — сходство ли горы с медведем, обилие ли медведей в округе? Принимая во внимание, что название закрепилось за местом издревле, позволим себе внести в общую копилку и свое предположение — а не идет ли речь о созвездии Большой Медведицы? Семизвездье в древности обозначалось и как 7 быков (у латинян), 7 риши (у индусов), — короче, семь богов: древнее название Феодосии — Ардавада — означает "город семи богов"; сакральное число семь повторяется в древнем названии селения «Семидворье» неподалеку от Алушты. Аю-даг несет на "мохнатой спине" развалины семи христианских храмов, возможно, воздвигнутых на местах языческих культовых

¹⁶¹ Волошин М. А. Киммерия // Аполлон. — Пг. — 1912.

сооружений... Другой ход рассуждений связан с селением Партениты, примостившимся у восточного бока горы: Партенит — в переводе с греческого — «девичья», возможно, напоминает о древнем культе таврской Девы. Известно, что греки сближали ее с Артемидой, а архаические элементы культа этой богини сохраняли черты Медведицы: таков был культ Артемиды в Бравроне, когда служительницы рядились медведицами. Не будем настаивать на каком-либо из этих предположений: для этого необходимы и новые данные, и основательные исследования. Мы хотели еще раз привлечь внимание читателей и путешественников к тому, как все не просто в Крыму с его многослойной культурой, где название местности, маршрут полузаброшенной дороги, камень, взятый с древних развалин и мирно дремлющий в ограде двора, глыба, казалось бы не отличающаяся от других, но приподнятая над землей камнями-опорами и в итоге усилий человеческих ставшая из обломка скалы древнейшим сооружением — дольменом — все это может оказаться началом открытия.

Древности Гурзуфа

Но вернемся к окрестностям Аю-дага. В VI в. на месте Гурзуфа стояла одна из двух византийских крепостей, возведенных в царствование Юстиниана I. Остатки этой постройки можно видеть на скале Дженебез-кая, где сохранились развалины укрепления, которое обычно приписывали генуэзцам. Их исследование в 1956–1957 гг. выявило ту характерную многослойность культурных напластований, о которых шла речь выше. Генуэзские стены XVI–XV вв. опирались на фундаменты, возведенные в XII–XIV вв. Под ними находились остатки крепостных сооружений, которые можно отнести к упомянутой Прокопием крепости середины VI в. в Горзувитах. Эти руины относятся к "нашей эре"; далее, перевалив через рубеж, отмеченный следами могильника начала эры, время раскручивается в другую сторону, приводя к остаткам таврского поселения VII–VI вв. до нашей эры, возникшего, в свою очередь, на месте неолитического поселения середины третьего тысячелетия до нашей эры!¹⁶²

В этих же местах расположены всемирно известные могильники, раскопанные еще в начале века Н. И. Репниковым и дающие представление о культуре населения раннесредневековой Таврики. Они находились на берегу ручья Суук-су, на восточной окраине Гурзуфа, ближе к Аю-дагу. Многочисленные могилы и семейные склепы дали множество вещей IV–IX вв., в том числе металлических украшений VI–VII вв. — фибул, перстней, пряжек, браслетов и т. д. В наиболее богатых захоронениях поражали деформированные, вытянутые кверху черепа погребенных. В мужских погребениях найдены наборы серебряных или бронзовых бляшек от пояса и железные ножи. В женских — множество богатых украшений: большие узорчатые фибулы, скреплявшие одежду на плечах, серебряные браслеты и перстни, вплетавшиеся в волосы золотые серьги со вставками граната, массивная пряжка для пояса и мелкие пряжки для одежды и обуви.

Украшающие их вставки из цветной пасты, стекла, лилового и пурпурного альмандина, граната и других камней, причудливое сплетение растительных и звериных мотивов создают своеобразный варварский стиль, который сложился на территории Боспора в V–VI вв., а затем распространился через готов и гуннов по всей Европе. "Пышные, полуязыческие погребения, встреченные среди скромных могил, составляющих здесь большинство, могли быть оставлены, скорее всего, представителями охристианившейся варварской знати, местных, союзных Византии племен, а именно тех, кого Прокопий Кесарийский именует готами."¹⁶³

¹⁶² Домбровский О. И. Указ. соч. — С. 43.

¹⁶³ Домбровский О. И. Указ. соч. — С. 15.

Партенит

С северо-восточной стороны горы, на месте современного поселка Партенит с VIII в. существовало большое (судя по количеству разнообразных археологических остатков) греческое поселение, составлявшее вместе с укреплениями Аю-дага и другими окрестными деревнями тесно связанный между собой мирок, история которого предельно скупо освещена письменными источниками. Встречаются здесь и остатки таврской, а также римской керамики. Вопрос о преемственности культур здесь далеко не решен, поэтому мы вначале остановимся на установленных фактах, а затем сообщим о спорах вокруг аюдагских памятников.

К числу наиболее известных среди них относится Партенитская базилика у основания горы, и укрепления на вершине ее. В 1869 г. при прокладывании дороги по восточному склону горы управляющий именем Раевских обнаружил руины большого здания, которое он стал разбирать на камень: успев вывезти около двухсот телег камня, он наткнулся на мраморную византийскую капитель и плитовую могилу.

Здание оказалось трехнефной трехапсидной византийской базиликой. Прибывший сюда вскоре признанный авторитет по реставрации храмов Д. Струков при обследовании руин обнаружил вблизи алтаря строительную надпись 1427 г., ставшую знаменитой как важный исторический документ. В ней сообщалось, что "храм святых апостолов Петра и Павла, был построен с основания в давние времена иже во святых отцом нашим архиепископом города Феодоро и всей Готии Иоанном Исповедником, ныне же возобновлен как он зрится, митрополитом города Феодоро и всей Готии кир Дамианом в лето 6936 индикта 6-го, в десятый день сентября" (т. е. 1427 г.).¹⁶⁴ Из надписи явствует, что храм был основан во второй половине VIII в. Иоанном Готским, тем самым, который в 787 г. поднял народ на восстание против хазар вместе с "господином Дороса" (см. гл. II); подтверждается также, что Феодоро XV века и есть Дорос VIII в. Характерны и некоторые неточности надписи: Иоанн был епископом Готии, в те времена ограниченной территорией Южного бережья, и резиденцией его был Партенит; во времена же Дамиана Готская епархия стала митрополией, охватившей большую территорию по обе стороны Главной гряды Крымских гор, а резиденцией его стал город Феодоро, столица одноименного княжества.

Подавляя восстание 787 г., хазары, вероятно, основательно разгромили резиденцию Иоанна — основанные им монастырь и храм, который первоначально представлял собой перекрытую сводами трехнефную базилику с нартексом: длина ее вместе с апсидой — 17 м, ширина — 10 м. С трех сторон базилику окружала галерея, судя по толщине стен — крытая. В нефах, нартексе и галерее сохранились мозаичные полы из керамических плиток красного и желтого цвета, зеленых — из песчаника, голубовато-серых — мраморных и ярко-белых — из полевого шпата. В разное время вокруг были найдены также мраморные колонны и резные капители византийской работы. Восстановленная, с некоторыми переделками, базилика была вновь разрушена в X в. Следующее восстановление базилики, о котором повествует строительная надпись 1427 г., вероятно, происходило с помощью могущественного князя Феодоро — Алексея, стремившегося обосновать в борьбе с генуэзцами наследственные права княжества как преемника Византии. При восстановлении были использованы фундаменты и основания стен лишь средней части базилики, а боковые нефы и галерея превращены в хозяйственные и жилые помещения. После разрушений 1475 г. при захвате Крыма турками, на развалинах храма сооружается небольшая — в размер центральной апсиды — часовня с деревянной кровлей. К концу XVIII в. после выселения крымских греков — потомков строителей базилики — приходит в окончательный упадок и она.¹⁶⁵

¹⁶⁴ Цит. по: *Домбровский О. И.* и др. Аю-даг — «святая» гора. — Симферополь, 1975. — С. 78.

¹⁶⁵ Указ. соч. — С. 80.

Укрепления Аю-дага

Наиболее интересными и загадочными и по сей день остаются остатки укреплений на вершине Медведь-горы. Две стены, построенные из дикого, необработанного камня, опоясывали северо-восточный склон горы: одна проходила над седловиной, другая несколько ниже по склону. Камни стен лежат непосредственно на грунте, без фундамента. Толщина верхней стены — 2,5–2,8 м, местами она сохранилась на высоту до трех метров, а если учесть разницу уровней с внутренней и внешней стороны, то со стороны склона высота ее вместе с парапетом достигала 5 м. В шурфе у стены было открыто скопление круглой мелкой гальки — пуль для пращи и более крупной — ядер для катапульт. Стена преграждала доступ к поселению на поляне Ай-Констант (св. Константин), которое находится на широкой и пологой седловине юго-восточного склона высоко над морем: несколько выше находилось еще одно поселение. На поляне Ай-Констант уцелели мощные, до двух метров толщиной фундаменты прямоугольной большой постройки, возможно донжона VIII-X вв. В центре поляны открыты остатки храма с апсидой и престольным камнем, в котором была замурована свинцовая ампула с частицей мощей. Он был воздвигнут на развалинах более раннего и более крупного здания, пока не исследованного. Южнее и ниже поляны Ай-Констант прослеживаются остатки поселения VII–XV вв., а также фундаменты большого храма.

"На самой верхней части горы стоял храм св. Константина и Елены, окруженный селением. Здесь еще в начале нашего столетия лежали мраморные колонны... При взятии Крыма храм, вероятно, еще не был разрушен, и от него оставалось много украшений, из которых князь Потемкин, как говорят, приказал вывезти в Херсон две колонны зеленого мрамора, а одну из белого мрамора князь Воронцов перевез в Гурзуф, а потом в Алупку", — отмечалось в путеводителе Сосногоровой и Караулова.¹⁶⁶

Вторая оборонительная стена, составляющая нижний пояс многоярусной обороны Аю-дага, с одной стороны упирается в обрыв над северным оврагом, на сто метров ниже стены среднего укрепления, которое доходит до скалистого края того же оврага; с другой стороны она доходит до обрыва над санаторным пляжем, неподалеку от места, где расположен на юго-восточной «лапе» Медведя храм, возможно служивший одновременно и маяком.

Однако главная достопримечательность Медведь-горы — кольцообразное укрепление на ее вершине, известное со времен П. И. Кеппена. Это неправильной формы кольцо, одна сторона которого проходит по скалам обращенного к Партениту обрыва. Стена двухметровой толщины, сложенная из бута на глине, была поставлена без фундамента прямо на грунт и с внешней стороны к ней примыкали 14 прямоугольных и 4 полукруглые башни. Основания башенных выступов с обрывистой восточной стороны служили естественные нагромождения скальных глыб; кое-где сохранились остатки парапета, судя по которым высота стены достигала 3 м. С внутренней стороны сохранились остатки пандусных входов на стену и ряда мелких построек, примыкающих к стене, но не по всему периметру, а лишь у северо-восточной части, так чтобы входы их были обращены на юг и юго-запад.¹⁶⁷ Находки керамики незначительны и относятся к VIII-X вв. Скорее всего это убежище, воздвигнутое на случай военной опасности, в котором укрывалось население и его главное богатство — скот. Аюдагские древности исследованы далеко не полно. Продолжающиеся раскопки, а то и просто обнажения грунта, обнаруживают все новые остатки не только средневековых, но и

¹⁶⁶ Сосногорова М. А., Караулов Г. А. Путеводитель по Крыму. — Изд. 4. — Одесса, 1883. — С. 97.

¹⁶⁷ Домбровский О. И. Указ. соч. — С. 40.

таврских поселений и могильников, существовавших до нашей эры.

Кастель

Еще менее изучена почти столь же богатая древностями гора к востоку от Аю-дага, весьма схожая с ним в геологическом отношении — Кастель, некогда поразившая Дюбуа своей формой "плоского купола, обращенного вершиной и наибольшей крутизной к морю".¹⁶⁸ Укрепления на вершине Кастели — тройной ряд стен из огромных «гранитных» блоков, сложенных насухо — Дюбуа де Монпере приписывал таврам. "Верное своей системе, древнейшее население Тавриды воздвигло здесь одно из укреплений, которое татарская традиция окрестила именем Демир-капу, т. е. "железные ворота".¹⁶⁹ Развалины приписываемого таврам укрепления почти исчезли в последние годы, что затрудняет составить о нем сколько-нибудь ясное представление; однако на вершине горы и на ее юго-западном склоне прослеживаются остатки жилых домов, каменных крепид и оград, отдельные камни — остатки стены, опоясывавшей некогда поселение. Остатки амфор и пифосов датируются VIII–IX вв. Имелись тут и следы средневекового монастыря, водопровода из керамических труб, подводившего воду из источника, расположенного на расстоянии нескольких километров. На плане 1832 г. место это было помечено как монастырь св. Прокла, и кроме него на вершине горы указывались еще три церкви.¹⁷⁰

Руины Кастели, поросшие мхом, обвитые плющом и одичалым виноградом связаны в народной памяти с одной из интереснейших легенд Крыма о Феодоре, владельнице Сугдайи, "которой девственный и вместе мужественный образ вообще связан в народной легенде с недоступными вершинами Судака, Кастели, Аю-дага".¹⁷¹ Феодору, давшую обет безбрачия, полюбили два брата. Один из них погиб, защищая вместе с царицей-воительницей крепость Сугдайю от генуэзцев. Феодора бежала в свой любимый древний замок Кастель и здесь, после кровопролитной и долгой осады, погибла геройской смертью, до конца защищая крепость, ворота которой второй брат предательски открыл врагу. Согласно легенде, скалы Кастели стали красными от крови, пролитой ее защитниками; и действительно, следы древних лишайников на скалах западных склонов горы придают им некоторое сходство с запекшейся кровью.

Замечания об исарах

Еще в прошлом веке возникли и по сей день продолжают споры о происхождении укреплений южнобережного и горного Крыма — таврские они или средневековые? П. И. Кеппен, обследовавший большинство укреплений и "длинных стен" побережья, рассматривал их, прежде всего, как памятники "глухого и кровавого" крымского средневековья, интересуясь в первую очередь самой системой обороны. Энциклопедически образованный и много путешествовавший Дюбуа де Монпере подошел к вопросу с другой

¹⁶⁸ *Dubois de Montpereux F.* Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Georgie, en Armenie et en Crimée. — A 6 v. - V. 6. — Paris, 1843. — P. 43.

¹⁶⁹ Указ. соч. — P. 446.

¹⁷⁰ Указ. соч. — P. 448.

¹⁷¹ *Марков Е.* Очерки Крыма. — Изд. 3. — СПб., 1902. — С. 255. Крымовед Караулов Г. А. написал целый роман "Феодора, владельница древней Сугдайи" (1837). По его словам, он воспользовался рукописью, хранившейся в монастыре Сумела (Малая Азия), рассказ которой в основных чертах совпадал с народной крымской легендой.

стороны: "крымские дольмены" — таврские каменные ящики-гробницы, иногда сопутствующие им менгиры — вертикально поставленные камни, — и кромлехи — круглые или прямоугольные ограды из врытых в землю камней — он связал с аналогичными памятниками Западной Европы, восходящими к мегалитической культуре эпохи бронзы (III–II тыс. до н. э.); с ними же он связывал и циклопическую кладку стен, различимую в основаниях многих исаров. Швейцарский путешественник высказал также мысль, разделяемую ныне большинством исследователей, что святилища таврской богини Девы могли существовать во многих местах, и при этом явно не походили на "храм Ифигении" в греческом стиле, поисками которого усердно занимались в начале века любители старины.¹⁷²

Эти соображения Дюбуа де Монпере были развиты в прошлом веке в работах талантливой и высокообразованной исследовательницы Крыма Марии Александровны Сосногоровой. В 1875 г. вышла ее статья "Мегалитические памятники в Крыму", где проводилась мысль, что большинство исаров возникло в глубокой древности и что они носили не только оборонительный, но и культовый характер: в них находились святилища Девы. В статье были проведены параллели между другими мегалитическими сооружениями Крыма и аналогичными памятниками Европы, а также Прикаспия и Алтая.

Однако авторы прошлого и начала нынешнего века, при всем их великолепном знании античных и средневековых текстов, практически не располагали данными археологии. Сегодня же состояние исследований позволяет определить возраст каждого конкретного поселения. Именно лопата археолога сумела выявить, что наряду с исарами с "несомненным таврским прошлым" — на Ай-Тодоре, Кошке, на Крестовой горе над Алушкой и одноименной горе над Ореандой, на горе Капель — существовало немало исаров средневекового происхождения. Внешнее сходство тех и других порой может быть обманчивым, ибо, по мнению исследователей, фортификационная примитивность и внешняя дикость построек, архаичность строительных приемов — качества крайне стойкие и потому неприемлемые как безоговорочно датирующие признаки.

Над Ялтой, в парке Ливадии берет начало семикилометровая Солнечная тропа, расположенная на значительной высоте над морем. Прогулка по ней знакомит с живописнейшим участком южного берега от Ливадии до Ай-Тодора и, кроме того, дает возможность осмотреть укрывшееся среди скал средневековое городище в урочище Верхняя Ореанда и связанный с ним замок, находившийся в полутора километрах северо-западнее на обрывистом мысу Хачла-каясы. В замке сохранились развалины оборонительной стены с башней-донжоном, капеллы с фамильной усыпальницей, остатки жилых домов между скальными глыбами.

Алушка-исар

На горе Крестовой (примерно в двух километрах от Ливадии, следуя по Солнечной тропе, свернуть влево) сохранились остатки оборонительной стены, которая охватывала северную сторону вершины, концами примыкая к обрывам, обращенным к морю. Нижняя кладка стены (местами на известковом растворе), относится к VIII–X вв., верхняя (сложенная на глине) — к XIV–XV вв. Все внутреннее пространство загромождено скальными глыбами, между которыми лепились жилища. Укрепление было вначале построено в качестве убежища для жителей открытого поселения, находившегося на западном склоне горы. Оно неоднократно разрушалось и восстанавливалось, а между XI–XIV вв. было расширено: с восточной стороны новая стена огибала искусственно выровненную площадку, узкие ворота в ней выводили на северный склон, по которому шла дорога на запад в сторону замка на скале Хачла-каясы.

¹⁷² *Dubois de Montpereux* Указ. соч. — Р. 443.

Положение южнобережных укреплений было неодинаково; одни стояли непосредственно над морем, другие — в среднегорной полосе между морем и обрывами Главной гряды. Судя по имеющемуся археологическому материалу, крепости предгорной полосы появились или были радикально перестроены в XIV в. и почти все они располагались у дорог и горных проходов, связывавших Южнобережье с остальной частью Крыма. Именно в этот период усилилась конкуренция генуэзцев с князьями Феодоро за обладание укреплениями прибрежной полосы. Генуэзцы стремились прибрать их к рукам и подчинить "Капитанству Готии" — военно-административному учреждению, призванному обеспечить безопасность каботажного плавания между Чембало и Боспором. Независимые от генуэзцев укрепления среднегорной полосы явно были предназначены сдерживать их стремления овладеть всем южным Крымом, сохраняя важнейшие дороги и перевалы этого района под контролем "господ Готии".

Эта система хорошо прослеживается на укреплениях «треугольника» Ай-Тодор — Алупка — Симеиз: их руины, расположенные в красивейших уголках Южнобережья и сравнительно легко доступные для обозрения, помогают мысленно реконструировать важный участок системы укреплений со всеми его особенностями. Мы употребили выражение «треугольник» неслучайно: он повторен здесь, как минимум, дважды: по вертикали — это треугольник, созданный самой природой в очертаниях Главной гряды, возносящихся к самой высокой ее точке — зубчатой короне Ай-Петри; горизонтально, на местности, его вершину образует укрепление Алупка-исар на горе Крестовой, стоящей непосредственно под Ай-Петри, а углы основания — укрепления Ай-Тодора и Симеиза, расположенные на выдающихся в море и хорошо просматривающихся в обе стороны с Алупки-исара мысах.

Кеппен считал Алупку-исар — одним из крупнейших укреплений Южного берега, которое "с одной стороны имело перед собою крепостцы, лежавшие ниже и выше Гаспры, а с другой могло сообщаться с укреплением Лименским (в Симеизе. ¹⁷³ — Т. Ф.). Оно возвышалось над центром большого урочища, в которое входил Мисхор — значительное, сильно разбросанное поселение с керамическими печами VIII-X вв.

Тропа, ведущая к исару, имеет тщательно сложенную крейду — подпорную стену — на довольно большом протяжении. Она поднимается по левому склону похожей на пирамиду горы Крестовой, на усеченной вершине которой, поросшей соснами и древовидным можжевельником, находится площадка, с северной и западной сторон обнесенная стеной с башенными выступами. Хорошо различаются нижние ряды кладки из огромных циклопических камней, переходящие в так называемую «панцирную», средневековую — из двух рядов камней с забутовкой между ними. За стеной, несколько отступая от ее основания, проходит узкая ложбинка, весьма похожая на ров — то ли естественный, то ли высеченный в скале при выборе камня. С южной стороны площадка заканчивается скалистым обрывом около 70 м высоты; там, где обрыв понижается, сохранилась нижняя часть стен примерно 2,5–3 м высоты и около 2 м толщины. Остатки северной стены протяженностью 260 м имеют в нескольких местах башенные выступы. Обращает на себя внимание сложенное из огромных глыб основание башни в северо-западном углу укрепления. В восточном, наиболее высоком участке укрепления, огражденном внутренней стеной, сохранились остатки жилищ, близкие по характеру таврским сооружениям на горе Кошка в Симеизе; обнаружены и фрагменты сосудов, похожих на таврские. По-видимому, здесь находилась цитадель. По мнению исследователя-краеведа Г. А. Никитина, "можно предположить, что на горе Крестовой имелось укрепленное таврское поселение, аналогичное укреплению на горе Кошка, которое впоследствии было использовано для возведения здесь средневековой

¹⁷³ Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. (Крымский сборник). — СПб., 1837. — С.106.

крепости".¹⁷⁴

Одно из свидетельств древности Алупки — упоминание ее имени в таком известном документе X века, как письмо хазарского кагана Иосифа, содержащее описание его владений, в число которых входил и Крым: здесь в письме перечисляется ряд городов и среди них Тмутаракань, Керчь, в горном Крыму — Мангуп, а на южном берегу — Судак, Ламбат, Партенит и Алубика.¹⁷⁵ Упоминание в таком списке — свидетельство важности и значимости Алупки, которая в те времена явно не была деревушкой в 25 дворов, какую застал ее граф Воронцов. Следующее по времени упоминание Алупки (Люпико) мы находим в документе, относящемся к финансовому ведомству Кафы (Феодосии) 1381-82 гг. В нем перечислены подвластные Генуе прибрежные пункты между Балаклавой и Судакком: Чембало, Форос, Кикенеиз, Алупка, Мисхор, Орианда, Ялта и т. д.¹⁷⁶ Владения генуэзцев распространялись на узкую прибрежную полосу. Здесь стояли приморские укрепления, и почти каждому из них соответствовало укрепление в предгорьях, расположенное на подступах к горным перевальным дорогам, ведущим на северные склоны Главной гряды. С появлением генуэзцев эти крепости, видимо, сохранили независимость, составляя южную границу княжества Феодоро с центром в Мангупе, которую генуэзцы в своих документах именовали Готией.

О существовании приморской крепости в Алупке, находившейся на месте дворца, известно из упоминания Дюбуа де Монпере, да из рисунка с изображением ее руин перед началом строительства. Однако в народных представлениях обе крепости воспринимались как части единой системы: согласно легенде, записанной у местных жителей фольклористами дворца-музея в 30-е годы, обе крепости были соединены подземным ходом. Парными были также укрепления Симеиза — Таврское поселение на горе Кошка и Панае-исар, и Ай-Тодора с его мощной циклопической стеной: последнее дополнялось, по-видимому, несохранившимся укреплением Гаспра-исар.

Итак, Алупка дает уникальную возможность продемонстрировать систему взаимосвязи крепостей побережья.

Ай-Тодорское укрепление

На мысе Ай-Тодор, по соседству с "Ласточкиным гнездом" расположено гораздо менее известное, хотя несомненно представляющее немалый историко-археологический интерес, едва ли не самое крупное из известных нам гаврских укреплений. Айтодорский мыс с наибольшим правом может претендовать на древнее название Криуметопон — Бараний лоб, что в свою очередь являлось греческим переводом дошедшего до нас (редчайший случай!) в греческой же транскрипции местного таврского названия — Бриксаба (или Вриксава). Название это связано с легендой о златорунном баране, перенесшем сюда сына царя Афаманта Фрикса, чья сестра Гелла во время бегства утонула в море; именно здесь баран с царевичем сделали остановку на пути в Колхиду, куда за золотым руном позднее отправятся в поход аргонавты. Судя по подсчетам, основанным на данных периплов — лоций античного времени, Криуметопон находился, вероятно, здесь, хотя одновременно такое же название мог носить и другой южный мыс крымского берега — Сарыч или Айя.

Циклопическая стена Ай-Тодора, сложенная из огромных блоков насухо, поражает своей мощностью. Укрепление это описал еще Кеппен, считавший его византийским:

¹⁷⁴ *Никитин Г. А.* О древних памятниках на горе Крестовой, у села Пещерного и Чертовой лестницы // История и археология древнего Крыма. — Киев, 1957. — С. 332.

¹⁷⁵ *Плетнева С. А.* Хазары. — М., 1986. — С. 10.

¹⁷⁶ *Васильев А. А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. - 1927. — Вып. 5. — С. 192.

Кондараки, передавая одну из местных легенд, вкладывает в уста рассказчика наивное восхищение сооружениями Ай-Тодора: "Нет, таких вещей не в силах сделать обыкновенный человек! Ясно, что здесь обитали гиганты с богатырскими силами. Чтобы убедиться в этом, стоит взглянуть на те каменные плиты, которые они клали на могилы отцов, братьев и жен, или на одну из стен, где в нескольких местах встречаются скалы в полторы тысячи пудов.¹⁷⁷

Ай-Тодор находится в поле зрения русских археологов уже более ста лет. В 1849 г. раскопки там производил граф Шувалов: однако ни он, ни последующие исследователи не вели систематических описаний, а что касается коллекции античных памятников из раскопок, то судьба ее оказалась трагичной: она погибла от руки фашистов, сжегших во время оккупации Ялтинский музей, и о ней можно судить лишь по фотографиям и записям.

Планы Ай-Тодорского укрепления, опубликованные М. И. Ростовцевым и В. Д. Блаватским, показывают, что циклопическая стена проходила по северному склону холма, образуя дугу с северо-востока на юго-запад, и имела протяженность более ста метров. Высота сохранившейся в настоящее время части стены — свыше двух метров. Во второй половине I в. н. э., когда римляне заняли крымские города, здесь возник укрепленный римский лагерь, существовавший до середины III в. н. э.

Многолетние раскопки на Хараксе подтвердили, что циклопическое укрепление возникло еще в доримское время (судя по обломкам керамики, не позднее IV–III вв. до н. э.) и представляло собой убежище тавров. Римляне, вероятно, заняли Харакс с целью затруднить таврам выход к морю и обеспечить безопасность каботажного плавания. Вначале здесь находился десант моряков Равеннской эскадры, вынужденный ограничиться лишь захватом побережья. Позднее, с появлением частей I Итальянского и XI Клавдиева легионов, ими контролировалась явно большая территория. Об этом свидетельствует построенный римлянами водопровод, подводивший воду от подножия Ай-Петри в большое водохранилище — Нимфей — на территории крепости, а также наличие дорожной стражи — бенефициариев. Ими были поставлены посвященные Юпитеру алтари, найденные во время раскопок. Изучение надписей на них, а также находка аналогичного алтаря в Херсонесе показали, что Харакс был связан сухопутной дорогой с Херсонесом — главной римской базой в Крыму во II–III вв. н. э. В систему оборонительных сооружений римского Харакса частично входила древняя циклопическая стена, но, главным образом, построенная легионерами внутри огороженного ею пространства стена, состоящая из двух панцирей и забутовки между ними. На территории городища они построили термы-бани, состоящие из нескольких помещений и бассейна для купания: под полом проходили керамические трубы парового отопления. Напомним, что для римлян термы были сооружением общественным, чем-то вроде клуба, где не только отдыхали, но и вели важные беседы. В святилище бенефициариев, расположенном за наружной крепостной стеной, были найдены, кроме вышеупомянутых алтарей, несколько небольших votивных рельефов. Эти своеобразные "каменные иконы" показывают, что среди солдат Айтодорского гарнизона были распространены культы Диониса, Митры, Артемиды, Гекаты, Фракийских всадников.¹⁷⁸ Находки рассказывают и о занятиях населения Харакса — гарнизонных солдат и ремесленников. Кроме обычных скотоводства, земледелия и рыболовства, здесь были развиты кузнечное и гончарное дело; кроме того, обнаруженные в могилах рабочие топоры говорят о существовавшей обработке дерева, а многочисленные архитектурные остатки и обломки строительных материалов — о довольно высоком уровне зодчества.

После ухода римлян укрепления Харакса продолжали служить убежищем окрестному населению в случае военной опасности. В средние века здесь возник монастырь св. Федора

¹⁷⁷ Кондараки В. Х. Легенды Крыма. — М., 1863. — С. 59. По словам М. А. Сосногоровой, на Ай-Тодоре к северу от укрепления находилось не менее сорока "Крымских дольменов" — каменных ящиков.

¹⁷⁸ Ростовцев М. В. Харакс. — СПб., 1912. — С. 15.

Тирона, давший новое название местности — Ай-Тодор.

Таврское убежище и Панеа-исар в Симеизе

В 4-х километрах к западу от Алупки расположена необычайно живописная местность — Симеиз, название которой традиция связывает с греческим словом «симейон», знак, то есть приметные, издавна узнаваемые очертания здешних гор. Горный кряж Кошка на западной окраине Симеиза, перпендикулярный хребту Яйлы, круто обрывается у моря, рассыпаясь нагромождением камней, среди которых выделяется утес Лебединое крыло. В двухстах метрах восточнее утеса у самого берега живописно расположен скалистый холм Панеа, которому заросли сизо-зеленого можжевельника, сочетающиеся с обнажениями серых скал и внушительными руинами древних стен, придают суровую и изысканную красоту; ниже поднимается из моря скала Дива, монолит, которому сама природа удивительно скульптурно придала вид устремившейся в море фигуры: на вершину ее, где путешественники в прошлом веке видели следы укреплений, а сегодня расположена видовая площадка, ведут вырубленные в скале ступени.

П. И. Кеппен писал, что в Симеизе "приметно два укрепления: одно — верхнее, которое татары называют Лимена-кале, или просто Исар; другое — нижнее, именуемое Панеа".¹⁷⁹ Сегодня попасть на гору Кошка (любителям истории и древностей стоит сообщить ее настоящее имя — Кош-кая, Соколиная скала) совсем нетрудно: для этого надо подняться на верхнюю дорогу и сразу же за хребтом свернуть влево, по дорожке, которая приведет в укрепленное таврское убежище, защищенное с востока скалистым гребнем горы. Однако в древности местность здесь выглядела совершенно иначе. До того как была проложена верхняя дорога, вспоминает М. А. Сосногорова, Лименские утесы (еще одно название г. Кошки, по имени близлежащей местности — Лимена, или Голубой залив) упирались в стену хребта Яйлы, образуя "непроходимую преграду, природную стену". "И все разрывы Лименских гребней были заложены толстыми, так называемыми циклопическими стенами. Правда, эти укрепления носят на себе явные следы позднейших времен — греческих, но основаниями греческих укреплений служат все-таки стены циклопические".¹⁸⁰ Таким образом на г. Кошка система обороны местного значения непосредственно смыкалась с "длинными стенами" страны Дори, ибо, как продолжает Сосногорова, все сколько-нибудь удобные проходы через хребет Яйлы в Байдарскую долину были также заложены камнем.

Поселение на горе Кошка специально изучалось П. Н. Шульцем в 1950 и 1955 гг. Основная оборонительная стена проходит с северной стороны, отделяя городище площадью 1,5 гектара. Стена длиной 100 м, шириной 2 м и высотой (в наиболее сохранившейся части) до 3 м имеет в основании циклопическую кладку, возраст которой П. Н. Шульц, на основании керамических остатков датировал второй половиной I тысячелетия до н. э. Выше кладка стены иная — из двух рядов крупных камней — панцирей — и забутовки из мелкого камня между ними, сложенных насухо: исследователь датирует ее первыми веками нашей эры. Кроме того, стена перестраивалась и ремонтировалась в средние века.¹⁸¹

С южной стороны, у обрыва к морю, там где можно было подняться по тропам, также сохранились остатки стены. Отсюда открывается великолепный вид на море и небо, вставленных в рамку, образованную горизонтальной линией обрыва и вертикалями утесов слева и справа от зрителя. Где-то здесь, по словам Кеппена, "на краю пропасти находился

¹⁷⁹ Кеппен П. И. Указ. соч. — С. 199.

¹⁸⁰ Сосногорова М. А. Указ. соч. — С. 278.

¹⁸¹ Шульц П. Н. Таврское укрепленное поселение на горе Кошка // КСИА. АН СССР. - 1957. — Вып. 7. — С. 62–69.

огромной величины камень, под одну сторону которого, кажется, нарочно подсунуты другие камни, так что он держится на одной только точке и при малейшем сотрясении должен ринуться в бездну".¹⁸² Позволим себе смелое предположение (возможно и ошибочное в данном конкретном случае), цель которого — обратить внимание путешественников на аналогичные сооружения, которые могут им встретиться в Крыму: а что если описанный Кеппенем камень есть "качающийся дольмен", довольно редкая разновидность мегалитических сооружений, встречающихся на морских побережьях Испании, Франции, Англии и описанных исследователями? Подобные камни, точка опоры которых найдена столь искусно, что их можно привести в движение нажатием руки, но так, что при этом они не теряют равновесия, встречались, судя по рассказам старожилов, и в Крыму; однако места таких находок не зафиксированы, и не исключено, что их еще можно будет открыть заново.

Само городище, живописно усеянное обломками глыб и остатками жилищ, затененных деревьями, пробуждает в душе современного человека удивительное атавистическое чувство дома, убежища, приготовленного самой природой среди скал. Основания домов со стенами метровой толщины, обнаруженные раскопками, местами сохранились на 1 м высоты. Помещения имели дверные проемы, утрамбованные щебнем полы, открытые очаги. Крыша поддерживалась деревянными столбами. Некоторые постройки примыкали к скале и имели односкатную крышу. В исследованных жилищах найдено много керамики кизилкобинского типа, каменные зернотерки, оселки, глиняные пряслица, костяные иглы и т. д. Ниже уровня пола обнаружены и более древние культурные остатки, относящиеся к середине второго тысячелетия до н. э., то есть задолго до появления тавров. Человек поселился здесь еще в эпоху бронзы. Лишь затем возникает таврское поселение, просуществовавшее до первых веков н. э. Примерно в IX-X вв. на остатках древних построек вырастают средневековые, включая стену с воротами и башнями.

В это же время на прибрежном холме возникает укрепленный монастырь — Панеа-исар, а рядом — поселение Ай-Панда и могильник VIII–XIII вв. В 1955 г. там был обнаружен склеп со сводами из туфа, найденные в нем вещи VIII-X вв. — браслеты, серьги и другие украшения — хранятся в ялтинском музее. В 1996 г. здесь были произведены небольшие раскопки на скале Панеа, обнаружившие остатки раннесредневековой и генуэзской — XIV–XV вв. — оборонительных стен. Расселина на юго-западном склоне холма была перегороджена пятью подпорными стенами, которые в свое время создавали как бы пять широких ступеней, сходящих к морю, в бухту, защищенную развалом глыб и скалами Монах и Дива. На нижней площадке, где хорошо видны руины стены и ворот, обнаружены остатки храма, а вернее — трех храмов, каждый из которых расположен на основании более раннего. Верхний, генуэзского времени, поставлен на обгорелом мраморном полу храма X-XIII вв., перекрывшего, в свою очередь, остатки еще более раннего — IX-X вв. — храма с мозаичным полом. Сохранившиеся фрагменты мозаики, еще и сегодня поражающие свежестью красок смальты — голубой, синей, зеленой, лимонно-желтой, золоченой, — хранятся в Ялтинском краеведческом музее. Они изображают павлинов, клюющих виноград из чаши; все обрамлено плетенкой, в овальных и круглых медальонах которой изображены цветы, плоды, птицы. По композиции мозаика весьма напоминает херсонесскую (Загородный храм, базилика 1889 г.)

Проведенная в разных местах Панеа глубокая шурфовка показала, что люди непрерывно населяли этот холм по крайней мере с первых веков до н. э.: об этом говорит позднеэллинистическая и римская привозная керамика, залегающая здесь в одних слоях с местной, лепной.

Своеобразная спаренность приморских и горных укреплений продолжается и за Симеизом: Биюк-исар — у села Оползневого и укрепление на мысе Кикенеиз; дальше на запад — Кучук-исар у перевала Шайтан-мердвен и Кастропольская крепость у моря...

¹⁸² Кеппен П. И. Указ. соч. — С. 201.

Горные укрепления стояли заслоном, вторым рубежом обороны местного населения, препятствовавшим проникновению генуэзцев в глубь полуострова.

Чертова лестница

Вдоль Южного берега существовало несколько проходов-перевалов через горную цепь, известных с древности. Это перевал над Гурзуфом, Василь-богаз у Ялты, Гаспра-богаз в районе г. Крестовой, Эски-богаз над Симеизом, Байдарский перевал. Однако самый замечательный среди них в природно-живописном отношении и к тому же самый короткий путь с Южного берега на плато Яйлы — это Шайтан-мердвен, или Чертова лестница.

Чтобы попасть на Шайтан-мердвен, надо выйти на верхнее старое шоссе Ялта-Севастополь — исключительно живописное, местами вплотную прижатое к почти вертикально вздымающимся обрывам. Практически покинутое транспортом, перебравшимся на более удобную, спрямленную, проходящую ниже новую магистраль, старое шоссе превратилось в идеальное место для прогулки. От села Оползневого надо пройти (или подъехать на местном автобусе) до развилки, где автобус сворачивает влево и вниз; отсюда, продолжая путь по шоссе, через два-три километра приходим к могиле партизан, расположенной слева от дороги. Есть что-то символичное в том, что могила народных мстителей находится почти напротив скрытого в чаще леса горного перевала, который неоднократно служил им в суровой борьбе с врагом, как сотни лет назад служил нашим предкам, бдительно охранявшим родные пределы от незваных гостей.

Постояв в молчании у памятника героям, продолжаем наш путь. Надо быть очень внимательным, чтобы не пропустить поворот вправо на тропу, ведущую в лес, к подножию лестницы. Вскоре становятся заметными остатки старой дороги, когда-то огороженной стенками и укрепленной крепидами. Пройдя менее полукилометра по расселине, подходим к началу Лестницы — собственно, к нагромождению каменных глыб, которое издревле было приспособлено людьми для подъема на плато. В своем исконно-первоначальном виде она представляла собой ряд маршей длиной от 5 до 25 м каждый, круто поворачивавших под углом от 90 до 150–160 градусов. На всем протяжении подъем был пандусным, то есть наклонным, без ступеней, ширина прохода составляла не менее 1,5 м, поэтому лестницей могли пользоваться не только пешеходы, но и всадники, и даже небольшие двухколесные повозки. Длина всех маршей лестницы — 240–250 м и, таким образом, ее с полным правом можно назвать самым коротким путем в предгорья.

Из-за непродуманных выражений некоторых описаний еще с прошлого века бытовало мнение, что лестница «высечена» в скале. Это неверно. Лестница представляет собой гораздо более интересный феномен, где люди решили свою задачу типично «по-таврски»: отыскали горный проход, оценили возможности этого удивительного, созданного самой природой сооружения и лишь немного, в отдельных местах, «подправили» его. Благодаря неутомимым исследованиям геолога, участника многих археологических экспедиций по Крыму Л. В. Фирсова, сегодня стало возможно разграничить "дела рук природы" и дела рук человеческих, гораздо менее значительных по объему, но продуманных и экономичных. Кое-где строителям пришлось растащить камни, выложить подпорные стенки — крепиды, иногда достигавшие трехметровой высоты и служившие одновременно основанием для выше расположенного марша. Остатки крепид сохранились всего в трех местах и, судя по всему, столько же их было раньше. Сегодня, когда крепиды полуразрушены, прослеживается ступенчатая кладка их основания — ложные ступени.¹⁸³ Поэтому название — Лестница, Мердвен, Скала — следует понимать не буквально, а как образное сравнение зигзагов-маршей горного прохода со ступенями.

¹⁸³ Фирсов Л. В. Чертова лестница. — Симферополь, 1973. — С. 27.

Древние дороги

По выходе с Чертовой лестницы на яйлу пути расходятся. Дорога, ведущая на север, в село Родниковое (б. Скеля, искаженное «скала» — лестница), проходит по балке Малташ-дере, в переводе с татарского "торговая балка". По мнению Н. И. Репникова, это название указывает, что здесь через Шайтан-мердвен с глубокой древности проходил торговый путь из Херсонеса, Инкермана и Балаклавы на Южный берег. Если повернуть в западном направлении, дорога приведет к селу Орлиному (б. Байдары) и Байдарским воротам. Участок этой, ныне почти заброшенной и известной только местным жителям дороги, проходящей по левому склону крутой балки, представляет совершенно особый интерес: на протяжении почти 5,5 км она выбита в известняке. Высота выемки в скале достигает местами 2–3,5 м; противоположная обочина дороги укреплена подпорными стенами — крепидами, сложенными из крупных глыб без связующего раствора. Дорожное полотно шириной 6–6,5 м в основном проходит по голой скале, дополненной в районе крепид подсыпкой камней и щебня. Заметны глубоко врезанные колеи, отполированные до блеска. Дорога эта, известная с прошлого века под названием Мордвиновской и использовавшаяся для вывозки леса, вряд ли создана предприимчивым графом, хотя возможно, и подправлена им. О ее древности свидетельствует, прежде всего, керамика, рассеянная на всем протяжении дороги: кроме средневековой есть и отдельные находки краснолаковой керамики римского времени. Исследователями высказано предположение, что именно здесь проходила военная римская дорога — *via militaris*, связывавшая опорную базу римской оккупации Таврии — Херсонес — с занятой и перестроенной ими же крепостью на Южном берегу — Хараксом (Ай-Тодор). На Южный берег эта дорога могла спускаться по более удобному для колесного транспорта пологому перевалу Эски-богаз, над Симеизом, а также по более короткому, пригодному для пехоты и всадников — Шайтан-мердвен.

Исар-кая

Еще Кеппен высказал предположение, что при Чертовой лестнице должно было находиться укрепление для защиты этого короткого и стратегически весьма важного пути в предгорья: "систематическое расположение укреплению требовало того, чтобы при Мердвене — известном проезде по примечательной каменной лестнице, — находилась наблюдательная или оборонительная точка.¹⁸⁴ В подтверждение этого Кеппен приводил название близлежащей скалы — Исар-кая, на которой ему лично не довелось побывать. Укрепление на Исар-кая удалось, однако, обнаружить археологической экспедиции под руководством О. И. Домбровского только в 1966 г., а в 1967 г. оно было обследовано и описано Л. Н. Фирсовым. Оказалось, что Исар расположен не на первой, а на второй скале к востоку от Лестницы. Поверхность скалы напоминает нос корабля, приподнятый к западу. Площадь укрепления, составляющая примерно четверть гектара, с восточной и северной стороны обнесена стенами, общей протяженностью 105 м, а с юга и запада ограничена крутыми обрывами. С северной стороны стена имела значительные размеры: кладка и сегодня поднимается на высоту 1,5–2 м, толщина достигает 2,5–2,7 м, а в основании — 3 м; судя по мощности каменных развалов, высота стены составляла 6–8 м. Полностью расчищен вход в крепость, находящийся в восточной стене, в 12 м от углового поворота. На территории крепости найдены остатки построек и базилики размерами 3,6 x 6 м с апсидой, обращенной на северо-восток, и с входом с южной стороны, что типично для большинства южнобережных церквей. Внутри она была оштукатурена и расписана, пол был выложен песчаниковыми плитами. Из огромного количества обломков керамики самая ранняя

¹⁸⁴ Фирсов Л. В. Указ. соч. — С. 35.

относится к VIII в.: наряду с гончарной и поливной посудой встречается и местная лепная; не исключено, что дальнейшие исследования покажут, что история места началась задолго до возникновения средневекового исара.¹⁸⁵

На Южнобережье не было крупных населенных пунктов, которые могли бы сравниться с Херсонесом или Мангупом. Кроме "сорока крепостей", упомянутых в XIII в. Рубруком, основная часть которых известна исследователям, существовало множество открытых средневековых поселений: только в окрестностях Гурзуфа их было около десятка, а между Симеизом и Форосом — более тридцати. Очень немногие среди них «дотягивали» до ранга города, или, скорее, бурга: это византийские крепости Алустон и Горзувиты, укрепленные монастыри — Партенит, возможно монастырь св. Ильи в Ласпи. Однако по заселенности, по производимым богатствам побережье вряд ли уступало району юго-западных предгорий с их «пещерными» городами. Неудивительно, что их связывала сеть дорог, шедших через перевалы. "Длинные стены" Главной гряды отгораживали жителей побережья от врагов, но горные проходы, клисуры, бдительно охранявшиеся, в более мирное время превращались в оживленные торговые пути, ведущие в города горной Таврики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЗКОЕЛП — Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы.
ЗООИД — Записки Одесского общества любителей истории и древностей.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
СА — Советская археология.
Геродот. История в 9 книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского — Л.: Наука, 1972. - 600 с.
Страбон. География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского — Л.: Наука, 1964. - 944 с.
IRE — Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. — Спб, 1893–1900. — Т. 1. (Греч. писатели). — Вып. 1–3. - 946с.

¹⁸⁵ Фирсов Л. В. Указ. соч. — С. 50–52.